

Гельсингфорс – Санкт-Петербург

Страницы истории

вторая половина XIX – начало XX века

Нестор-История
Санкт-Петербург
2012

УДК 94
ББК 63.3(4Фин)+63.3(2)
Г32

Г32 **Гельсингфорс–Санкт-Петербург**

Страницы истории (вт. пол. XIX — нач. XX в.) : сборник статей / под. ред. Т. Вихавайнена, С. Г. Кащенко. — СПб. : Нестор-История, 2012. — 200 с.

ISBN 978-5-905987-28-1

Предлагаемый читателю коллективный сборник статей является результатом труда историков Хельсинки и Санкт-Петербурга, принимавших участие в совместном исследовательском проекте, поддержанном Академией наук Финляндии и Российской Академией наук.

УДК 94
ББК 63.3(4Фин)+63.3(2)

*Исследование выполнено по гранту РГНФ проект № 10-01-00632 а/Ф
«Санкт-Петербург-Хельсинки. Проблемы взаимовлияния европейских столиц
во второй половине XIX — начале XX в.»*

ISBN 978-5-905987-28-1

9 785905 98728 1

© Коллектив авторов, 2012
© Издательство «Нестор-История»,
оформление, 2012

Содержание

Предисловие.....	4
<i>Эконен К.</i> Славянская библиотека Хельсинки в 1809–1924 гг. История организации.....	8
<i>Шкваров А.</i> Церковные источники по истории русских гарнизонов в Великом княжестве Финляндском (1809–1917 гг.).....	24
<i>Кангаспуро Л.</i> Источники по истории тюремного дела в Великом княжестве Финляндском: официальные материалы и периодика на русском языке.....	41
<i>Приймак Н. И.</i> Финляндия 40–50-х гг. XIX в. в записках русских путешественников.....	55
<i>Смирнова М. А.</i> «Места восхитительные для глаза и поучительные для ума»: русскоязычные путеводители по Финляндии второй половины XIX — начала XX в.....	69
<i>Вихавайнен Т.</i> Санкт-Петербург глазами финских корреспондентов. Вторая половина XIX в.....	85
<i>Бюклинг Л.</i> Современные русские пьесы в Русском театре Гельсингфорса в начале 1900-х гг. Цензура драматических произведений.....	109
<i>Рогулин Н. Г.</i> Санкт-Петербург в судьбе финляндцев, состоявших на российской службе в начале XX в.....	132
<i>Мякинин О. В., Рябова Л. К.</i> Позиция правых сил в отношении «финляндского вопроса» на страницах газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.).....	145
<i>Кащенко С. Г.</i> Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян на территории «исторической» Ингерманландии. К вопросу о трансформации структуры наделов и платежей.....	167
<i>Петров Е. В.</i> Последний исполняющий обязанности генерал-губернатора Великого княжества Финляндского и первый русский лектор Джорджтаунского университета — барон С. А. Корф.....	189

Предисловие

Предлагаемый читателю коллективный сборник статей является результатом труда историков Хельсинки и Санкт-Петербурга, принимавших участие в совместном исследовательском проекте, поддержанном Академией наук Финляндии и Российской Академией наук (грант РГНФ проект № 10–01–00632 а/Ф «Санкт-Петербург–Хельсинки. Проблемы взаимовлияния европейских столиц во второй половине XIX — начале XX в.»).

Тематика работ, помещенных в сборнике, весьма разнообразна. Среди статей, представленных российскими исследователями — сотрудниками кафедры источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета, важное место занимают работы, связанные с различными аспектами культурного и политического взаимодействия русских и финнов в подстоличных регионах, экономической ситуацией, сложившейся на территории Ингерманландии в середине XIX — начале XX в. Руководителем российской части проекта являлся заведующий кафедрой, профессор С. Г. Кашенко.

Статья доктора исторических наук, профессора Н. Приймак посвящена интересному источнику — запискам Ф. В. Булгарина, Я. К. Грота, С. С. Джунковского, А. П. Милюкова о поездках по Финляндии в 1840–1850-х гг.

Колоритные записки А. П. Милюкова, дополненные пояснениями С. С. Джунковского и эмоциональными замечаниями Ф. В. Булгарина, вместе с подробными сведениями о современности и истории Финляндии Я. К. Грота были весьма полезными для представителей российской интеллигенции, посещавших Финляндию, и априори делали интересными их визиты в эту страну.

Близка к этой теме и статья кандидата исторических наук М. Смирновой, посвященная русскоязычным путеводителям по Финляндии второй половины XIX — начала XX в. Она содержит анализ структур путеводителей, их авторства и тематики. Интерес представляет приложение к статье, в котором приведен список путеводителей по Финляндии, хранящихся в фондах Российской национальной библиотеки.

Работа кандидата исторических наук, доцента Н. Рогулина связана с изучением биографий видных уроженцев Финляндии, состояв-

ших на российской государственной службе в начале XX в. Автор проанализировал роль, которую сыграл Санкт-Петербург в судьбе, профессиональной подготовке и карьере 365 граждан Великого княжества Финляндского. Источником для статьи послужили материалы Российского государственного исторического архива (списки, предоставленные министерствами и ведомствами в канцелярию Совета министров в 1910–1911 гг., а также более ранние сведения 1908 г.), документы Российского государственного архива Военно-морского флота.

В статье доктора исторических наук, профессора Е. Петрова рассмотрены страницы биографии последнего исполняющего обязанности генерал-губернатора Великого княжества Финляндского, русского политического деятеля, барона С. А. Корфа.

С. А. Корф, известный своей общественной и академической работой в Александровском университете Гельсингфорса, впоследствии был лектором в Джорджтаунском университете. Автор использовал документы различных архивов России, Финляндии и США, проливающие свет на ранее неизученные эпизоды жизни Корфа.

Интерес представляет совместная работа О. Мякинина (Государственный Эрмитаж) и кандидата исторических наук, доцента Л. Рябовой, где рассмотрена позиция представителей правых сил в России в отношении «финляндского вопроса», которая нашла отражение в 1906–1912 гг. на страницах петербургской газеты «Окраины России».

Экономическая ситуация, сложившаяся в районах, граничивших с Великим княжеством Финляндским во второй половине XIX в., рассматривается в статье доктора исторических наук, профессора С. Кашенко, посвященной последствиям освобождения помещичьих крестьян на территории «исторической» Ингерманландии. Главное внимание в работе уделено изучению проблем реализации реформы 19 февраля 1861 г. В результате обработки материалов компьютерной базы данных, основанной на документах Российского государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, проанализированы важнейшие показатели, определявшие состояние крестьянского хозяйства.

Работы настоящего сборника, а также ранее опубликованные статьи, монографии и сборники материалов двух исследовательских групп, доклады на международных конференциях и семинарах стали результатом интенсивной научной работы, которая велась историками университетов Хельсинки и Санкт-Петербурга на протяжении 2010–2012 гг.

Участники проекта с финской стороны работают в Институте культур мира Хельсинкского университета. В первый год выполнения

проекта рабочую группу возглавила доктор философии Лийса Бюклинг, с 2011 года во главе проекта — доцент Арто Луукканен.

Доктор философии Лийса Бюклинг представила статью, посвященную репертуару Русского казенного театра Гельсингфорса (Хельсинки) в начале XX века. В ней наглядно показана роль театральной цензуры в условиях Гельсингфорса, в котором львиная часть аудитории театра состояла из офицеров и членов их семей.

Профессор Тимо Вихавайнен в своей статье рассматривает корреспонденцию финляндских газет во второй половине XIX в. В указанных статьях много интересной информации о том, как жители Великого княжества оценивали жизнь в имперской столице и как они сравнивали ее с обстановкой в Хельсинки и в других городах.

Доктор Кирсти Эконен, которая исследовала историю Славянского отдела Университетской библиотеки Хельсинки (ныне — Национальная библиотека), в своей статье рассказывает о возникновении этой знаменитой коллекции и о ее дальнейшей судьбе. Главную роль в учреждении славянского отдела играл Яков Карлович Грот, который в течение десятилетия работал профессором в университете Хельсинки.

Кандидат исторических наук, докторант Алексей Шкваров в своей статье рассматривает церковные источники, которые проливают свет на проблемы смешанных браков православных русских солдат и финских женщин, исповедовавших лютеранскую религию.

Кандидат исторических наук, докторант Лариса Кангаспуру анализирует документы и законодательные статьи, которые касаются пенитенциарной политики в Великом княжестве Финляндском. Хотя Великое княжество было частью Российской империи, оно имело широкую автономию, которая сказалась и в этой отрасли жизни.

Совместная работа, выполненная участниками проекта, результаты которой отражены в предлагаемом сборнике, представляет собой новый уровень сотрудничества финских и русских историков. Считаю весьма важным и ценным факт широкого обращения к русскоязычным источникам по истории Финляндии и русско-финских отношений. Не случайно, что два исследователя с финской стороны владеют русским языком как родным. До настоящего времени такие ученые в Финляндии в области истории встречались весьма редко.

Академии наук Финляндии и России, поддержав настоящий проект, предоставили новые возможности для изучения тех страниц истории наших стран, которые написаны на русском языке. Поскольку изучение истории Финляндии требует так же знания шведского и финского языков, идеальная форма таких проектов — совместная работа финских и русских исследователей.

Выход в свет настоящего сборника не только подводит определенный итог проделанной работы, но и показывает хорошие перспективы, которые открываются со введением в научный оборот новых, ранее неизвестных документов, проливающих свет на еще не исследованные сюжеты истории двух народов. Обращение к ним сегодня весьма полезно и интересно.

Т. Вихавайнен, С. Г. Кащенко

Кирсти Эконен (Kirsti Ekonen),
доктор, исследователь
Университет Хельсинки, Финляндия
kirsti.ekonen@helsinki.fi

Славянская библиотека Хельсинки в 1809–1924 гг. История организации

Славянская библиотека, обязательный экземпляр, национальная идентичность, Великое княжество Финляндское, Яков Грот

Slavonic library, Free deposit copy, national identity, Grand Duchy of Finland, Yakov Grot

В статье речь идет об организационной истории Славянской библиотеки (ранее — Русская библиотека) Университета Хельсинки, о трех переменах ее истории: о начале коллекции (1809–1828), об основании Русской библиотеки (1840-е гг.) и о событиях, ведущих к ее переименованию в Славянскую библиотеку (1917–1924). В статье показывается, как история библиотеки связана не только с политическими, но и с культурными факторами.

The article deals with organisational history of the Helsinki Slavonic library (before Russian library) and focuses on its three main phases, i. e. on the beginning of the collection (1809–1928), on the establishment of the Russian library (1840's) and on grounding of the Slavonic library (1917–1924). During the existence of the Grand Duchy of Finland the organisation of the library mirrors not only political but also cultural changes in the relations of Finland and Russia.

Начало

Возникновение Славянской библиотеки¹ нельзя объяснить, не учитывая всей исторической картины. С одной стороны, в возникновении библиотеки отражаются российская политика умиротворения и раз-

¹ Более подробно о начале Славянской библиотеки см.: [1].

личные жесты доброй воли и политики умиротворения, последующее объединение Финляндии с Российской империей в качестве Великого княжества Финляндского. С другой стороны, библиотека возникла как результат схематического следования законам периода Шведского королевства, которые Александр I обещал сохранить в силе.

Как утверждают исследователи начала периода автономии [2, с. 57–77; 3, р. 15–24; 4, р. 31, 42–44, 76–79], император Александр I многократно обещал и утверждал, что те конституции и привилегии, которые были в силе в Финляндии в составе Швеции, будут сохранены в составе Российской империи. Это было важнейшей частью российской политики умиротворения, обращенной, в первую очередь, к верхнему слою населения Финляндии. Из верхушки Финляндии среди первых лояльность к новой власти объявили представители Академии Турку, первого и единственного университета в тогдашней Финляндии. Это выражение олицетворял вице-канцлер и профессор богословия Академии Турку, епископ Якоб Тенгстрем (1755–1832). Под его руководством представители Академии дали присягу о лояльности к императору уже в мае 1808 г. В следующем месяце Александр I утвердил привилегии Академии и попросил Академию представить планы развития учреждения [5, р. 9–19]. Консistorий Академии (*Consistorium academicum*, университетский совет) быстро подготовил широкий план, в который входили в том числе предложения о совершенствовании библиотеки.

В связи с работой над планами совершенствования Академии возникла идея о так называемом «обязательном экземпляре». В декабре 1809 г. консistorий обращался к Михаилу Сперанскому, который исполнял тогда (помимо других государственных обязанностей) обязанности канцлера Академии Турку, с просьбой о праве получать по одному экземпляру всего, что было издано на всей территории Российской империи. Свою просьбу консistorий обосновал тем, что библиотека имела такое право в составе Шведского государства. Библиотека Академии Турку уже в течение ста лет имела право получать литературу, издаваемую во всей Швеции [6, р. 112]. Это право было ключевым с точки зрения комплектования и развития библиотеки и тем самым могло способствовать академической деятельности. Просьба основывалась на упомянутом выше требовании императора о предоставлении плана дальнейшего развития Академии. Другими словами, представители Академии Турку стремились к улучшению состояния своего учреждения, в частности к совершенствованию библиотечной коллекции, демонстрируя лояльность и одновременно ссылаясь на законы. Оценивая документы этого периода, следует обратить внимание

на то, с какой легкостью можно было поменять право на получение шведских изданий на аналогичное право на издания из России. Языки науки и темы исследований были тогда настолько общими, поэтому такая реорганизация была мыслима и возможна.

Неизвестно, получили ли представители Академии ответ на свою просьбу. Общий план развития Академии был представлен императору, причем просьбу об обязательном экземпляре передали Сперанскому. В 1812 г. положение Сперанского изменилось, он потерял свое место в государственном управлении. Этим обстоятельством можно объяснить то, что вопрос об обязательном экземпляре, по-видимому, не обсуждался в связи с другими вопросами, связанными с развитием Академии. Таким образом, хотя Академию Турку продолжали развивать за счет казны, тем не менее библиотека страдала от того, что коллекции по-прежнему не пополнялись.

Вопрос о праве на обязательный экземпляр стал актуальным в очередной раз в 1820 г. Известно письмо министра народного просвещения Александра Голицына к великому князю Николаю Павловичу, канцлеру Академии Турку, датированное тем же годом. Голицын сообщает «о бездежном доставлении в Абоский Университет [Академия Турку] по одному экземпляру всех книг и сочинений, печатаемых в России». Из письма известно также, кто является *primus motor* решения: Голицын предлагает, чтобы книги отправляли председателю Комиссии Финляндских дел в Петербурге, барону Ребиндеру², для того, чтобы оттуда уже переслать в Турку (*Helsingin yliopiston keskusarkisto. Kanslerinvirasto, Saapuneeet asiakirjat, Eaa*). Ребиндер был не только председателем Комиссии Финляндских дел, но имел также важное положение во главе академической жизни Великого княжества. После смерти Александра I и вступления на престол Николая I, его наследник, будущий государь Александр II (в тот момент лишь семилетний ребенок) стал канцлером университета. Вице-канцлером оставался Ребиндер, но из-за несовершеннолетия канцлера он фактически нес всю ответственность за развитие университета. До своей смерти в 1841 г. Ребиндер был влиятельным человеком вообще, особенно в области русско-финских взаимоотношений [5, р. 44, 68].

По документам архива национальной библиотеки Финляндии и архива Университета Хельсинки (*Kansalliskirjaston arkisto, Helsingin yliopiston keskusarkisto*) после императорского решения 1820 г. библиотека Академии Турку стала получать литературу, издаваемую в России. Книги собирались местными цензурными комитетами и отправлялись в Турку через Комиссию Финляндских дел в Санкт-Петербурге. Однако библиотека Академии Турку смогла принимать книжные по-

² Статс-секретарь, барон Роберт Хенрик Ребиндер (1777–1841).

сылки лишь в течение семи лет. В сентябре 1827 г. пожар уничтожил не только бóльшую часть города, но и здания Академии, в том числе всю библиотеку Академии. Из русскоязычной литературы сохранились лишь 23 тома, которые в ночь пожара оказались на руках у читателей, проживавших в домах, которых не затронул огонь.

Гибель Академии довела до того, что университет перенесли из города Турку в новую столицу Гельсингфорс. По этой же причине его переименовали в Императорский Александровский университет Финляндии. Пересылки книг из российских цензурных комитетов продолжались — об этом свидетельствуют многочисленные списки из разных частей империи. Кроме того, уничтожение библиотеки Академии Турку вызвало кампанию за восстановление коллекций, причем кампания касалась не только территории Великого княжества, но и всей России. Учебные округа организовали сбор дубликатов из библиотек иных высших учебных заведений. Университеты Москвы, Казани и Ревеля пересылали свои книги. Также учебные заведения от Симбирска, Иркутска, Томска, Саратова, Харькова, Нижнего Новгорода, Вильнюса и т. д. посылали лишний материал [НУК Ва 1.1.29, Ва 1.1.30]. Сегодня наиболее известны щедрые подарки из столицы. Они включали в себя как целые коллекции, так и отдельные библиотеки. Например, уже через месяц после пожара Российская академия наук объявила о пожертвовании 4000 томов. Самым ценным отдельным пожертвованием была т. н. коллекция Мраморного дворца. Ее подарил Александровскому университету внебрачный сын великого князя Константина, Павел Александрович (более подробно о пожертвованиях см.: [7]). Действительно, библиотека Университета Хельсинки развивалась благодаря пожертвованиям. Однако это было литература преимущественно на других, нежели на русском языке. Поэтому хотя пожертвования были важны — являясь еще одним знаком выражения доброй воли России к Великому княжеству, потерявшему свою историческую столицу Турку³, — они не имели особого значения с точки зрения Славянской библиотеки.

Официальным началом Славянской библиотеки считают 1828 г. Тогда был принят закон, по которому Библиотека Императорского Александровского университета Финляндии (в Гельсингфорсе) получила право на один бесплатный экземпляр всей литературы, издаваемой в Российской империи. Данную привилегию установили в Уставе о цензуре в 1828 г.

³ Перенос столицы был связан со стремлением русской власти приблизить Финляндию к России и тем самым удалить ее от Швеции. Среди населения решение вызвало критику. Крупные строительные проекты в городе Хельсинки (например, университетские и другие здания вокруг Сенатской площади) связаны с этим расхождением.

Русская библиотека

Несмотря на закон 1828 г., обеспечивающий библиотеке университета в Гельсингфорсе один экземпляр из всех изданных в Российской империи книг, читатели не имели к ним доступа. Об этом свидетельствует Яков Грот, известный позднее как академик и вице-президент Императорской Российской академии наук. Осенью 1840 г. совсем недавно переселившийся в город Хельсинки Яков Грот посетил библиотеку Александровского университета. Кроме «Ручного русско-шведского словаря» Габриеля Гейтлина, он нашел иные русскоязычные книги, «но все в большом беспорядке», как он описал своему другу, тогда профессору русской литературы Петербургского университета П. Плетневу [8, т. 1, с. 55].

Спустя 12 лет, уже готовясь вернуться в Петербург, Грот констатировал, что организация русской библиотеки была важнейшим результатом того периода, который он прожил в Великом княжестве: «Самым важным результатом моего определения в Гельсингфорский университет я считаю то, что он, а вместе с ним и все население Гельсингфорса, приобрели русскую библиотеку, основанную моими стараниями и из которой всякий может бесплатно получить книги. Удобством этим пользуются особенно военные и свеаборгские моряки, но есть и другие читатели. Прочие результаты остаются до сих пор в области возможности» [9, с. 39].

Грот высоко оценил свою работу в библиотеке. Зато о своей главной задаче в Финляндии он высказался довольно скромно: «Я не говорю подробнее о результатах моей профессорской деятельности в Гельсингфорсе и моих объездах финляндских училищ, испытав на самом себе, что распространение и утверждение русского языка в иноплеменном краю не может быть делом одного человека» [Там же].

Дело в том, что в 1840 г., когда Грот переселился в Хельсинки, его первой задачей была следить за преподаванием русского языка в учебных заведениях Финляндии. В 1841 г. он был выбран профессором русского языка и словесности при Александровском университете⁴. Занимательно, что приезде Грота в Финляндию предшествовало знакомство с вышеупомянутым статс-секретарем бароном Ребиндером,

⁴ Иногда ошибочно считают, что Грот был первым профессором русского языка в Александровском университете. На самом деле он был первым профессором «ординариус», первым постоянным профессором. Гроту было заранее известно, что профессор «экстраординариус» русского языка и литературы С. В. Соловьев собирается вернуться из Хельсинки в Петербург, и в Хельсинки Грот ждал открытия этого поста. В должности профессора он в течение многих лет читал лекции (на шведском языке) по русской истории и литературе.

который посоветовал ему работу инспектором финляндских училищ по преподаванию русского языка [Там же, с. 30–31]. Запомним, что вскоре после присоединения Финляндии к России Ребиндер подчеркивал важность знания русского языка, хотя сам его не выучил, и считал, что вместо шведского русский мог бы стать языком управления окраины [2, с. 139].

Запомним также, что Ребиндер заботился о библиотечных коллекциях сначала Академии Турку и затем Александровского университета в Гельсингфорсе. Обе линии деятельности Ребиндера соединились в деятельности Грота в Финляндии в 1840-е гг. В деятельности Грота можно увидеть как продолжение сложившейся традиции, так и ключевые изменения.

Деятельность Грота далеко не ограничивалась выполнением государственных административных задач по распространению русского языка в Финляндии. В личной жизни Грота решение переселиться в Финляндию обозначало решение оторваться от карьеры государственной службы и отдаться литературе. Он сам писал стихи, но его интересовали также иностранные культуры и языки. Он знал шведский язык уже до переселения и, например, осуществил перевод Е. Тегнера («Фритиоф», *Fritiofs saga*). Он также посещал несколько раз Финляндию, бывал, например, в Иматре, в Выборге и в Гельсингфорсе, который в те времена был модным курортным городом. Его стихи этого периода на финскую тему повторяют общие представления о Финляндии, которые доминировали в русской поэзии в те времена (Эконен 2012, forthcoming). Еще до приезда он также опубликовал ряд статей, касавшихся Финляндии и Скандинавии, в «Современнике» и в «Отечественных записках».

Переселившись в Гельсингфорс, Грот продолжал заниматься шведской поэзией и скандинавской мифологией. Он общался с видными деятелями финляндской культуры, в том числе с Й. Л. Рунебергом. Грот учился также финскому языку у М. А. Кастрена, будущего филолога и специалиста финно-угорских языков. Заметно, что деятельность Грота всячески связана с темой языка и национальных культур.

Грот имел большое значение как “culture mediator”. Благодаря ему распространялась информация о Финляндии в России и наоборот. Эту задачу Грот выполнял в сотрудничестве с П. Плетневым, профессором и затем ректором Санкт-Петербургского университета и редактором «Современника». В 1840-е гг. в этом журнале широко представляли финскую культуру и литературу русской аудитории. Грот, со своей стороны, попытался сделать то же самое в Великом княжестве Финляндском. Он, например, попытался возродить интерес к русской

культуре у Й. Л. Рунеберга, шведоязычного поэта национального возрождения Финляндии. Кроме того, он планировал вместе с финскими коллегами издание Северной истории, которое отличалось бы от предыдущих тем, что в него планировали включить и скандинавские, и русские источники. Эти планы не осуществились.

Образ Грота прекрасно вписывался в культурную и идеологическую картину времени. По сравнению с началом XIX в., в 1840-е гг. национальность и национальные языки приобрели общественное значение нового типа. Они стали привлекать внимание ученых, писателей и литераторов. Увеличивался также интерес к фольклору. В расширяющейся Российской империи это обозначало интерес не только к русской культуре, но и к культуре завоеванных областей. Поэтому работу Грота в университетской библиотеке следует рассматривать в культурном, идеологическом и политическом контексте эпохи. В переписке Грота и Плетнева прекрасно проявляются дух времени, заинтересованность и почтительное отношение к чужим культурам. Переписка позволяет также подробно наблюдать работу Грота в университетской библиотеке.

Пост профессора способствовал свободному доступу Грота в университетскую библиотеку, в том числе к той русской коллекции, которая его так заинтересовала сразу после приезда в город. Еще в 1840-е гг. в университетской библиотеке интенсивно работали над организацией коллекции после пожара и переселения университета из Турку в Гельсингфорс. Дискуссии о принципе организации были бурные. Соединить работу над восстановлением библиотеки с обслуживанием читателей было трудно [6, р. 191–204]. В те дни пересылки русских книг из цензурных комитетов не стояли первыми в очереди. Кроме того, в городе не было большого спроса на русскую литературу. В Великом княжестве Финляндском русский язык не стал языком администрации и вообще не распространился так широко и быстро, как предполагали в начале XIX в. Обучение русскому языку, однако, началось уже в Академии Турку вскоре после присоединения Финляндии к России. С 1811 г. за обучение отвечали «мастера» [5, р. 29], затем лектора, а с 1828 г. профессор («экстраординариус») русского языка и литературы — уже в перенесенном в Гельсингфорс императорском Александровском университете. Знание русского языка в финляндской администрации распространялось также с помощью системы стипендий в российских университетах начиная с 1812 г. (см.: [10]). Для местного населения, однако, было достаточно владеть финским и шведским языками. Ученые же могли общаться друг с другом при помощи некоторых общих языков. Единственная сфера жизни, где русский язык был нужным, хотя необязательным, — администрация. Поэтому понятно, что те русские издания, которые

в течение 1820-х — 1840-х гг. посылали цензурные комитеты со всех краев империи в библиотеку Университета Хельсинки, оставались в беспорядке.

В первые хельсинкские годы библиотечные коллекции не были организованы по принципу языка. Вообще для «духа» XVIII в., который господствовал еще в начале XIX в., язык и национальность не считались сами по себе особыми ценностями; знание, наука и культура представлялись универсальными, наднациональными предметами, причем язык был скорее средством общения. На смешение разноязычных изданий в библиотечных коллекциях повлияли также практические причины: списки книг, высланных из Российской империи по закону обязательного экземпляра, включали литературу на многих языках, хотя большинство изданий были на русском языке. То же самое можно сказать о литературе, подаренной учебными заведениями. Целые библиотеки и книжные коллекции, подаренные из России после пожара в Турку, также включали в себе издания на разных языках, большей частью на европейских — латинском, французском, немецком, т. е. на главных языках науки и культуры того времени, когда формировались эти коллекции. Одновременно количество русскоязычной литературы, издаваемой в России, за первые десятилетия XIX в. сильно увеличивалось, и тем самым к 1840 г. возрастало число русскоязычной литературы в фондах Александровского университета в Гельсингфорсе.

Назначение Грота на пост профессора русского языка и литературы фактически обозначало начало русской библиотеки. Дело в том, что именно он стал инициатором разделения книг по принципу языка издания. Сразу после приезда его заинтересовали именно русские книги университетской библиотеки, и именно русской коллекции он и посвящал много времени. Деятельность Грота в университетской библиотеке следует рассматривать в контексте национальной романтики: язык стал важным фактором также в организации коллекций. Библиотека была не только источником информации, но и складом национальных ценностей.

С самого начала известно, что Грота интересовали именно русские книги, и он рассматривал их как одно целое, а не как часть библиотечных ресурсов Гельсингфорского университета. Он писал Плетневу: «...книги стоят по росту, между ними русские рассеяны как русские путешественники по Европе, прочие — дома, а они как будто в гостях» (Письмо от 26 сентября 1840. См.: [8, т. 1, с. 69]).

Через несколько дней, как мы видим из письма Плетнева Гроту от 1 октября 1840 г., идея об отдельной русской библиотеке уже сформулирована. Плетнев планирует: «Надеюсь, что, сделавшись ординаруму

профессором университета, вы отделите русскую библиотеку от шведской и приведете ее в такое состояние, что она послужит образцом для всех в мире университетских библиотек» [Там же, с. 81].

Этим планам суждено было осуществиться, но только после того как университетская библиотека переселилась из временного здания во вновь построенное отдельное библиотечное здание в 1843 г. Со времен Грота Русская библиотека отделилась от общей университетской библиотеки, хотя официально ее статус в организации изменился лишь в 1852 г. [11, р. 33].

Сначала Русской библиотеке предоставили две комнаты в новом библиотечном здании возле Сенатской площади, построенном по проекту К. Л. Энгеля, где и поныне находится Национальная библиотека Финляндии. Уже в 1847 г. Русская библиотека переехала в университетское здание (сегодня — главное здание Университета). В 1845 г. в фондах Русской библиотеки было, по подсчетам Грота, около 3000–4000 томов [12, р. 160].

Переписка Грота с Плетневым показывает, что он всецело отдался библиотечной работе. Ректор университета выделил отдельные средства для работы, кроме того, Гроту назначили помощника [Ibid., р. 148]. Из письма Грота от 22 апреля 1844 г. мы узнаем, что книги уже расставлены и «для каждой науки особый шкаф или шкапы» [8, т. 2, с. 237]. Как утверждает Мария Виднес [12, р. 148], коллекции организовывали по тому же принципу, который (после длинных разговоров) был избран для всей университетской библиотеки.

Комплектование и забота о качестве библиотечных фондов были постоянной проблемой Грота. Система обязательного экземпляра его не удовлетворила, так как цензурные комитеты не пересылали все издания, которые выходили в России. Гроту стало ясно: чтобы создать из Русской библиотеки научную библиотеку, необходимо также позаботиться о поступлении в нее всех важнейших научных изданий. Об отдельных отсутствующих книгах и журналах шла речь в его переписке с Плетневым. С помощью Плетнева ему, например, удалось достать старые номера «Современника». (Более подробно о деятельности Грота в библиотеке см.: [8; 12].)

Сложно было достать нужную литературу, но в работе появились и иного рода проблемы: по закону об обязательном экземпляре библиотека получала массу печатных материалов, абсолютно не отвечающих ее научному профилю. В сентябре 1844 г. Грот, уставший от работы, даже высказался довольно резко: «...Гораздо выгоднее было бы, если бы цензурные комитеты вовсе не прислали нам новых книг» [8, т. 2, с. 320]. В те дни он вместе с помощником Степаном Барановским отделяли «годные книги от негодных» [Там же].

Кроме работы, которая требовала глубоких познаний в русской культуре и науке, Грота волновали и практические дела, такие как, например, убранство (меблировка) библиотеки, принцип переплетения книг, организация справочной библиотеки и т. п. После того как приняли решение о «расставлении» книг в систематическом порядке, возник вопрос о каталоге, но каталогизация продолжалась и после Грота. Помощник Грота, Степан Барановский, стал после него профессором русского языка и литературы и одновременно ответственным за русскую библиотеку (см.: [13]). После Грота ответственность за русскую библиотеку официально входила в обязанности профессора русского языка и литературы.

Благодаря переписке Грота с Плетневым первые годы существования библиотеки хорошо документированы. Гораздо меньше материала о последующих десятилетиях. Читателями библиотеки на второй половине XIX в. были как ученые, так и люди, порой далекие от науки. Ученые, особенно финские, интересовались историей и географией России. Студенты нуждались в учебных пособиях русского языка. Читатели художественной литературы предпочитали Пушкина, Гоголя, Павлову. Из иностранных авторов можно упомянуть Дюма, Гете, Жорж Санд. Все одинаково интересовались «Современником» и другими толстыми журналами. В середине века объем библиотечной коллекции составлял уже больше 10 000 томов. По статистике 1850-х гг. число выданных книг было примерно 1000. Значит, библиотека, организованная Гротом, работала и нашла свое место в академической и интеллектуальной жизни города.

В годовых отчетах университета отмечается «поток книг» из России (например, в отчетах за 1887–1890 гг. [14, р. 60]). Большое количество книг и журналов составляло действительную проблему: в русской библиотеке Университета не было места для всех изданий. Из всей литературы, поступавшей по закону обязательного экземпляра, выделяли ту часть, которую не считали подходящей для академического учреждения (в том числе детскую или общеобразовательную литературу и т. п.) и дарили школьным и офицерским библиотекам города. Кроме университетской русской библиотеки, русскоязычному населению столицы Великого княжества предлагали свои услуги также некоторые другие библиотеки. Например, библиотека православного прихода имела коллекции духовно-нравственной и богословской литературы. Русские школы собирали литературу для детей, а библиотека Купеческого общества имела хорошие собрания художественной литературы.

Хотя деятельность Грота в 1840-е гг., как сказано выше, стремилась к взаимному обогащению знаниями других культур, ее решение

отделить русскую коллекцию от общей университетской коллекции подчеркивал разрыв между русской и финляндской национальными культурами. Кроме того, со временем политический климат изменился. Особенно в годы правления генерал-губернаторов Бобрикова («первый период угнетения») и Зейна («второй период угнетения») речь уже не шла о взаимном обогащении двух культур. С финляндской стороны основанную Гротом библиотеку стали рассматривать как один из способов русификации страны. Библиотеку относили к группе так называемых русских учреждений Университета, политическое значение которых увеличивалось к концу XIX в., когда усиливались репрессивная политика и русификация и, соответственно, ответное стремление финнов сохранить прежнюю автономную позицию.

Одной из целей российской политики конца XIX и начала XX в. было расширение преподавания русского языка и вообще знаний о России. Из-за этого, например, открыли профессию истории русского права, но университет, обладающий широкой автономией, смог добиться права самостоятельно принимать решение о назначаемом кандидате. Поэтому, например, на пост профессора истории русского права назначали Сергея Корфа, человека не самого желательного с точки зрения государственной власти (см. статью Е. Петрова в данном сборнике) (Suomen kansallisarkisto, Kanslerinviraston aktit, 1905, p. 8; 1907, p. 7, I; 5, p. 457–458). Некоторое время он также отвечал за Русскую библиотеку. Вообще в главе Русской библиотеки до 1902 г. стоял профессор русского языка и русской литературы, первым же официальным директором библиотеки стал Андрей Игельстром (1860–1927). Он возглавил библиотеку в бурные годы — с русской и с финской точки зрения — и состоял в этой должности также и во время отделения Финляндии от России.

Славянская библиотека

До 1917 г. библиотека была русским учреждением в столице Великого княжества, где большинство населения говорило на шведском и на финском языках. Революции 1917 г., приобретение Финляндией независимости и формирование Советской России обозначили серьезные перемены в организации библиотеки и ее статусе в академической жизни страны.

Падение Российской империи и утрата Финляндией статуса Великого княжества означали отмену закона 1828 г., обеспечивавшего для Русской библиотеки Университета поступление обязательных экземпляров. Относительно русской коллекции ситуация была схожей с си-

туацией 1809 г., когда закончился договор об обязательных экземплярах в Академию Турку. Ситуации отличались, однако, в том, что русские издания не были такими необходимыми для академической жизни, какими были обязательные экземпляры из Швеции в начале XIX в. Кроме того, самостоятельное положение Русской библиотеки в организации Университета отделило ее от «общей» университетской библиотеки как центра научной литературы. Таким образом, прекращение пересылок литературы из России поставило под угрозу «лишь» существование Русской библиотеки, а не всей университетской библиотеки, как в начале XIX в. Так как будущее Русской библиотеки было открытым, директор Игельстром обратился к консисторию с предложением о ее реорганизации. Университет назначил комиссию для изучения ситуации [11, р. 37–40; 15, р. 98–101].

До того, когда в 1924 г. Русскую библиотеку соединили с университетской библиотекой и переименовали в Славянскую библиотеку, политические и идеологические направления в очередной раз повлияли на это учреждение.

Символическое значение языка и фактическая языковая политика в России и в Финляндии стали вновь важными факторами для развития библиотеки. В независимой Финляндии упразднили те «русские профессуры», которые были учреждены по предложению русской власти и которые финны считали признаками угнетения, в то время как Николай II выражал надежду об их способностях, напротив, вызвать любовь к России [11, р. 34]. К сожалению, профессор С. Корф покинул страну.

Что касается Русской библиотеки, несмотря на сильные антирусские настроения, вышеупомянутая комиссия пришла к такому выводу, что коллекции библиотеки являются весьма ценными и формируют одно целое, которое надо сохранить. Отбор материала надо совершить квалифицированно. Комиссия еще подчеркивала то обстоятельство, что, по ее мнению, в большевистской России уничтожаются библиотеки вместе с другими культурными ценностями, и поэтому ценность собрания русских книг в Хельсинки еще более возрастает.

Так как Русская библиотека была частью Университета, дискуссию о ее будущем следовало рассматривать с точки зрения академической жизни Финляндии. На основе закона об обязательном экземпляре ее коллекции содержали много изданий, которые, несмотря на очередные отборы, не соответствовали профилю научной библиотеки. Продолжать комплектование было невозможно, во-первых, из-за того, что Университет не имел средств на него; во-вторых, большое количество читателей приходило не из университетской среды,

и Университет не полагал своим долгом предлагать услуги тем, кто мог бы обращаться в городские и иные библиотеки общего профиля.

Одновременно, помимо финского академического контекста, следует учитывать и крупные политические изменения, а также их международные последствия. Вопрос о реорганизации Русской библиотеки не ограничивался местной политикой, он приобретал более широкие масштабы. Действительно, Русская библиотека Хельсинки, самая большая коллекция русской литературы вне границ Советской России, не переставала интересовать русских как в Советской России, так и в эмиграции.

Как показывают исследователи (М. Engman, J.-P. Hakkarainen), одной из тем мирных переговоров между Финляндией и Советской Россией в 1920 г., предшествовавших заключения мира в Тарту, являлись проблемы русского имущества в Финляндии. Вопрос о Русской библиотеке поднимался в связи с дискуссией о владении культурным имуществом, в том числе о принадлежности канцелярии финляндского статс-секретаря в Петрограде. Дискуссии продолжались и после заключения мира, так в 1922 г. русская сторона сделала предложение об обмене Русской библиотеки на архив канцелярии статс-секретаря. Финская сторона отрицательно отнеслась к этому предложению, и, как пишет Макс Энгман, предложение также не согласовывалось с мирным договором. Таким образом, эти планы не нашли дальнейшего развития⁵ [11, р. 40–43]. Примечательно и то, что со стороны Советской России высказывались отдельные мнения о том, что прежние «подарки» в виде обязательного экземпляра оставались имуществом России.

Интерес к Русской библиотеке возник также среди русской эмиграции. Коллекции библиотеки привлекли внимание деятелей науки и культуры в Чехословакии. В Праге, где формировался первый центр русской эмигрантской культуры и науки, был основан, например, Институт славистики. Этому институту Русская библиотека Хельсинки могла бы быть весьма полезной, даже, возможно, более нужной, чем академической среде Финляндии. Правительство Финляндии получило из Чехословакии предложение о покупке библиотеки, но этим планам также не суждено было осуществиться. Положение библиотеки стало стабильным после того, как она вошла в состав университетской библиотеки Хельсинки под именем Славянская библиотека. (Более подробно о теме см.: [11, р. 45–47; 15; 16].)

⁵ Архив и библиотеку канцелярии статс-секретаря Великого княжества Финляндского в Петербурге решили поменять на коллекцию военных архивных документов и военной литературы [11, р. 44].

С 1920-х гг. до конца холодной войны Славянская библиотека оказалась связующим звеном между русской культурой Советского Союза и эмиграцией. Коллекции комплектовались с обеих сторон, а со временем устанавливались прочные контакты как с советскими, так и с эмигрантскими учреждениями.

Выводы

История Славянской библиотеки является отличным примером того, как организационные вопросы связаны, с одной стороны, с деятельностью отдельных индивидов, с другой стороны — с идеологическими и политическими веяниями. В случае культурной организации подчеркнuto важным является вопрос о языке и идентичности.

В ходе истории Славянская библиотека приобрела символическое значение, которое повышало ее роль в научной жизни. Это символическое значение не было стабильным, а менялось в различные промежутки времени, как мы продемонстрировали примерами начала XIX в., середины XIX в. и конца XIX — начала XX в. Кроме того, символическое значение библиотеки отличалось в финском и в русском восприятии. Все это не могло не отразиться на истории ее организации.

История библиотеки показывает, что обе стороны, финская и русская, принимали активное участие в организации библиотеки. Уже само начало коллекции в 1820-е гг. показывает, что финская и русская стороны имели свои цели. Однако хотя цели деятельности представителей Академии Турку и императорской власти были разные, они не противостояли друг другу. Желание России стабилизировать ситуацию и препятствовать мятежным настроениям среди верхних слоев населения и желание финнов сохранить общественный и церковный уклад, демонстрируя свою лояльность к императору, положительно отражаются в дальнейшем развитии Академии. Закон 1828 г. можно оценить как результат стремлений финской и российской стороны. Интересно заметить, что наука и культура, в том числе библиотеки, были настолько ценными, что стали средствами государственной политики.

Время Якова Грота и основания Русской библиотеки было периодом взаимного уважения, взаимного интереса. Но выделение Гротом библиотеки из общей организации университетской библиотеки обозначало, с одной стороны, подчеркнутое значение именно русского языка, а с другой — изоляцию русской коллекции от научной жизни Финляндии. Соответственно, 1840-е гг. — время наиболее активного сотрудничества между университетами Гельсингфорса и Санкт-Петербурга, однако это

сотрудничество осуществлялось между русскими деятелями, между Гротом и Плетневым. Можно отметить, что, несмотря на многочисленные попытки Грота устранить культурные барьеры между Россией и Финляндией, его деятельность в случае Славянской библиотеки имела противоположные последствия. Выделенная из общей коллекции русская коллекция символически подчеркивала оторванность русской и финской (финляндской) культуры и науки друг от друга.

Если в организации библиотеки в 1840-е гг. проявлялись веяния русской культурной политики и национальной идеологии, то в 1920-е гг. решения принимались в условиях, в которых финская национальная идеология и языковая политика являлись доминирующими. Переименование Русской библиотеки в Славянскую библиотеку демонстрирует желание финнов забыть и попрощаться с общей историей с Россией. Конструирование финской национальной идентичности во многом основывалось на отказе от российской идентичности. Несмотря на такую господствующую идеологию 1920-х и 1930-х гг., библиотечные коллекции сохранились до наших дней.

Литература

1. Эконен К. История России и Финляндии в зеркале Славянской библиотеки Хельсинки // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей. Вып. 6. СПб., 2011. С. 13–22.
2. Юссила О. Великое княжество Финляндское (1809–1917). Хельсинки: Ruslandia, 2009.
3. Klinge M. Keisarin Suomi. Schildts, 1997.
4. Tommila P. Suomen autonomian synty 1808–1919. Helsinki: Valtionneuvoston kanslia; Valtion painatuskeskus, 1984.
5. Klinge M. Keisarillinen Aleksanterin yliopisto. Helsinki: Otava, 1989.
6. Jørgensen, A. Universitetsbiblioteket i Helsingfors. Helsingfors. (Helsingin yliopiston kirjaston julkaisu XIV), 1980 (ориг. изд. 1930).
7. Pietarin kirjoja: näyttely. Helsinki: Helsingin yliopiston kirjasto, 1991. P. 19–48.
8. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1–3. СПб., 1896.
9. Грот Я. К. Несколько данных к его биографии и характеристики. СПб., 1896.
10. Ketola K. Ryssän koulussa: suomalaiset Venäjän stipendiaatit autonomian aikana 1812–1917. Finemor, 2007.
11. Engman M. Böcker i kristid: biblioteken i relationerna mellan Finland och Rådrysland (1917–1926) // Album amicorum. Helsinki, 1986. P. 32–50.

12. *Widnäs M.* Jacob Grot och universitetets ryska bibliotek // *Miscellanea Bibliographica*, 5. Helsinki, 1947. P. 144–163.

13. *Вихавайнен Т.* Профессор русского языка, филантроп, друг Финляндии, ученый-универсал. *Literarus*, 2007. С. 1, 10–11.

14. *Rehtorin kertomukset* // *Till vetenskapernas beskyddare, gynnare, idkare och vänner vördsam redogörelse af Kejsrerliga Alexanders-Universitetets i Finland nuvarande Rektor*. Helsingfors, 1891.

15. *Hakkarainen J.-P.* Oppineiden talossa: Helsingin yliopiston slavistien kansainväliset verkostot Suomen Yliopistollisen Avustuskomitean toiminnan yhteydessä vuosina (1921–1925): Pro gradu – tutkielma. Helsinki, 2011.

16. *Kolari V.* Suomen slavistiikan vaiheita // *Helsingin yliopiston slaavilaisten kielten laitoksen raportteja*; 2. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1985.

Неизданные источники

Helsingin yliopiston keskusarkisto.

Helsingin yliopiston kirjaston (Suomen kansalliskirjaston) arkisto.

Suomen Kansallisarkisto.

Алексей Шкваров, кандидат исторических наук,
докторант, исследователь

Университет Хельсинки, Финляндия

alexey.shkvarov@helsinki.fi

Церковные источники по истории русских гарнизонов в Великом княжестве Финляндском (1809–1917 гг.)

Великое княжество Финляндское, смешанные браки, метрические книги, гендерная проблема

Grand Duchy of Finland, mixed marriages, parish registers, gender

Статья рассматривает проблематику взаимоотношений женского лютеранского населения Финляндии и русских солдат после образования Великого княжества Финляндского, используя в качестве источника метрические книги православных церквей. Автором особо рассматриваются религиозные, гендерные и психологические аспекты смешанных браков между свободными финскими («финляндскими») женщинами и русскими солдатами, основанные на различиях в вере, социальных статусах, а также предшествующих непрерывных войнах между Швецией и Россией, где русская армия представлялась оккупантом.

The article considers the issues of the relationships between the women of Finland and the Russian soldiers after the formation of the Grand Duchy of Finland, using as a source the parish registers of the Orthodox churches. The authors specially addresses the religious, psychological and gender aspects of mixed marriages between the free Finnish (“Finlandish”) women and the Russian soldiers based on the differences in faith, unequal social status and the previous continuous wars between Sweden and Russia, where the Russian army was represented as an occupier.

Выступая на сейме в Борго (Порвоо) в марте 1809 г., император Александр I обещал Финляндии сохранение религиозных, полити-

ческих и гражданских законов «шведского» периода, что было также подтверждено Фридрихсгамским мирным договором того же года. Относительно православной церкви и ее положения в Финляндии ничего сказано не было. Это имело ряд нежелательных последствий.

Об административном церковном управлении говорилось в указе от 11 декабря 1811 г. по поводу присоединения Выборгской губернии ко вновь завоеванной Финляндии [1, с. 247].

Согласно этому указу, духовное ведомство церквей и монастырей православного исповедования оставалось на прежнем положении, под главным управлением Св. Синода и настоящего их епархиального начальства, присоединяя к этому ведомству все православные церкви в Финляндии. Вместе с тем, существовавшее с 1741–1743 гг. Выборгское духовное правление, непосредственно ведавшее делами Православной церкви в Финляндии, получило значение Финляндского и явилось посредником не только между православными церквями края и епархией, но и между означенными церквями и финляндским гражданским начальством. Для более эффективной и полноценной работы с православными церквями края в 1841 г. было создано Выборгское викариатство с епископом, подчиненным митрополиту Санкт-Петербургскому и Финляндскому.

Основные законы княжества признавали за лютеранской церковью господствующее положение среди всех конфессий в финляндском обществе, тем самым оставляя за Православной церковью место «терпимой», т. е. одной из прочих религиозных меньшинств [Там же, с. 266; 2, с. 30].

По закону 1772 г., определявшему форму правления Финляндией, права православных организаций и их членов были существенно ущемлены. Так, закон ограничивал права собственности православных организаций и участие их в общественной жизни, создавая препятствия в культурной практике, запрещал православным занимать должности в государственной и местной администрации, иметь собственные школы, проводить миссионерскую работу и публичные церемонии, в том числе и крестные ходы. Существование монастырей на территории Финляндии было лишено всяких правовых оснований. Да и конфессиональный статус Александра I сам по себе вызывал нарушение основных законов Финляндии в пункте, касавшемся вероисповедания правителя княжества. Шведский закон 1781 г. требовал от него принадлежности к лютеранской церкви, а император являлся представителем Православной церкви, к тому же ущемленной в правах. Это обстоятельство обязывало его принять меры к защите православия.

В обход финляндской законодательной практики Александр I, а затем и его преемники издавали указы, направленные на расширение прав православия в княжестве. Так как финляндские законы запрещали существование на территории Финляндии любых монастырей, а тем более владение ими земельной собственности, то финляндское правительство в первые годы вело линию на их ликвидацию, и прежде всего Валаамского и Коневецкого. Лишь личное покровительство императора спасло монастыри от закрытия. Валаамскому и Коневецкому монастырям на всем протяжении периода автономии покровительствовали императоры, члены царской фамилии и влиятельные личности. Александр I возвел Валаамский монастырь в первый класс с соответствующим повышением штатных сумм. По личной инициативе основал для монастыря подворье в С.-Петербурге и построил там церковь, которую сам неоднократно посещал. Им же еще в 1812 г. были сняты таможенные барьеры на пути судов Валаамского и Коневецкого монастырей через новую границу с Финляндией.

Одним из важных вопросов было определение даты празднования важнейших церковных дат, которые и в России, и в Финляндии имели статус государственных и соответственно нерабочих дней. Еще при шведском правлении было установлено, чтобы православные священники отправляли церковную службу по уставу своей церкви в праздничные лютеранские дни, а прихожане обязаны были в таких случаях собираться в церковь, как бы в праздники, под угрозой штрафа за ослушание [3, с. 348]. Император Александр I в 1816 г. указал, чтобы православные жители отправляли свои праздники по уставу своей церкви и не подлежали бы ответственности по шведским законам за уклонение от чествования лютеранских праздников.

Финляндская администрация не освобождала православных христиан Финляндии от платежей местному лютеранскому духовенству пасторских повинностей и от участия в постройке лютеранских церквей и пасторских дворов. И лишь в 1823 г. указом этот вопрос разрешен в пользу православных.

В царствование Александра I число православных храмов в Финляндии не увеличилось, но были восстановлены некоторые из них, разрушенные или пришедшие в ветхость. Увеличение числа храмов начинается с царствования императора Николая I и при императоре Александре II.

В 1817 г. был обновлен Выборгский собор из средств Комиссии духовных училищ. На обновление Собора было затрачено чуть менее 45 000 руб. В 1866 г. храм был расширен, и в нем было устроено отопление [ЛОГАВ. Ф. 393 (Спасо-Преображенский собор). Оп. 1. Д. 3 (Ведомости 1877 г.). Л. 1].

В 1831 г. была обновлена также Кидельская церковь Архангела Михаила. Некоторые приходы, вместо прежнего изветшавшего храма, украсились новыми церквями — в Салме в 1825 г., в Тиврале в 1832 г., в Фридрихсгаме в 1836 г., в Шуэзеро в 1838 г., в Шуйстамо в 1844 г., в Кексгольме в 1847 г. Некоторые церкви, прежде бывшие полковыми, обращены в приходские, так как уменьшилось число войск, пребывающих в Финляндии. Так было сделано в Нейшлоте. Возводились и новые храмы. Так, в Гельсингфорсе в 1826 г. построена Троицкая церковь, а в 1868 г. — Успенский собор, в 1811 г. построена церковь в Линдулове, после перенесенная в Райвоолово, в 1828 г. в Куопио построена часовня, позднее обращенная в церковь, в 1845 г. — в Або, в 1853 г. — в Новой Кирке, в 1866 г. — в Николайштадте, в 1865 г. — в Палкеллах, в 1868 г. — в Выборгском форштадте.

Об устройстве и обновлении финляндских православных храмов заботилось русское правительство, представителями которого здесь были финляндские генерал-губернаторы, жертвователями являлись частные лица.

Из генерал-губернаторов особенно заботились об устройстве храмов А. А. Закревский, Ф. Ф. Берг и Н. В. Адлерберг. При содействии Закревского построены Троицкая церковь в Гельсингфорсе, церковь в Або и Петропавловская церковь в Фридрихсгаме. Берг и Адлерберг испросили средства на построение нового православного собора в Гельсингфорсе. Бергу принадлежит почин сбора денег на новый храм в Сердоболе. После генерал-губернаторов стоит упомянуть землевладельцев или богатых купцов, которые, заботясь о нравственном благе крестьян, живущих на их землях или работающих на их заводах, испрашивали разрешение на постройку церкви, сами жертвовали и собирали деньги на постройку, а потом улучшали быт причта и обеспечивали содержание церкви. Так, баронесса Скотт перестроила прежнюю церковь в Тиврале, графиня Орлова-Чесменская — в Салме, граф Салтыков — в Райвоолове, помещик Богаевский — в Красном Селе, иркутский купец Огородников — в Новой Кирке, купец Лисицын отстроил собор в Кексгольме, купец Русанов, по предложению высокопреосвященнейшего митрополита Исидора, — в Палкеллах, купцы братья Елисеевы — в Сердоболе. Об обновлении и украшении храмов в карельских приходах много заботились купцы Громы. Наконец, самими прихожанами построены храмы в Корбосельгя, Киделе и Шуэзеро.

Таким образом, в Финляндии работало до 22 православных церквей, достаточно благолепных и снабженных всею необходимою утварью [4, с. 472–476].

Указ о штатах православного духовенства и об управлении церквями и приходами Греко-российского исповедания в Финляндии был

издан 2 августа 1823 г. [3, с. 319]. По этому указу православное духовенство в городах должно было получать одно определённое штатами денежное жалование из «статных» доходов Финляндии.

Оклады этого жалования были незначительны и недостаточны. Так, например, в соборном храме г. Выборга по штату полагалось настоятелю 1235 руб. в год, священникам — по 385 руб., диакону — 300 руб., причетникам — по 214 руб., просфорнице — 64 руб. ассигнациями. Данная сумма отпускалась из Выборгского губернского казначейства через Финляндскую духовную консисторию. Со временем данный оклад не индексировался, и вследствие инфляции данные суммы уже к середине XIX в. были весьма незначительны, поэтому в 1871 г. одна из причетнических вакансий была упразднена, а полагающаяся штатная сумма разделена между причтом [ЛОГАВ.Ф. 393 (Спасо-Преображенский собор). Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.].

Необходимо учитывать, что в Выборге было достаточно православного населения — в 1872 г. около 73 домов (более 500 человек мужчин и женщин), не считая военнослужащих. Таким образом, место священнослужителя там было настолько выгодно, что находились желающие получить его, даже с обязательством по отношению к вдове и детям скончавшегося предшественника. Так, священник Михаил Иоаннов-Каменский, неоднократно отмеченный епархиальным начальством за свое усердие в проповеди, при рукоположении обязался содержать на своем иждивении семью предшественника: «...матушку-вдову до смерти, а детей до их определения в казенные учебные заведения» [Там же. Л. 31].

В других местах материальное положение духовенства было более плачевным. Духовенству и церковным притчам сельских приходов денежное жалование не производилось, но на содержание их отводилось определённое количество пахотной и сенокосной земли. Кроме того, притчи пользовались сборами от прихожан, причём размеры и условия сборов устанавливались на мирских сходах в присутствии начальника губернии или уполномоченного от него или депутата со стороны православного духовенства. Эти условия представлялись на утверждение финляндского Сената. Было также принято постановление, что все надлежащие духовенству доходы, какого рода бы они ни были, должны быть платимы священнику или притчу той церкви, к которой принадлежит землевладелец и плательщик по вере, им исповедуемой. Этим указом православная церковная община в своих внутренних делах ставилась в полную зависимость от Сената, т. е. от лютеранского правительства, получившего возможность участвовать в разборе и решении дел, касающихся приходской православной церкви, давать делам нуж-

ное направление в соответствии со своими интересами. Соответственно, на долю православных, получивших право на отвод земель, после того как ими были наделены лютеранские приходы, оставались земли худшего качества и в меньшем количестве, что неблагоприятно отражалось на материальном положении сельского православного духовенства в княжестве.

Если учесть, что священник был вынужден самостоятельно обрабатывать землю и добывать себе пропитание, то времени и сил для пастырской работы оставалось немного. Разбросанность приходов в сельских приходах и длительные разъезды отнимали немало времени и препятствовали другим его занятиям по приходу: надзору за приходской школой, обучению Закону Божьему в ней. Сбор десятины для сельского духовенства, лежащий на самом притче, чрезвычайно был неудобен из-за разбросанности и бедности православного сельского населения, а также из-за неподобающей зависимости от паствы. Православное население состояло исключительно из крестьян, живущих земледельческим трудом, небольшого числа мелких торговцев, бобылей и работников. Все они, по вполне понятным причинам, весьма неохотно уделяли духовенству долю скудных своих урожаев. К тому же подобные сборы произведений сельского хозяйства вызывали постоянные недоразумения и препирательства. Несомненно, что положение сельских православных священников на приходах не позволяло им проводить свою работу на уровне, обеспечивающем процветание православия [3, с. 320].

Войска же, расположившиеся на территории Великого княжества, имели свои походные церкви и свое духовенство, независимые от финляндских законов. Военным священникам жалование выплачивалось по особому штатному расписанию. Так, священнику, состоящему при Гельсингфорсском военном госпитале, ежегодно выплачивалось 720 руб. 30 коп. ассигнациями [ПСЗРИ. 1836. Т. 10. С. 756].

В крепости Свеаборге Высочайшим указом был утвержден штат церкви Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, в соответствии с которым выплачивалось серебром: протоиерею — 223 руб. 50 коп. (782 руб. 25 коп. в ассигнациях); священнику — 205 руб. 80 коп. (720 руб. 30 коп.); дьякону — 128 руб. 70 коп. (450 руб. 45 коп.); причетнику — 57 руб. 15 коп. (200 руб.); просфирне — 28 руб. 65 коп. (100 руб. 27,5 коп.); сторожу из инвалидов — 2 руб. 25 коп. (7 руб. 87,5 коп.). Также выделялось: протоиерею на расходы как благочинному — 14 руб. 25 коп. (49 руб. 87,5 коп.) и на церковные расходы — 42 руб. 75 коп. (149 руб. 62,5 коп.). Указом было также предписано: «1) денщики священникам и дьякону назначаются по положению, а квартиры

с отоплением и освещением отводятся всем в казенных зданиях на основании общих существующих постановлений; 2) причетники и сторожа получают от казны обмундирование по образцу военных соборов и провиант по положению» [ПСЗРИ. 1856. Т. 31. С. 621].

До середины 1850-х гг. охрана большинства церквей производилась воинскими командами, и только в 1859 г. это было отменено, поскольку приходская церковь «всегда имеет достаточно средств для найма из своих сумм сторожей, если в оных, по каким-либо причинам нуждается» [ЛОГАВ. Ф. 387 (Выборгское духовное правление). Оп. 1. Д. 38. Л. 59].

Однако православным солдатом не было запрещено охранять храмы по собственному усердию: «Если воинские команды, расположенные в г. Фридрихсгаме, — писал фридрихсгамский плац-майор священнику фридрихсгамской Петропавловской церкви, — по Вашей просьбе, добровольно пожелают предохранять храм и согласны будут ставить от себя часового в ночное время к церкви, в таком случае будет сей пост полагаться совершенно частным, в противном же случае он уничтожится» [Там же].

Со времен царствования императора Петра Великого вся жизнь русского человека прописывалась в метрических церковных книгах, которые еще иногда называли «троечастные», ибо они состояли из трех частей — «о рождении», «о браке» и «о смерти». Подобные уникальные книги хранятся в значительном количестве и в фонде «Русские военные дела» Национального архива Финляндии.

Поэтому, изучая вопросы истории русских гарнизонов Великого княжества Финляндского в рамках совместного проекта Академии наук Финляндии и Санкт-Петербургского государственного университета, я не мог не остановиться на столь ценном источнике, проливающим свет на весьма малоизученные вопросы личной жизни русских солдат — на ком они женились, кто рождался от этих браков, как, кто, в каком количестве и по каким причинам умирал.

Вместе с тем, изучение метрических книг позволяет рассмотреть еще один важный аспект взаимоотношений населения Финляндии и русских гарнизонов, а именно, выражаясь современным языком, так называемую гендерную проблему — насколько распространены были браки между русскими солдатами и местными финляндскими женщинами. Вопрос действительно очень серьезный, ибо проблема была двойка.

Во-первых, практически все население Финляндии относилось к лютеранской церкви. Это ясно видно из тех же метрических книг, где абсолютно все женщины — «финляндские уроженки», вступавшие в брак, — были лютеранского вероисповедания.

Однако, судя по особому манифесту от 20 марта 1812 г., практически сразу после присоединения Финляндии вопрос смешанных браков встал чрезвычайно остро. В нем говорилось, что «в силу данного жителям Финляндии обещания свободного вероисповедания... постановлено что дети, рожденные от брачной четы различного вероисповедания, должны быть воспитаны в той вере, к которой принадлежит отец, не допуская о сем особых договоров между брачными лицами, совершение же таковых браков должно быть по обрядам обеих церквей» [Сборник..., с. 114].

Это вступало в противоречие с традицией лютеранской церкви, считавшей, что согласие на брак с лицом лютеранского вероисповедания есть согласие на крещение и воспитание детей в лоне той же церкви. Сопротивление этому гражданской половиной в браке могло вызвать нежелательные для нее последствия. В то же время присоединение Финляндии к Российской империи абсолютно не означало появления на территории Великого княжества потенциальных православных русских «невест» или «жен», коих мы сейчас можем видеть в значительном количестве, отнюдь, пришла армия, состоявшая из мужчин, следовательно, речь шла о местных женщинах лютеранского вероисповедания. Насколько серьезны были опасения лютеранской церкви, мы сможем увидеть в метрических книгах.

И второй, не менее проблематичный аспект смешанных браков, — психологический. В течение предыдущих ста лет четырежды Швеция воевала с Россией на территории Финляндии, и трижды русская армия полностью оккупировала всю территорию. Последствия любой войны, любой оккупации — это, прежде всего, посттравматический синдром для мирного населения. В случае с Финляндией можно сказать, что нескольким поколениям подряд довелось перенести сильнейшие психологические травмы, проявлявшиеся позднее в разнообразии форм — от психических расстройств и нервных заболеваний, глубочайших депрессий и пьянства до непримиримой ненависти к русским. Формировалось то, что Юнг назвал «родовой памятью» или «коллективным бессознательным». Женщины не были исключением. Напротив, на их долю доставалось, возможно, даже больше всех. Ибо, не говоря об имевших место случаях физического насилия или принуждения в том или ином виде к вступлению в связь с завоевателями, на них обрушивалась ненависть соотечественников после ухода русских. Вне зависимости, были ли женщины изнасилованы или добровольно завязывали отношения с солдатами, а таких случаев тоже было немало, ибо Финляндия несла значительные потери среди мужского населения в шведских войнах, при этом русские

приходили, казалось, навсегда, тем не менее всех виновных и невиновных подвергали остракизму, называли «русскими шлюхами», запрещали посещать церковь. Таким же преследованиям подвергались и их дети [5, р. 568–571, 577].

Необходимо отметить, что лютеранская мораль и шведские законы, в отношении внебрачных связей, относили их к преступлению «прелюбодеяния», основывались исключительно на трактовках Ветхого Завета и карали очень сурово, вплоть до смертной казни. Позднее, после 1709 г.¹, а также смерти короля Карла XII, наказания были смягчены, но общественное мнение оставалось непреклонным, и женщин, вне зависимости от причин, по которым они имели отношения с русскими солдатами, ждала незавидная судьба.

Теперь же приход русской армии выглядел окончательным. Вступление в серьезные и законные отношения с конкретным русским солдатом означало как защиту от возможных посягательства других солдат, так и избавление от угроз соотечественников. Нельзя отрицать и возникновение нормальных человеческих чувств между женщинами и мужчинами, которым необходимо было продолжение в виде законных супружеских отношений и рождения детей.

Есть и еще один момент, на котором следовало остановиться. Мы все время воспринимали солдата времен Александра I и особенно Николая I, прозванного нашими классиками «Палкиным», как некую забитую серую скотинку. Стоило ли в таком случае женщине связывать судьбу с таким супругом? Поскольку солдат получал возможность проживать с семьей вне казармы, так как обеспечить жилыми помещениями от армии было весьма затруднительно, и Высочайшим повелением 1830 г. «платы от казны» на «вольнонаемные помещения» не полагалось, то многие полковые командиры разрешали жениться только при наличии у жениха и невесты средств к существованию. Я не имею конкретных данных по гарнизонам Финляндии, но в качестве примера приведу Волынский полк, квартировавший на другом берегу Финского залива в Ораниенбауме и его окрестностях. Вместе с просьбой о разрешении вступить в брак жених представлял и денежное обеспечение: унтер-офицер в размере 500 руб., а рядовой — 300 руб. ассигнациями. Напомню, что рядовой получал жалование от 30,83 руб. (младшего оклада) до 38,54 руб. (старшего оклада), унтер-офицер — до 70,66 руб. ассигнациями в год. Соответственно, или они, или их избранницы должны были обладать необходимыми сбережениями. Могли ли быть такие деньги у нижних чинов? Предполагаю, что могли. В фонде «Канцелярия генерал-губернатора»

¹ Т. е. после Полтавы.

Национального архива Финляндии хранится интересный документ, касающийся некой девицы Лены Софии Крюмблюм из Або (Турку), взявшей в долг под проценты деньги — 250 руб. у казачьего урядника Антонова и 100 руб. у казака Якима Можаяева, оба из донского казачьего полка Денисова 6-го [Канцелярия генерал-губернатора. ККК (Kenraalikuvernöörin Kanslian asiakirjaat); Fa 162 № 85].

Вместе с тем, разнился доход семейных и холостых солдат. Семейным выдавались на руки следующие деньги:

- жалование с именованными (последние составляли 3 руб. в год),
- амуничные (на пошив и содержание мундира),
- порционные (стоимость мясной и водочной порции),
- проценты с артельной суммы (деньги, получаемые на продовольствие роты, обычно отдавались в рост под проценты),
- за переноску мундирных вещей (т. е. бережное отношение к мундиру, что позволяло экономить казенные деньги, которые выдавались в таком случае на руки),
- различные пожалования,
- т. н. «зарабочие» деньги (за какие-то выполненные на стороне и с разрешения начальства работы, причем без вычетов на нужды полка).

Холостые же не получали порционные деньги, а также часть «зарабочих» отдавалась в полк, но зато им причиталась некая сумма от экономии продовольствия, шедшего в общий котел [6, с. 323–329, 354–355].

Чуть ниже мы еще раз остановимся на «николаевском» солдате. Рассмотрим теперь заключавшиеся браки. В северной части Финляндии до 1845 г. от Або (Турку) до Торнео действовала одна-единственная походная Петропавловская церковь 46-го егерского полка. К ней было приписано множество частей — сам 46-й егерский полк, 23-я артиллерийская бригада, 18-й флотский экипаж, отдельные сотни 19-го и 29-го Донских казачьих полков, жандармские и другие команды. В соответствии с метрическими книгами Торневской Петропавловской походной церкви за 1828–1836 гг. заключено 50 браков, от 6 до 8 в год, из них 48 — смешанных. Например, 7 мая 1834 г. было зафиксировано сразу 5 браков «финляндских уроженок лютеранского вероисповедания» с моряками 18-го флотского экипажа, размещавшегося в Або². Боцман Дмитрий Павлов сочетался с девицей Эттой Палвиерус, квартирмейстеры Сергей Беляев и Никита Морозов с девицами Марией Густавовой Стюнгольм и Ульяной (?) Софией Ингельмус, а матросы Александр Львов и Родион Архипов с девицами Каролиной Альмрот и Кайсой Ловисой Экстрем.

² Петропавловская церковь была походной, т. е. священник выезжал по необходимости в разные гарнизоны. В 1845 г. в Або (Турку) был построен свой храм.

Если же рассматривать списки родившихся в эти годы младенцев, то в 40% случаев речь шла о семьях смешанного вероисповедания [VSA. № 11700].

В то же время из-за разнообразия и постоянной смены приписанных к Торневской церкви воинских команд очень сложно определить, какой приблизительно был общий процент семейных солдат и матросов, в том числе и смешанных браков. Поэтому обратимся к метрическим книгам Свеаборгской Александро-Невской крепостной церкви, где известна численность гарнизона. Рассмотрим два года — 1847-й, т. е. царствование Николая I, и 1863-й — царствование Александра II.

До 1854 г. церковь размещалась в «среднем этаже портового каменного флигеля, где в то время находились такелажные и парусные мастерские» [VSA. № 10254]³. В 1846 г. гарнизон крепости состоял из двух линейных батальонов, артиллерийской прислуги, ластовых экипажей⁴, иных различных команд, вплоть до арестантских рот. Общая численность не превышала 3000 человек, включая женщин и детей⁵.

За 1847 г. заключено 18 браков, из них половина смешанных, в том числе:

- рядовой 3-й военно-рабочей роты инженерного корпуса Стефан Зоробнов (45 лет) сочетался браком с девицей Анной-Гретой⁶ (32 года);
- лабораторный унтер-офицер 2-го класса арсенальной № 4 роты корпуса морской артиллерии Иван Климентьев (36 лет) с девицей Ловизой Каролиной Талккелот (22 года);
- батальонный горнист Финляндского линейного № 11 батальона Павел Горев (32 года) с девицей Анной Стиной Михельсдоттер (24 года, уроженка Тавастгустской губернии);
- унтер-офицер того же батальона Константин Антипов (32 года) с девицей Леной Ловизой Линдквист (21 год, уроженка Нюландской губернии, киршпиль Сиббо);
- рядовой 6-го ластового экипажа Константин Баусов (вдовец, 41 год) с девицей Фридрикой Вильгельминой Кюберг (23 года);

³ Строительство каменной церкви по проекту К. А. Тона началось в 1850 г. и завершено в 1854 г.

⁴ Для вспомогательных судов.

⁵ Всего на январь 1847 г. в Финляндии находилось: 9599 человек пехоты 22-й дивизии, 1327 человек в крепостях, 819 казаков и 624 человека в инженерных ротах [РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 400. «Войска финляндские». Численное состояние войск в Финляндии расположенных. Январь 1847. С. 4].

⁶ Фамилия не указана.

- рядовой Финляндского линейного № 11 батальона Василий Матвеев (38 лет) с девицей Гедвигой Адамовой (20 лет, уроженка Тавастгустской губернии, киришпиле Янакала, деревня Векселей);

- рядовой 1-го класса Морской арсенальной роты № 4 Федор Рябчиков (33 года) с девицей Гусиной Вильгельминой Асандер (26 лет);

- чиновник 12-го класса, содержатель лесных хранилищ Афанасий Сергеев Рылков (вдовец, 56 лет) с девицей Вендлой Софией Андерсен (26 лет, уроженка Гельсингфорса, дочь умершего студента);

- бомбардир 6-й роты артиллерийского гарнизона Федот Семенов (30 лет) с девицей Екатериной Еленой Линд (30 лет) [I Са:6. С. 45–55].

Хотелось бы обратить внимание еще на два брака — один из них напоминание о крепостном праве, другой — о возрасте. В апреле 1847 г. гарнизонный писарь Евгений Киреев (23 года) женился на Евдокии Кругляковой (20 лет) — вольноотпущенной помещика, лейтенанта флота Андрея Фокина, дочери умершего писаря управления Свеаборгского коменданта Владимира Круглякова, а в мае старший писарь Иван Федоров (23 года) обвенчался с шестнадцатилетней Анной Васильевой, дочерью отставного унтер-офицера [Ibid., p. 48–49].

За 1847 г. в крепости Свеаборг родилось 108 детей обоюбого пола, из них 45 — в смешанных браках. Примечательны сроки крещения новорожденных — от 1 до 5 дней [Ibid., p. 2–42].

Таким образом, мы можем предполагать, что число семей в гарнизоне Свеаборга составляло от 100 до 200, что в общем-то соответствовало среднему показателю по всей армии. Для сравнения: в 3-й гвардейской дивизии, располагавшейся в Петербурге и окрестностях, количество семейных нижних чинов в те же годы насчитывало от 210 (в Волынском полку) до 250 человек (в Литовском полку)⁷. В то же время мы можем говорить о том, что половина семей Свеаборгского гарнизона была смешанного вероисповедания. На севере Финляндии, вероятно, эти цифры даже несколько больше, что связано прежде всего с удаленностью от России и невозможностью выписать семью к себе или найти на месте православную невесту.

Рассмотрим вопрос смертности. В 1847 г. в крепости скончалось 188 человек, из них 32 ребенка обоих полов и 16 женщин [Ibid., p. 90–91].

Каковы причины? В сводной ведомости на первом месте стоит чахотка и сухотка — 62 солдата и матроса и 4 женщины. Не совсем понятно, отчего два столь разных заболевания сведены в одну графу.

⁷ Численность Л.-Гв. Волынского пехотного полка около 2683 человек (1847 г.), что соизмеримо с гарнизоном Свеаборга. Несмотря на то что это гвардия, условия размещения семейных нижних чинов весьма схожи с финляндскими [6, с. 352–354; Приложение II].

Чихотка — туберкулез, сухоткой называлось заболевание нервной системы с поражением спинного мозга и, как правило, связывалось с сифилисом. Попробуем разделить их. В месячных отчетах значится: умерших от чихотки — 47 мужчин и 3 женщины, от сухотки — 15 человек мужчин, 1 женщина и 1 годовалый ребенок.

Следующими по массовости (37 случаев) стоят «водяная брюшная болезнь» — асцит, в 75 % случаев связанный с циррозом печени (30 смертей), и «водяная грудная болезнь» — гидроторакс, т. е. нахождение жидкости в плевральной полости (7 случаев). В сводном отчете также объединены «воспаление легких, брюшины, горла и кишков» — 27 случаев. К массовым заболеваниям относится и «нервная горячка» — тиф — 22 случая. Имели место «апоплексические удары» (12 случаев), воспаление мозга, понос, лихорадка и др. Много это или мало? Сравним опять же с Волынским полком. В том же 1847 г. в Ораниенбауме умерло 61 человек, в 1848-м — 91 человек⁸. В итоге можно сделать предположение, что смертность в Свеаборге была значительно выше при одинаковых климатических условиях и сложностях с расквартированием. Причинами, возможно, служили худшее по сравнению с гвардией питание, а также размещение в холодных каменных казематах, скученность проживания.

Смерти от сухотки, связанной с сифилисом, и от водяной болезни — цирроза печени, безусловно, свидетельствуют о проблемах с нравственным состоянием войск. Это объясняется «застарелостью» заболеваний, полученных еще в 1820-е — 1830-е гг., и продолжительностью службы. Хотя в гвардии от сухотки, т. е. сифилиса, практически избавились, данные об этом заболевании по 1840-м гг. отсутствуют. В целом, из 100 солдат доживали до отставки 52, 24 умирали, и столько же списывалось по болезням [6, с. 382–386]. Но проблема иных венерических заболеваний по-прежнему оставалась. В «Военном вестнике» за 1884 г. опубликованы данные по подобным болезням в армии: на 1000 служивших в 1879 г. — 44,25 % заболевших, в 1882 г. — 37,8 % [7, с. 72–112].

Хотелось бы сделать одно замечание. Речь шла о «николаевском» забитом солдате, однако мне не удалось обнаружить ни одного случая смерти от побоев, хотя не исключаю, что записанные в метрических книгах диагнозы могут это и скрывать. По крайней мере, по данным Петропавловской походной церкви в Торнео в период с 1828 по 1836 г. зафиксирован лишь один случай суицида — повешения.

Отдельно рассмотрим вопрос детской смертности. Как уже упоминалось, в 1847 г. в крепости скончалось 32 ребенка, из них 24 в возраст

⁸ Причины смерти не указаны, но судя по приведенной статистике заболеваний на первом месте также стоят чихотка и различные простуды. См.: [6, Приложение VII].

те до одного года (19 — до месяца). Возможно, из-за столь высокой смертности — около 20% родившихся — так скоро осуществлялось и их крещение. Основные причины — воспаление легких, коклюш, желудочно-кишечные заболевания, оспа и общая слабость. Мне не удалось пока разыскать каких-либо медицинских документов, объясняющих высокую детскую смертность, но могу с уверенностью утверждать, что такая проблема существовала повсеместно. Например, в те же годы специально созданная медицинская комиссия гвардейского корпуса во главе со штаб-лекарем, действительным статским советником Нагумовичем изучала причины высокой детской смертности. В ее заключении говорилось следующее: «Дети нижних чинов не пользуются обыкновенными и вместе с тем необходимыми для здоровья условиями: хорошим воздухом, надлежащим уходом и здоровой пищей... Причина же смертности должна заключаться: в суровости климата, в роде жизни и нуждах матерей, которые, занимаясь различными промыслами для снискания себе и детям пропитания, большей частью не кормят их своей грудью, оставляют без нужного попечения, но главной и господствующей причиной должна почтаться теснота помещений и неизбежный при том спертый воздух, который имеет губительное влияние на слабость и нежность детского возраста» [6, с. 354–355].

Что изменилось в царствование Александра II? Обратимся к метрическим книгам церкви Александра Невского за 1863 г. Кстати, именно в этом году император посещал Свеаборг и лично инспектировал модернизацию и перевооружение крепости. Гарнизон состоял из 3215 человек, в том числе 416 женщин и детей [8, р. 113–115].

В 1863 г. было заключено 25 браков, из них 15 смешанных. Родилось 112 детей, из них 26 — от смешанных браков. Можно предположить, исходя из числа родившихся, что процентное соотношение стало меняться в сторону уменьшения численности семей, где жены являлись «финляндскими уроженками». Очевидно, это связано с возможностью более свободного перемещения для русских православных женщин, а также увеличением русского населения Финляндии, в частности Гельсингфорса⁹. Однако в браках, заключаемых непосредственно в крепости, финляндские женщины по-прежнему преобладали.

Что касается смертности, то налицо явное улучшение санитарного и медицинского состояния. Умерло всего 58 человек, т. е. практически в два раза меньше, нежели за 16 лет до этого. О причинах

⁹ В 1827 г. в Гельсингфорсе проживало 600 православных жителей, в 1854-м — 1500 человек.

смерти говорить сложно, ибо на этот раз священник, заполнявший метрическую книгу, чаще всего ограничивался формулировкой «от обыкновенной болезни». Что скрывалось под таким диагнозом, сказать очень сложно (I Са:15 С. 2–69).

В целом можно отметить, что тенденция связывать свою жизнь с русскими солдатами и матросами у финляндских женщин сохранялась на протяжении всего XIX в.

Интересны исповедальные росписи церквей. Особенно по казачьим частям, поскольку они не имели штатной единицы полкового священника. Если сравнить штатную численность полка, которую мы можем получить из ежемесячно издававшегося под грифом «секретно» «Росписания казачьих войск», с исповедальными списками, то предстает интересная картина по конфессиональному составу казачьих полков. До 1838 г. полки были пятисотенного состава, сотня состояла из 104 нижних чинов, позднее штат полка был увеличен до 6 сотен из 124 строевых казаков каждая.

По исповедным росписям упоминавшейся уже военно-походной Петропавловской церкви в г. Торнео с 1831 по 1866 г. стояло шесть донских полков и один уральский¹⁰. В донских полках около 30 % старообрядцев, в уральском — до половины.

По списочному составу:

- сотня 29-го Донского полка Карпова 4-го (1833–1837 гг.)¹¹ 76–80 человек — до 77 % православных казаков;
- сотня 3-го Уральского полка Акутина (1839–1841 гг.)¹² — 55 человек — до 52 %;
- сотня 51-го Донского полка Катасонова 2-го (1841–1845 гг.)¹³ — 78 человек — до 76 %;
- сотня 4-го Донского полка Буюрова¹⁴ (1846–1851 гг.)¹⁵ — 80 человек — до 66 %;
- сотня 28-го Донского полка Наследышева (1851–1856 гг.)¹⁶ — 79 человек — до 66 %;

¹⁰ Перечень полков взят из [9, р. 16].

¹¹ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего Карпова 4-го № 29 полка. 1833–1838. VSA. 11700.

¹² *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Уральского казачьего № 3 Акутина полка 1839–1841. VSA. 11700.

¹³ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 51 Катасонова 2-го полка. 1842–1845. VSA. 11700.

¹⁴ Полная численность полка — 819 человек См.: [7, р. 64].

¹⁵ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 4 Буюрова полка. 1846–1850. VSA. 11700.

¹⁶ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 28 полка. 1851–1856. VSA. 11700.

- сотня 63-го (13-й с 1858 г.) Донского полка (1852–1862 гг.)¹⁷ — 72 человек — до 60 %;

- сотня 16-го Донского полка (1862–1866 гг.)¹⁸ — 81 человек — до 68 %.

В дальнейшем число православных казаков приближалось к 100 %.

Источники

Архивные источники

Национальный архив Финляндии Kansallisarkisto.

Фонд «Канцелярия генерал-губернатора» ККК (Kenraalikuvernöörin Kansalian asiakirjaat).

FA 162 № 85. Касательно должных Абовской уроженкой Леною Софией Крюмблом казачьему уряднику Антонову денег. 17.9.1818.

Фонд «Русские военные дела» (VSA Venäläiset sotilasasiakirjat).

10254. Ведомость об Александро-Невской церкви.

11700. (1831–1859 гг.) Исповедальная роспись Торневской Петропавловской церкви.

11706. (1860–1863 гг.) Исповедальная роспись Торневской Петропавловской церкви.

11712. (1865 г.) Исповедальная роспись Торневской Петропавловской церкви.

11714. (1866 г.) Исповедальная роспись Торневской Петропавловской церкви.

Фонды филиала Национального архива в Миккели (Mikkelin maakunta-arkisto).

I Са:6 (1846–1850 гг.). Метрическая книга Александро-Невской церкви.

I Са:15 (1863 г.). Метрическая книга Александро-Невской церкви.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ):

Ф. 19. Оп. 4. Д. 400. «Войска финляндские». Численное состояние войск в Финляндии расположенных. Январь 1847.

Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ).

Ф. 387. (Выборгское духовное правление). Оп. 1. Д. 38.

Ф. 393 (Спасо-Преображенский собор. Финляндское духовное правление). Оп. 1. Д. 3.

¹⁷ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 63 полка. 1857–1858. VSA. 11700; 1861–1862. VSA. 11706.

¹⁸ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 16 полка. 1862–1866. VSA. 11706 (1862–1863), 11712 (1865), 11714 (1866).

Опубликованные источники

Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание Второе. СПб., 1836. Т. 10; 1856. Т. 31.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование Государя императора Николая I. Т. 1: 1825–1835. Пг., 1915.

Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей, от сих браков происходящих (Сборник...). СПб., 1906.

Литература

1. *Лялина М.А.* Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX века. СПб., 1908.

2. *Яровой О.Я., Смирнова И.А.* Валаамский монастырь и православная Церковь в Финляндии 1880–1930-е гг. (Из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1977.

3. *Майков П.М.* Православная Церковь в Финляндии // Финляндия: ее прошедшее и настоящее. СПб., 1905. С. 301–360.

4. *Куркимиес И.Н.* Православные храмы в Финляндии // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. 5. СПб.: Лики России, 2001. С. 472–476.

5. *Vilkuna Kustaa H.J. Viha.* Perikato, katkeruus ja kertomus isostavista. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005.

6. *Луганин А.* Опыт истории Лейб-Гвардии Волынского полка: В 2 ч. Ч. 1: 1817–1849. Варшава, 1884.

7. *Лоссовский (штабс-капитан).* Забава и дело в казарме // Военный сборник. Т. VII. СПб., 1884. С. 72–112.

8. *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland. 1808–1918. SHS. Helsinki, 1997.

9. *Halen H.* Kasakat Suomessa. 1712–1924. Казаки в Финляндии. Unkolananaitta 18. Helsinki, 2004.

Лариса Кангаспуру, кандидат исторических наук,
докторант кафедры истории, научный сотрудник
и преподаватель кафедры мировых культур
Университет Хельсинки, Финляндия
larisa.kangaspuro@helsinki.fi

Источники по истории тюремного дела в Великом княжестве Финляндском: официальные материалы и периодика на русском языке

Великое княжество Финляндское, Российская империя, тюрьма,
источники

The Grand Duchy of Finland, the Russian Empire, prison, sources

Анализ содержания указанных источников позволяет доказательно утверждать, что в начале XIX в. проблемы в пенитенциарной сфере имели общемировую тенденцию. Исследуемый материал содержит свидетельства о реальной практике функционирования тюремного дела на окраине, а также о фактической, а не декларируемой позиции имперского руководства по вопросам развития финляндской пенитенциарной системы. Таким образом, эволюция карательной системы в Финляндии во многом была определена становлением ее государственной автономии в рамках Российской империи.

Analysis of the sources proves that penitentiary problems had worldwide character in the beginning of the 19th century. The material gives evidence about the real practices of the jails in the provinces. It also shows, what were the real and not just declared attitudes of the Imperial leadership, concerning the development of the Finnish penitentiary system. The development of the Finnish punishment system was largely determined by the development of its autonomic position in the framework of the Russian Empire.

Едва ли нужно пространно рассуждать о роли источников в работе исследователей, занимающихся реконструкцией прошлого. Тема моей статьи не является исключением из общего правила, поскольку

пенитенциарная система составляла и составляет неотделимую часть государственной политики, поэтому получила значительное и регулярное отражение в материалах официального характера. В публикации использован новый архивный и публицистический материал, не введенный в научный оборот.

К числу наиболее важных источников этого периода относятся памятники финляндского законодательства. Как известно, войдя в состав Российской империи, Финляндия унаследовала не только шведскую правовую систему, но и местное законодательство. В начале XIX столетия на исполнение наказаний распространялись нормы из Отделов о преступлениях и наказаниях Уложения Швеции, принятого риксдагом в 1734 г. и утвержденного 23 января 1736 г. манифестом шведского короля Фредерика I (1720–1751). Наряду с денежными взысканиями чаще всего в уложении встречались смертная казнь, телесные и позорящие наказания. Наказание лишением свободы применялось в незначительных случаях. Принципы гуманности и справедливости, провозглашенные в Западной Европе в XVIII в., проникли и на север, смягчая нравы и образ мыслей. В 1779 г. при короле Густаве III (1771–1792) в Шведском королевстве, а следовательно, и на финляндской территории была отменена смертная казнь за некоторые виды преступлений, что привело к расширению применения тюремного заключения. При Густаве IV (1792–1809) была начата тюремная реформа. Однако она осталась незаконченной из-за причин, связанных с мировой политикой¹. В 1807 г. было переиздано упомянутое Уложение Швеции с последними изменениями и дополнениями. В 1812 г. нормы его распространялись на так называемую Старую Финляндию, которая вместе с другими губерниями, присоединенными в 1809 г., составила Великое княжество Финляндское. В 1824 г. по указу русского царя Александра I Уложение было переиздано в Санкт-Петербурге на русском и шведском языках под названием «Уложение Швеции, принятое на Сейме 1734 г. и Его Императорским Величеством утвержденное для Великого княжества Финляндского». Позднее оно переиздавалось на русском языке с изменениями и дополнениями в 1827 г. [2] и 1891 г. [3].

Как известно, в 1820-е гг. произошли значительные изменения в управлении Финляндией. Генерал-губернатором в конце 1823 г. был назначен А. А. Закревский. Придерживаясь монаршей линии и относя

¹ В соответствии с договором, заключенным между Наполеоном и Александром I в 1807 г. в Тильзите, Россия должна была склонить Швецию к континентальной блокаде. Поскольку переговоры по данному вопросу оказались безуспешными, в 1808 г. между Швецией и Россией началась война [1, с. 1].

декабристов к государственным преступникам, Закревский тем не менее проявлял снисхождение по отношению к тем декабристам, кто первое время отбывал заключение в тюрьмах Финляндии [4]. Ознакомившись с условиями содержания заключенных в тюрьмах страны, он охарактеризовал их как тягостные, почти невыносимые, считая их наследием шведской системы. По его мнению, необходимо было приступить к реформам на основе русских образцов [5, с. 1]. Сравнивая крепости в Финляндии с Петропавловской крепостью и крепостью Орешек, декабрист Якушкин пришел к выводу, что содержание в Финляндии не было «строгим», однако в материальном отношении крепости в княжестве были хуже. В том, что пребывание декабристов в Финляндии оказалось хотя бы отчасти сносным, была в значительной степени заслуга генерал-губернатора Закревского [6, с. 85].

Первоначально проекты финляндских законов обычно составлялись на шведском языке, но для высочайшего утверждения и подписания — на русском. Текст на русском языке получал значение подлинного текста закона, а на шведском — официального перевода. Лишь немногие нормативные акты, относящиеся к первому времени присоединения Финляндии, были изложены и высочайше подписаны на французском языке. Распоряжения финляндского сената и других органов местной власти, не нуждавшиеся в высочайшем утверждении, составлялись очень часто только на шведском языке. В особо важных случаях присоединялся официальный перевод на русский язык. В 1808–1859 гг. все постановления печатались на отдельных листах без общего наименования и нумерации. Нередко русский текст не был напечатан. В конце XIX в. при Государственной канцелярии была создана Комиссия для систематизации финляндских законов, которая разыскала, кодифицировала и опубликовала недостающие русские переводы. Исходя из хронологической последовательности, нормативные акты были опубликованы под названием «Собрание постановлений Финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями» в трех томах с 1902 по 1904 г. По распоряжению председателя этой комиссии, известного русского юриста и государственного деятеля Н. Д. Сергеевского вышли в свет «Хронологический указатель к Сборнику Постановлений Великого Княжества Финляндского. 1860–1891. Узаконения, имеющиеся в шведском издании сего Сборника, но не внесенные в издание Сборника на русском языке», а также «Обзор установлений Финляндии в таблицах».

В Уложение по-прежнему входили Отделы о преступлениях и наказаниях, регулировавшие финляндскую пенитенциарную систему. Постановления о губернских казенных тюрьмах 1818 г. и 1824 г.

вводили нормы относительно питания, одежды, санитарных условий. Была предпринята попытка регламентировать режим содержания заключенных и функции служебного персонала. Печатный экземпляр Устава для вышеупомянутых тюрем на русском, шведском и финском языках должен был быть прибит к стене в каждой камере, а также читаться всем заключенным два раза в год.

После того как Финляндия стала частью Российской империи, остро встал вопрос обновления всего уголовного законодательства. Отдельные усовершенствования в соответствии с международными достижениями пенитенциарной науки того времени были проведены непосредственно финляндским сенатом от имени императора. В постановлениях о губернских казенных тюрьмах 1818 [7, с. 86–87] и 1824 [8, с. 105] гг. была предпринята попытка регламентировать режим содержания заключенных и функции служебного персонала. Вводились нормы относительно питания, одежды, санитарных условий содержания арестантов.

В соответствии с постановлением 1826 г., приговоренные к смертной казни по финляндским законам, но помилованные мужчины пожизненно высылались в Сибирь на каторжные работы. С тех пор в Финляндии смертные приговоры фактически ни разу не приводились в исполнение. Законом от 1848 г. ссылка в Сибирь распространилась на приговоренных к лишению свободы за бродяжничество и лиц женского пола. С 1888 г. ссылка была заменена бессрочной принудительной работой в финляндских тюрьмах.

В 1839 г. был принят Устав для рабочих и исправительных учреждений в Финляндии. Помимо утверждения общей концепции для персонала — «истинное человеколюбие, соединенное с просвещенным рассудком и бескорыстным усердием к общественному благу» [9, с. 403] — устанавливались в каждом учреждении должности: проповедника, лекаря, секретаря, бухгалтера, смотрителя, вахмистра, обязанности которых были расписаны отдельными параграфами.

Первые централизованные «перемены и улучшения в тюремной части в Финляндии» были проведены законом от 30 августа 1848 г. Вводилась классификация содержания заключенных с разделением их по характеру и степени преступления, одиночное заключение для подсудимых. Исправление оступившихся уже тогда составляло главную задачу лишения свободы в Финляндии. Было рекомендовано занимать заключенных «приличными работами, но для предупреждения всяких беспорядков и злоупотреблений, только в пользу казны» [10, с. 336]. Кроме того, закон содержал разные определения, направленные на устранение наиболее резких недостатков тюремной

системы. Например, была отменена возложенная на жителей обязанность, сохранившаяся в некоторых финляндских губерниях с середины XVIII в., строить и содержать общественные губернские остроги. Отныне она возлагалась на казну автономии.

С 1860 г. издание «Сборника Постановлений Великого Княжества Финляндского» в Гельсингфорсе в сенатской типографии на русском языке стало носить ежегодный характер. С 1907 г. публиковался «Сборник новейших Узаконений и Высочайших Повелений, касающихся Финляндии».

Официальным языком окраины был признан шведский. Финский язык в силу неразвитости признавался языком простонародья. Во второй половине XIX в. шла острая борьба по вопросу о статусе финского языка. В эту языково-политическую борьбу власти империи включили и русский язык. Центральное место занимало введение в обращение в финляндском сенате русского языка как основного в целях сближения окраины с империей. Применение принудительных мер против главенствующего положения политически невыгодного шведского языка неизбежно — считали монархисты, — иначе невозможно устранить главное препятствие росту влияния России. Языком учреждений по-прежнему преимущественно являлся шведский, и финнам приходилось довольствоваться прилагаемыми к бумагам переводами. Так называемый Манифест о языке был подписан в 1900 г., при генерал-губернаторе Н. И. Бобрикове, предполагая введение его в действие с 1905 г. Центральные учреждения княжества и губернские управления должны были общаться с сенатом и генерал-губернатором только по-русски. Уже в 1901 г. император пожаловал губернаторам «право» перейти при их желании на русскоязычную переписку до истечения срока. Внедряя русский язык на всех ступенях управленческой лестницы, тем самым генерал-губернатор стремился обеспечить себя отрядом надежных помощников в борьбе с финляндским сепаратизмом. Соответствующим образом было изменено и издание «Сборника Постановлений Великого Княжества Финляндского», в котором переводы на местные языки нельзя было публиковать отдельно от русского текста. Центральным учреждениям и городским управлениям предстояло перейти на русский язык в переписке не только с вышестоящими, но и с нижестоящими чиновниками. В вопросе о языке, используемом учреждениями, проводившаяся Бобриковым постепенная административная русификация была неограниченной. Вместо желаемого сближения Финляндии и России произошло их еще большее обособление (подробнее см.: [11, с. 123–140]).

Ориентироваться в большом количестве законодательно-нормативных актов, опубликованных в приведенных выше изданиях, помогал особый, носящий полуофициальный характер, «Алфавитный указатель к Постановлениям, относящимся до Великого Княжества Финляндского». Указатель был составлен Н. Н. Корево и издавался в течение 1907–1909 гг. в трех томах. С 1905 г. по распоряжению председателя Временной комиссии для составления сведений по финляндским законам и систематизации этих законов стал публиковаться «Параллельный Русский, Финский и Шведский словарь по Общему Уложению и Постановлениям Великого Княжества Финляндского». Он служил пособием в делопроизводстве, так как был составлен посредством сопоставления текстов законов в официальных изданиях. По распоряжению все той же комиссии в 1901 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет «Указатель узаконений, относящихся до Великого Княжества Финляндского (Швеция–Ингерманландия–Старая Финляндия). 1649–1808». До 1898 г. финляндские законодательные акты можно найти в Полном собрании законов Российской империи в тех случаях, когда этот акт бы обнародован и в империи. В последующее время все Высочайше утвержденные нормативные акты вносились в этот сборник.

При изучении законодательных источников второй половины XIX в. особую важность имеет доскональное рассмотрение всех стадий создания того или иного акта. С возобновлением работы Сейма в 1863 г., как никогда ранее, законотворческая процедура усложняется, представляя собой такую совокупность посредствующих моментов, какая с точки зрения своей сложности в предшествующие периоды никогда не наблюдалась. Особенно показательна в этом смысле история создания нового финляндского Уголовного уложения, вторая часть которого содержала нормы, регулировавшие исполнение наказания. Это стало делом не только законодательным, но и идеологическим и политическим.

Основной принцип будущего Уголовного уложения был выдвинут еще на Сейме 1863–1864 гг. Оно должно было поддерживать не только общественную безопасность и уважение к закону и давать суду возможность определять меру наказания соразмерно степени содеянного, но также стремиться, согласно истинному духу христианства, к исправлению преступника мерами, совместимыми с характером уголовной кары, не лишая наказание значения серьезной репрессии.

Особого внимания заслуживает составление, принятие и введение в действие нового финляндского Уголовного уложения, вторая часть которого содержала нормы, касавшиеся исполнения наказаний. Новое уложение — продукт местного законодательного творчества, в котором объединили усилия финляндский сенат и сейм, охранявшие в первую

очередь блага и интересы своего края и обслуживавшие общегосударственные интересы России под углом зрения местной жизни. Длительное многопроектное создание финляндской уголовной и уголовно-исполнительной кодификации было обусловлено поэтапным завершением буржуазных преобразований в социально-экономической и политической жизни княжества, противоборством разных направлений классической школы уголовного права, к которым принадлежали авторы отдельных проектов, их ориентацией на различные иностранные образцы, а также борьбой шведоманского и финнофильского направлений национально-политических партий Финляндии за приоритет по созданию кодификации. В Уложении 1889 г. на первый план было выдвинуто исправление преступника, так как сильное влияние оказали концепции К. Г. Эрштрема. Еще во время разработки проекта 1875 г. он, в противовес заимствованной из Германии возмездной теории наказания позитивиста Вирта, выдвинул идею, что не возмездие, а перевоспитание составляет суть наказания. Первый проект был издан в 1875 г. для отзывов компетентных органов и лиц автономии. Ввиду полученных замечаний была назначена новая комиссия для пересмотра первого проекта. Проекты с изменениями представлялись данной комиссией еще дважды, в 1883 и 1884 гг. Окончательный вариант был передан на обсуждение земским чинам на Сейме 1888 г., который в главных чертах был одобрен. В него вошло Постановление об исполнении наказаний. В 1889 г. новый уголовный кодекс получил высочайшее утверждение, но затем его введение в действие (намеченное на 1 января 1891 г.) было приостановлено манифестом 1890 г., который обязал земские чины вновь рассмотреть законодательный акт. Этот исключительный в истории законодательства факт был вызван тем обстоятельством, что, по мнению российских законодателей, составители Уложения определили Финляндию как самостоятельное государство, а Россию, по отношению к ней, как иностранную державу. Это не соответствовало официальной точки зрения Российской империи. Подробно этот вопрос изложен в работах Р. Н. Дусаева [12; 13].

Появление второй редакции Уложения было вызвано не столько теоретическими просчетами авторов редакции 1889 г., сколько политической борьбой вокруг государственной автономии Великого княжества. В силу значительного сопротивления всех политических партий и большинства государственных деятелей Финляндии попытки не увенчались существенным успехом. А потому уголовное право России не оказало заметного влияния на изменение соответствующих положений уголовного законодательства. Поскольку в теоретико-

правовом отношении финляндская уголовная кодификация 1889 г. была одной из самых передовых среди европейских стран того времени, то царскому правительству пришлось удовлетвориться лишь незначительными изменениями, которые основывались на поправках, разработанных членами совместной российско-финляндской комиссии, образованной специально для создания второй редакции (1894 г.) уголовного уложения Финляндии.

Измененное Уложение получило утверждение и вступило в действие, согласно манифесту 14 апреля 1894 г. Но было бы слишком смело утверждать, что оно было переработано коренным образом. Принимавший непосредственное участие в этом процессе Н.С. Таганцев утверждал, что этот пересмотр имел характер «штопанья, хотя и нового, но оказавшегося дырявым платьем, и притом штопанья наиболее бьющих в глаза прорех» [14]. Поэтому не следует переоценивать их значение, так как большинство норм осталось не затронутыми изменениями, сохранив свой самобытный характер.

Полемика вокруг первой редакции Уголовного уложения, о которой я уже упоминала, велась на шведском языке. Лишь конечный результат в виде самого Уложения 1889 г. был переведен на русский язык для Высочайшего утверждения. И только после его опубликования развернулась «борьба» между финляндскими и российскими юристами и государственными деятелями, которая получила широкое освещение в различных русскоязычных периодических изданиях и прессе. Для России характерно неоднократное возвращение к уже утвержденным проектам, которые никогда не принимались с первого раза.

При изучении истории данного периода большее значение, чем законодательным актам, принадлежит делопроизводственным источникам, т.е. документам, образовавшимся в ходе функционирования разного рода бюрократических учреждений. Характеристику делопроизводственных источников необходимо начинать с истории государственных учреждений и четкого представления о функциях этих учреждений, их подчиненности и отношениях между ними. Финляндия под именем Великого княжества Финляндского заняла исключительное, по сравнению с другими частями империи, положение. Спор о положении автономии в составе метрополии начался еще в 1830-е гг. и обострился на рубеже веков. Финляндские дела представлялись в Петербурге непосредственно монарху министром статс-секретарем, минуя российских министров. В 1811 г. им была учреждена Комиссия финляндских дел. Министр статс-секретарь ведал императорской канцелярией по всем делам гражданского управления княжеством, принимал и докладывал императору все эти дела и сообщал мнение его

генерал-губернатору. Генерал-губернатор в свою очередь стоял во главе всей администрации края. Он состоял председателем финляндского сената. Ему принадлежал надзор за всеми исполнительными органами власти. При нем состояли помощник и канцелярия. Многих исследователей интересовали функции, подчиненность и отношения между этими государственными структурами. Поэтому они получили подробное освещение еще у современников: М. М. Бородкина, Н. Д. Сергеевского, Н. С. Таганцева, К. Ф. Ордина, Н. М. Коркунова, П. М. Лякуба и других авторов [6].

Прежде всего — это переписка между центральными и местными органами, подготовительные материалы и справки по вопросам управления территорией и жизни общества окраины. Весьма значительная часть делопроизводственных материалов не была опубликована как в начале XX в., так и впоследствии. Эти неопубликованные русскоязычные материалы хранятся в Национальном архиве Финляндии в фондах Канцелярии министра статс-секретаря и Канцелярии генерал-губернатора.

С конца XIX в. систематическая публикация делопроизводственных материалов получила довольно широкое распространение. Опубликование отчетов всевозможных ведомств для широкого доступа общественности явило собой проявление демократических принципов. На основе отчетов, представленных финляндским тюремным управлением, в 1890 г. вышла книга на русском языке Адольфа Гротенфельда «Тюремное дело в Великом Княжестве Финляндском с приложением планов основных пенитенциарных учреждений» [15]. Она содержала сведения об истории тюремного законодательства, тюремной системы и превентивных мерах в автономии. Вызывает бесспорный интерес мнение местной власти о проведении тюремной реформы, ее недостатках и развитии тюремного дела вообще, изложенное в изданных официальных переводах на русский язык «Отчетов Прокурора Финляндского Сената о судопроизводстве и наблюдении за применением законов в крае, сообщенных Сейму Финляндии». Также на русском языке были изданы в Гельсингфорсе «Всеподданнейшие отчеты Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената», в которых содержатся сведения о тюрьмах и содержании арестантов.

В это же время в автономии все большее развитие, по сравнению с предшествовавшим временем, приобретают статистические материалы. С 1877 г. выходил «Статистический ежегодник. Финляндия», где наряду с другим цифровым материалом представлялись сведения по «Тюремной части» княжества. Здесь наглядно иллюстрировалась

степень эффективности применения «Постановления о исполнении наказаний лишением свободы» от 26 ноября 1866 г., а также Уголовного кодекса от 1894 г. в борьбе с преступностью.

Первостепенное значение при изучении истории конца XIX — начала XX в. имеют материалы тогдашней периодики. Именно периодическая печать начинает формировать и отражать общественное мнение. Вплоть до начала 60-х гг. XIX в. о Финляндии писалось в миролюбивых тонах, причем в первые десятилетия после присоединения княжество воспринималось как далекая провинция империи, несмотря на близость Хельсинки к Санкт-Петербургу. Ситуация стала меняться с 1880-х гг., когда российские правящие круги начали идеологическое и юридическое наступление на автономное положение Финляндии и открыто стали обсуждать «финляндский вопрос». Национальные противоречия повлияли на все слои общества и на все стороны социальной жизни княжества.

Столкновение интересов различных политических партий и течений Финляндии вокруг проектов тюремной реформы в рамках совершенствования уголовной кодификации получило отражение не только в финляндской, но и российской периодической печати. Этот вопрос привлек больше внимания российской прессы, чем когда-либо раньше. К концу XIX в. княжество стало объектом всеобщего внимания общественности России. У одних это вызывало восхищение, у других — зависть, часть русских считало Финляндию передовой страной, другие же рассматривали ее как опасный пример для национальных меньшинств империи. Статьи на эту тему публиковались в популярных газетах и журналах: «Новое время» [16], «Свет» [17], «Вестник Европы» [18, с. 22], «Право» [19], «Журнал Министерства юстиции» [20], «Журнал гражданского и уголовного права» [21], «Юридическая летопись» [14] и др. Неизвестный автор как нельзя лучше охарактеризовал общественное мнение по поводу так называемого «финляндского вопроса»: «Нападения на Финляндию и финляндские порядки все больше и больше входят в обиход известных органов печати. В “Московских ведомостях”, например, они сделались почти такой же еженедельной рубрикой, как метеорологический бюллетень или список театральные представлений. Чрезвычайно редкое явление составляет, наоборот, газетная или журнальная статья, относящаяся к Финляндии дружелюбно или хотя бы беспристрастно» [22, с. 422].

Публикации, непосредственно касавшиеся пенитенциарной системы в автономии, печатались в имперском журнале «Тюремный вестник», издававшемся Главным тюремным управлением с 1893 г. У журнала время от времени были корреспонденты в Финляндии.

При чтении официальных описаний тюрем нельзя получить того впечатления, какое выносится при личном их посещении, когда имеется возможность ознакомиться со всем тем, что бывает сознательно или бессознательно пропущено в официальных источниках. На страницах специального журнала «Тюремный вестник» делились своими впечатлениями, которые вынесли при непосредственном осмотре, тюремные деятели. Подтверждая неподдельный интерес к финляндской пенитенциарной системе, журнал размещал подобного рода материалы. В одной из статей мы читаем: «На работы и их организацию уделено много внимания. Особенно грязных и вредных для здоровья работ <...> нет. Незанятых арестантов почти нет, что надо поставить в большую заслугу администрации тюрьмы и центрального управления, как главного руководителя тюремной жизни» [23, с. 313]. В другой статье: «Тюремная стража, числом меньше, чем у нас, подразделялась на старших и младших надзирателей или, в женских тюрьмах, надзирательниц. Арестантские кухня и ванная комнаты обращают на себя внимание своею чистотою и практическим устройством» [24, с. 278]. «В конторе нашему российскому глазу бросается малый размер бумагописания. Нельзя не отметить также порядка и чистоты во всем» [23, с. 312]. «Заболеваемость финляндцев-арестантов равна 5 %, русских же — около 10 %. Это уже говорит о лучшем состоянии тюрем, а к этому и должны стремиться врачи» [25, с. 438]. Причину относительно хорошего санитарного состояния русский врач, осматривавший финские тюрьмы, видел в том, что тюремный врач являлся членом тюремной администрации и имел право «полного» голоса на заседаниях тюремного совета. При таком положении врач был осведомлен обо всех изменениях как в правовых, так и бытовых вопросах, что увеличивало его ответственность за происходившее. «Столь высокое положение врача, как члена комиссии, управляющей тюрьмой, с полным голосом, — пишет доктор Н. Н. Лебедев, — побуждает меня высказать ту мысль, что и русскому тюремному врачу необходимо было бы предоставить права и положение его заграничных (Германия) коллег и взять для примера нашу окраину — Финляндию» [Там же, с. 439].

В 1900 г. была учреждена «Финляндская газета» — первый русский орган в крае, издававшийся в Гельсингфорсе при управлении генерал-губернатора и выходивший 4 раза в неделю. Любопытна большая статья, опубликованная в нескольких номерах газеты под названием «В колонии для малолетних преступников. (Летняя экскурсия)» [26]. Статья в занимательной форме повествует о первом государственном исправительно-воспитательном учреждении для малолетних преступников

и порочных мальчиков, которое было открыто в 1891 г. в Койвула, недалеко от Гельсингфорса.

Также выходил ежегодный обзор периодической печати, изданной в Финляндии, который представлял собой калейдоскоп из периодики, выходившей на шведском и финском языках в переводе на русский. Оттуда, например, можно узнать, что в 1891 г. на должность Главного директора Финляндского тюремного управления был назначен А. Грипенберг, но в 1901 г. был уволен за «противление высочайшим повелениям». Он принадлежал к тем чиновникам, которые в годы противозакония «были стражами финляндских законов» [27, с. 142]. Не миновала и этот государственный орган т. н. политика единообразия [11]. Вторично ведомство Грипенберг возглавил лишь спустя пять лет, в 1906 г., в самый разгар торжества шведоманской политики, и подал по болезни в отставку в 1911 г.

Однако финляндские тюрьмы управлялись особым порядком и имели свое центральное управление в Гельсингфорсе. Они не входили в состав общеимперской пенитенциарной системы и не подчинялись Главному тюремному управлению Российской империи, находившемуся в Санкт-Петербурге. Россия старалась идти в ногу с мировыми пенитенциарными достижениями, но эффективность их воплощения в масштабах страны была сомнительной. Однако тюремная реформа в Великом княжестве Финляндском, имперской окраине, проводилась в умеренном духе, разумно и энергично. К концу XIX в. автономия имела больше «посадочных» мест в учреждениях лишения свободы, чем было преступников. Социальная культура и характер народа наложили на некоторые стороны организации и ведения тюремного быта свой отпечаток.

Изучая фрагменты прошлой реальности, важно воспроизвести на их основании взаимосвязанную картину той культуры, того общества, остатком которой они являются. Сравнительно с предшествующим периодом появилось множество новых видов административно-управленческой, финансово-хозяйственной и общественно-политической документации, резко возрос объем служебной и деловой переписки. В это время приобретала все более важную роль книжная и газетно-журнальная издательская деятельность, охватившая, в сущности, уже тогда все сферы жизни человека и общества. Сильнейшим образом влияли политические реалии. Вышеозначенные источники следует рассматривать с точки зрения имперского правительства и тогдашних государственных интересов, поскольку принцип государственного единства России, который являлся руководящим началом русской политики на финляндской окраине, был своего рода «категорическим императивом».

Литература

1. Юнтунен А. Ссылка финнов в Сибирь из автономного Великого княжества Российской империи и ссыльные в Сибири: Резюме. Хельсинки, 1984.

2. *Прибавление* к изданному Высочайшему повелению с переводом на русский язык, существующему в Великом Княжестве Финляндском. СПб., 1827.

3. *Общее* Уложение и дополнение к нему узаконения Финляндскаго: Издание на основании официальных шведско-финляндских источников, Кронида Мальшева. СПб., 1891.

4. *Высочков Л. В.* Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823–1831 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Мат-лы V ежегодной науч. конф. (23–25 апреля 2003 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. СПб., 2004. С. 18–31.

5. *Национальный* архив Финляндии. Фонд канцелярии генерал-губернатора. Опись Всеподданнейшим докладам финляндского Генерал-Губернатора, Генерал-Адъютанта Закревского с 1823 по 1830. Са. 1. (Национальный архив).

6. *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005.

7. *Регламент* о колодниках, содержащихся в губернских казенных тюрьмах Великаго Княжества Финляндии. № 12 от 21 ноября 1818 г. Инструкция вахмистрам и тюремным работникам при губернских казенных тюрьмах Великаго Княжества Финляндскаго. № 25 от 21 ноября 1818 г. // Сборник постановлений Финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839: В 3 т. СПб., 1902. Т. 1.

8. *Высочайший* Его Императорскаго Величества устав для казенных губернских тюрем в Великом Княжестве Финляндском. № 36 от 25 октября 1824 г. // Сборник постановлений Финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839: В 3 т. СПб., 1902. Т. 1.

9. *Высочайший* Его Императорскаго Величества устав для рабочих и исправительных заведений в Великом Княжестве Финляндском. № 165 от 17 декабря 1839 г. // Сборник постановлений Финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839: В 3 т. СПб., 1902. Т. 1.

10. *Высочайшее* Его Императорскаго Величества объявление касательно разных перемен и улучшений по тюремной части в Великом Княжестве Финляндском. № 339 от 30 августа 1848 г. // Сборник

постановлений Финляндских. Узаконовения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1840–1849: В 3 т. Т. 2. СПб., 1903.

11. *Полвинин Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997.

12. *Дусаев Р. Н.* Уголовное уложение Великого Княжества Финляндского. История создания, основные институты. Л., 1988.

13. *Дусаев Р. Н.* Кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX в.: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1992.

14. *Законодательная хроника об уголовном уложении В. К. Финляндскаго* // Юридическая летопись. 1891. СПб., 1891. Ч. 1. С. 130.

15. *Гротенфельт А.* Тюремное дело в Великом Княжестве Финляндском: Отчет, представленный финляндским Тюремным управлением в апреле 1890. Гельсингфорс, 1890.

16. *Тюремная реформа.* Корреспондент из Гельсингфорса // Новое время. 28.02.1898. № 7904.

17. *О пребывании* в Финляндии членов тюремного конгресса // Свет. СПб. 22.06.1890. № 141.

18. *Финляндское* уголовное уложение, в связи с общим финляндским вопросом // Вестник Европы. СПб., 1891. № 3. С. 452–464.

19. *Германсон Р.* Статья 2-я российских основных законов и финляндская конституция // Право. СПб. 20.04.1908. № 16. С. 899–911.

20. *Случевский В. К.* Столкновение русских и финляндских законов // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1908. № 5. С. 105–137.

21. *Новое* уголовное уложение Финляндии // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1890. № 7. С. 157.

22. *Из общественной хроники* // Вестник Европы. СПб., 1890. № 5. С. 422–424.

23. *Лебедев Н. Н.* Тюрьмы в Финляндии (санитарный очерк) // Тюремный Вестник. СПб., 1909. № 4. С. 308–319.

24. *Х. Ц.* Места заключения в Финляндии // Ревельские известия. Ревель, 1893. № 77–78; см. также: *Тюремный вестник.* СПб., 1893. № 7. С. 273–278.

25. *Лебедев Н. Н.* Тюрьмы в Финляндии (окончание) // Тюремный вестник. СПб., 1909. № 3. С. 423–439.

26. *В колонии* для малолетних преступников. (Летняя экскурсия) // Финляндская газета. Гельсингфорс. 10.07.1907. № 100; 14.07.1907. № 102; 17.07.1907. № 104.

27. *Финляндия:* Обзор периодической печати. Вып. 18. СПб., 1911. С. 142.

Нинель Ивановна Приймак, доктор исторических наук,
профессор кафедры источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
istochnikpu@gmail.com

Финляндия 40–50-х гг. XIX в. в записках русских путешественников¹

Записки, русские путешественники, Финляндия

Memoirs, travels to Finland from Russia

Записки Ф. В. Булгарина, Я. К. Грота, С. С. Джунковского, А. П. Милюкова о поездках по Финляндии в 1840–1850-х гг. интересны для тех, кто изучает историю и облик городов и сельских поселений, взаимовлияние природы и человека, повседневную жизнь крестьян, обязанности и роль пасторов, сельских и городских чиновников, природные и исторические достопримечательности.

Memoires of F. V. Bulgarin, J. K. Grot, S. S. Gzunkovskiy, A. P. Miljukov about travels to Finland in 1840–1850 are of interest for those who study history and image of towns and rural settlements, duties and role of pastors, village clerks and city officials, nature and historical showplaces.

Для изучения этого сюжета выбраны записки четырех авторов: Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789–1859), Якова Карловича Грота (1812–1893), Степана Степановича Джунковского (1820–1870), Александра Петровича Милюкова (1817–1897). Ф. В. Булгарин, Я. К. Грот и А. П. Милюков были известны образованной части общества: Булгарин — как писатель, журналист, отчасти как историк; Грот — как филолог, историк, профессор Гельсингфорсского университета в 1841–1852 гг., автор статей о Финляндии, регулярно публиковавшихся в «Современнике» П. А. Плетнева; Милюков — как писатель, преподаватель литературы в столичных гимназиях и институтах. С. С. Джунковский был сыном известного своими трудами Степана Семеновича Джунковского (1763–1839), оставившего несколько поэтических произведений.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 10-01-00632 а/Ф.

К моменту поездки в Ревель и Гельсингфорс в середине июня 1839 г. Джунковскому было девятнадцать лет (его отец скончался 3 (15) апреля 1839 г.). Вероятно, это было его первое путешествие с целью, как он писал в своих заметках, «объехать и узнать на опыте нашу милую Россию, а потом отправиться за границу» [1, с. 1–2]. Отличаясь с юности религиозностью, С. С. Джунковский посвятил свою жизнь духовной деятельности [2, с. 559–560].

Общим для всех авторов был интерес к путешествиям, особенно в края, которые оставались к тому времени недостаточно известными. А. П. Милюков специально обратил на это внимание, заметив, что Италия и земли на Рейне хорошо известны путешественникам из России, и их достопримечательности описаны во многих трудах, а Финляндия похожа на «дикий лес, о котором вы слышали одни таинственные сказки», и куда вы должны были войти, не имея возможности предварительно получить знания о нем [3, с. 1]. Я. К. Грот объяснил основную причину этого: хотя к 1850-м гг. Финляндия была уже почти сорок лет в составе Российской империи, знакомство с ней стало более возможным благодаря развитию с 1830-х гг. пароходства, сделавшего удобным для жителей Петербурга посещение Гельсингфорса и Стокгольма, тем более оживившегося после открытия в Гельсингфорсе заведения минеральных вод и морского купания [4, с. XI]. В связи с этим полезными могли быть впечатления и советы тех, кто уже побывал в Финляндии. Среди таких выделялся Я. К. Грот, который с 1837 г. подряд три летних сезона провел в путешествии по Финляндии, а с 1840 стал постоянным жителем Гельсингфорса, откуда в мае–июне ежегодно ездил по Финляндии. Не менее важно, что с самого начала своего знакомства с Финляндией Я. К. Грот стал изучать историю страны, особенно литературу, обычаи, нравы, в чем ему помогало знание шведского и финского языков [5; 6]. Авторы путевых записок понимали, что их читателю важно было не только узнать о стране, которую они собирались посетить, но и получить практические рекомендации относительно маршрута, гостиниц, стоимости жилья и питания, традиционных правил общения с местными жителями, а также знания, которые позволили бы достаточно уверенно чувствовать себя в незнакомой среде. Понимая необходимость таких рекомендаций, Я. К. Грот составил к своим запискам приложение с описанием маршрута путешествия в 1846 г. от С.-Петербурга до Гельсингфорса, в котором были названы города и местечки, через которые они проезжал, с обозначением расстояния между станциями, где можно было остановиться для отдыха и поменять лошадей, отсылая читателя к тексту, где давалось их описание с краткими

замечаниями о состоянии таких станций: «хорошая», чаще всего, или «очень хорошая» и «порядочная», редко «дурная» или «плохая» [4, с. 235–241]. Ф. В. Булгарин описал особенности своей поездки в 1838 г. из С.-Петербурга в Ревель на почтовых лошадях, а затем парохом «Сторфурстен» (в переводе — «Великий князь»), построенном в Англии, в Гельсингфорс, при этом указал возможность поездки на этом пароходе из Кронштадта в Гельсингфорс со 2 мая по 10 октября, приведя стоимость поездки в каютах первого и второго класса и соответствующие этому удобства, а также сообщив о времени в пути от Ревеля до Гельсингфорса (5 часов) [7, с. 75–78].

Общим для всех этих путевых записок было описание увиденного и характеристика разнообразия впечатлений. Наиболее эмоционально и колоритно о своих впечатлениях писал А. П. Милюков. В основном они сложились под воздействием природы Финляндии — «вековой жизни природы», которая оставила «бесчисленные памятники из векового гранита», свидетельствующие о действиях не людей, а стихии, отражавшие геологическую историю этого края [3, с. 42]. Это было уже заметно в начале поездки парохомом от Валаама в Сердоболь, когда можно было увидеть приближение «суровой и мрачной» Финляндии: «кустарник становился реже, нагие утесы мрачнее», «дикие скалы выставляли свои обнаженные ребра», не видно было птиц [Там же, с. 25]. Сам городок Сердоболь, «маленький, печальный», стоящий на «цельной каменной скале», местами прикрытой тонким слоем земли, был обязан природе тем, что она вымостила его улицы — каждая из них являлась «сплошным гранитным» полотном и содержалась опрятно — ее подметали не дворники, а северный ветер [Там же, с. 28–29]. От Сердоболя начиналась «гористая сторона», песчаная желтая дорога то поднималась на возвышения, то опускалась в долину, то исчезала за горными отрогами. Предоставленная путешественникам двухколесная тележка (таратайка) с низенькой лошадкой («неутомимой и ловкой») и извозчиком, чаще всего мальчиком или девочкой лет десяти–одиннадцати («в синей суконной куртке с медными пуговицами, с красным платком на шее, и, соответственно, в красной юбке и суконной курточке») давала возможность ехать достаточно удобно, наслаждаясь впечатлениями от меняющихся природных картин, которые в целом создавали «дикую и грандиозную» панораму [Там же, с. 29–33, 36, 44]. А. П. Милюков (это подтверждают записки и других авторов) уловил и выделил особое воздействие природы на образ жизни и характер финнов: «Здесь на каждом шагу вы находите поразительную аналогию между страной и всем бытом ее населения. В финляндском городе та же мрачность и безмолвие, как

в окружающих его горах и озерах. Деревянные домики, потемневшие от времени или окрашенные в любимый красный цвет, вполне гармонируют со страной, покрытой сплошными массами серого и красного гранита». Характер края еще больше подчеркивали деревни: «люди разбросаны в таком же хаосе, как земля и воды», поэтому земля, принадлежащая одной семье, могла быть перерезана озером или цепью скал. Естественно, труд на такой земле развил в характере финнов «необычайную твердость и упорную настойчивость», а жизнь в уединенном месте, вдали от соседей, приучила их к «молчанию и суровой задумчивости», так что, по словам А. П. Милюкова, в финнах «ярко отражается твердость и мрачность его гранитов» [Там же, с. 130–131]. А. П. Милюков отмечал также, что Финляндия «бедна звуками: глубокое молчание изредка прерывается здесь шумом соснового леса да погремушками рассеянного стада», тем «яснее слышится здесь громовое пение водопадов, полное дикой и оригинальной гармонии» [Там же, с. 156]. Такие впечатления побудили А. П. Милюкова сделать вывод, что в Финляндии «город не имеет смысла: это какая-то случайность, возникшая не из потребности самой страны, а по чуждому влиянию. Все они основаны шведами или русскими» [Там же, с. 79].

Сложный характер взаимовлияния природы и человека в Финляндии отмечал и Я. К. Грот, подчеркивая терпение и трудолюбие людей в преодолении преград, сотворенных природой, выделяя вместе с тем стремление жителей страны создавать гармоничные отношения с миром природы, соседствуя с ней и облагораживая занимаемое людьми пространство, что особенно было видно в конце 1840-х гг. в Гельсингфорсе при активно происходившем тогда строительстве [8, с. 70–72].

По мнению А. П. Милюкова, особенности воздействия природы на человека в Финляндии проявлялись даже в его внешности. Невозмутимое спокойствие финнов, их мрачность и молчаливость оттенялись характерными для их лиц чертами. А. П. Милюков писал, что довольно часто встречались лица, которые «блистательно оправдывали известность, еще в Средние века приобретенную финнами по всей Европе, по части колдовства и чародейства». Это были «загорелые и сухие лица, с блестящими впалыми глазами и длинными прядями рыжих волос», которые, как повествовали саги, «волновали море, навели мрак на солнце, вызывали мертвых» и т. п. Этот облик, по мнению А. П. Милюкова, был достаточно характерным. Описывая финнов из разных мест, он вновь отмечал угрюмость лиц, закрытых наполовину прядями длинных рыжих волос, глаза, сурово сверкавшие из-под широких полей шляпы [3, с. 27, 45]. Контраст с таким обликом подчеркивала праздничная одежда, в которой финны посещали воскресные службы.

По описанию А. П. Милюкова, он стал свидетелем того, как крестьяне из своих деревень на лодках спешили в Сердоболь на церковную службу: «Мужчины в синих суконных куртках с металлическими пуговицами, женщины в шерстяных полосатых или клетчатых юбках ярких цветов, с большими медными и жестяными бляхами на шее, прицепленными в качестве наших брошек». При этом на веслах были женщины, а мужчины сидели в лодках «в самом полном бездействии» [Там же, с. 25].

Наиболее полное по своей сути и соответствующее исторической судьбе описание народа Финляндии было сделано в заметках Я. К. Грота. Основанное на впечатлениях, но при этом соотнесенное с историей развития финнов как нации, подтвержденное лингвистическими исследованиями, оно отражало историю и современность: «Несмотря на продолжительную зависимость от Швеции, несмотря на заимствование отсюда религии, законов и нравов, финны никогда не могли вполне слиться с нацией, столь чуждою им по происхождению, языку и характеру»; «финны в значительной мере сохранили свои первобытные свойства и чистоту собственного языка»; финский крестьянин, особенно в тех местах, где «чрезмерная нужда или вообще неблагоприятные внешние обстоятельства не исказили его душевных способностей», являлся часто человеком «набожным, благородно чувствующим, здраво и тонко мыслящим, выражающимся умно и приятно». В связи с этим Я. К. Грот подчеркивал, что финский язык составлял для филолога «явление драгоценное и в некотором смысле единственное», в котором особенное отражение нашла народная поэзия [4, с. XIII]. В этом ему помогали беседы с финским фольклористом Элиасом Лёнротом (1802–1884), составившим на основе ижорских и финских рун эпос «Калевала», собиравшим народные пословицы, загадки. Лёнрот сопровождал Я. К. Грота в этой поездке в течение июня 1846 г. от Куопио через Улеоборг в Каяну, где он жил. Я. К. Грот писал, что из всех приятных моментов путешествия общество Э. Лёнрота (Ильи Ивановича, как он его называл) было «всего дороже» [Там же, с. 41, 167–170]. Заметки о характере Э. Лёнрота, его скромности, простосердечии, равнодушии к удобствам и т. п., его манере общения с жителями, беседах по поводу сходных корней в русском и финском языках; сведения из его биографии, в том числе о живших в окрестностях Каяны его родителях — отце в возрасте восьмидесяти лет и матери, которой пошел 74-й год, что «по прямому стану» и «приветливому лицу» нельзя было угадать, делают эти наблюдения Я. К. Грота ценными для изучения биографии финского фольклориста [Там же, с. 41–43, 57–60, 79, 163, 167–170]. О Лёнроте Я. К. Грот составил обобщающий портрет: «Нельзя вообразить себе никого скромнее его, простосердечнее,

равнодушнее к удобствам и приятностям жизни, беспечнее о самом себе. По его лицу и всей наружности уже легко узнать человека, не изнеженного прихотями утонченного городского быта» [Там же, с. 19].

Достопримечательностью, которая могла заинтересовать путешественника, были станции («гастгеберства»), где имелась гостиница и можно было поменять лошадей. Обычно станция располагалась в стороне от дороги, иногда довольно далеко: ее можно было издали заметить по огромному шесту с изображением коня на вывеске. Чистота, удобства, еда были различными, но доброта, бескорыстие, честность, вежливость содержателя станции («гастгебера») отмечались всеми путешественниками. Грот писал, что, например, на станциях, находящихся на дорогах, ведущих от Сердоболя через Рускеалу к Нейшлоту и Куопио, где бывало мало путешественников, станции были тесны и не имели удобств, но крестьяне (содержатели станций) отличались неизбалованностью и бескорыстием, так что не хотели брать за ночлег и продукты [Там же, с. 18–19; 3, с. 32–33]. В большинстве своем станции были устроены хорошо. В Рускеале, известной тем, что там добывался белый мрамор, в том числе для Исаакиевского собора и Эрмитажа, станция была, по словам А. П. Милукова, «бедна, но опрятна», а около Рандасало, по дороге к Нейшлоту, станция оказалась, по записи Я. К. Грота, богатой: много построек, «просторные и порядочно убранные комнаты», апельсиновое дерево в убранстве. Содержателем оказался русский купец Кононов, оставшийся в Финляндии после войны 1808 г. тринадцатилетним мальчиком, видимо, бывшим в услужении у какого-нибудь маркитанта [4, с. 25–26]. В Куопио Я. К. Грот и Э. Лёнрот остановились в гостинице, которая содержалась хорошо, даже с «некоторой роскошью», ее хозяином был кондитер Вик, построивший пароход, который доставлял муку и другие товары из Нейшлота и Вильманстранда [Там же, с. 42]. Обычно содержание станций являлось казенной повинностью крестьян, которую, по словам Я. К. Грота, многие находили «тягостною», но исполняли «чрезвычайно совестливо» [Там же, с. 76]. Крестьяне поставляли лошадей для проезжающих, а для станций, находящихся в городах, этим специально занимались т. н. «фурманы», для которых содержание лошадей обходилось дороже, и, соответственно, вдвойне нужно было платить за проезд из города до следующей станции. Путешественнику приходилось также переправляться через реки, этим занимались специальные перевозчики из крестьян [Там же, с. 77].

Содержание дорог являлось в Финляндии также казенной повинностью крестьян: по сторонам дороги стояли маленькие красные столбики, ими обозначали участок дороги, за обслуживание которого отвечало

отдельное крестьянское хозяйство («геймат»). Чем больше было гейматов в уезде, тем меньше были эти участки. Например, Я.К. Грот заметил, что около Улеборга эти столбики стояли часто [Там же, с. 128]. Как отмечали все авторы записок, станции и дороги в Финляндии вызывали похвалу за бескорыстие, удобства и безопасность: случаи воровства были редкими даже в городах. Правда, ближе к Выборгу картина была другой: у ворот станции приезжего встречали нищий, а извозчик, получая плату, поглядывал с желанием получить сверх платы [3, с. 103, 192–193]. Но в целом, как писал Ф.В. Булгарин, «взятки нет вовсе». Существенную роль в этом, по его мнению, имело то, что все жили отдельно, часто на значительном расстоянии: крестьяне — в гейматах, помещики — на своих мызах, все знали друг друга, а семейные связи удерживали в пределах закона и общепринятого мнения [7, с. 368]. Определенное значение в этом играли религиозность и, несомненно, авторитет пасторов.

Я.К. Грот подробно описал систему церковного управления в Финляндии: две епархии — Абоское архиепископство и Боргоское епископство; духовное начальство, кроме дел церкви, управляло училищными ведомствами; каждая епархия делилась на множество приходов разной величины, которые отличались размерами земли и числом прихожан, чем определялись и различные доходы: в сельской местности пастор получал с прихожан доходы натурой, в городе — денежными сборами; образованностью пасторы не очень блистали — обычно они заканчивали гимназию и при университете семинарию; к пасторской усадьбе приписывались угодья, так что часть земли отдавалась крестьянам на откуп; гостеприимство в пасторском доме являлось своеобразной «гражданской обязанностью или общественной повинностью». Во многом пастор в Финляндии исполнял не только обязанности духовного наставника, но и был лицом, представлявшим гражданские власти [4, с. 27–34, 126–127]. Грот отметил интересную особенность, что в случае смерти пастора такой пасторат становился на некоторое время вакантным, а доход от сдачи в аренду находящейся при нем земли шел в пользу Гельсингфорского университета [Там же, с. 121].

Сельские и городские чиновники представляли собой немногочисленное общество: «коронный фохт» взыскивал в деревнях подати и повинности; в небольших городах, например, в Каяне — это бургомистр, судья, пастор с адьюнктом, ратман², почмейстер, аптекарь, землемер [Там же, с. 35, 163]. Образованность этой части общества специально отметил и Ф.В. Булгарин [7, с. 368]. Грамотность крестьян,

² В Российской империи в XVIII–XIX вв. — выборный член магистратов и ратуш, в XIX в. — управляющий благочиния.

по замечанию многих, была естественной: обязанностью матери было обучение детей грамоте; обязательным перед допущением к первому причащению было знание не только основных положений религии, но и «свободное чтение» катехизиса и знание его наизусть. Обычной, по характеристике Я. К. Грота, была такая картина в доме крестьянина, когда можно было увидеть несколько книжек на финском языке, большей частью духовных, но и на другие темы, издаваемых для простых людей, например, «Простонародный календарь»; кто-то читал вслух, когда другие члены семьи занимались своими делами, а дети играли [4, с. 55–56, 78]. Иностранцам финский язык казался очень сложным из-за особенностей склонения и спряжения, произношения и различий местного наречия. По мнению Я. К. Грота, эти и другие особенности финского языка, отличавшие его от русского, могли позволить уяснить причину противоположности «между флегмой одного и живостью другого народа» [Там же, с. 57–60, 77–78]. Вместе с тем Я. К. Грот отметил, что русский язык в какой-то степени был понятен некоторым жителям Сердоболя, Кексгольма [Там же, с. 15–16]. Этому способствовали складывающиеся торговые отношения местных жителей с Россией. После войны 1808–1809 гг. некоторые русские, сопровождавшие армию, остались жить в Финляндии и занимались торговлей. В основном возили для продажи в Петербург продукты: масло, дичь, рыбу, торговали финны и с жителями Архангельской губернии [Там же, с. 22–23, 26, 39, 122–123].

Поражали путешественников финские крестьяне обустройством своего жилища, а также обычаями. Я. К. Грот и Ф. В. Булгарин отмечали зажиточность крестьян в Улеборгской губернии: большое количество хозяйств (гейматов), много строений; в главном доме просторные комнаты и большие окна, рядом обычно хозяйственные постройки — рига, баня, колодец, житница, часто и мельница, кузница, что свидетельствовало об обычае изготавливать своими руками многие изделия [4, с. 69–70]. В других губерниях (Куопио, Санкт-Михеле³) крестьяне были более бедны и менее образованны; ближе к Выборгу, по словам Ф. В. Булгарина, «нечисты, невежественны, бедны и беспечны» [7, ч. 2, с. 366].

В целом Я. К. Грот и Ф. В. Булгарин писали о финнах как о предприимчивом народе. Булгарин называл в числе занятий, где предприимчивость была особенно нужна, торговое мореплавание. Поясняя, что лучшие суда строились в Або и Борго (их тогда, к концу 30-х г. XIX в., было за сто), он подчеркивал, что они не уступали американским и английским судам, а финские моряки были «трудолюбивы, ловки

³ Современный город Миккели.

и неустрашимы», шкиперы отличались «искусством в управлении судами, познаниями навигационных наук и бдительностью» [Там же, ч. 1, с. 73]. Описывая Улеборг, Грот отметил особый «торговый дух», «торговый характер», определявший образ жизни в этом городе: всего от 5000 до 6000 жителей, а торговлей занималось не менее 70 человек; у местных купцов было до 40 кораблей, ежегодно на местной верфи строились два-три судна, и вели они фрахтовую торговлю [4, с. 129–130].

С другой стороны, Я.К. Грот отметил отсутствие «сметливости, сноровки и предприимчивости» у крестьян, которые, традиционно занимаясь смолокурением, терпели убытки при перевозке бочек со смолой от Каяны до Улеборга по реке через пороги, объясняя это привычкой не считать трудов своих и вместе с тем нуждой в наличных деньгах для уплаты податей. При этом Грот пояснил, что проводимые работы по устройству шлюзов должны были вскоре улучшить этот путь [Там же, с. 212–216].

Великим проектом А.П. Милюков называл строительство Сайменского канала, которое было начато в 1846 г. по проекту шведского инженера Эриксона, чтобы соединить с Выборгским заливом громадное озеро Сайма, связанное с множеством других водных бассейнов внутренней части Финляндии. А.П. Милюков в своей поездке в начале 1850-х гг. видел продолжавшееся строительство и его результаты: «цельные гранитные стены, прекрасные чугунные мосты, великолепные шлюзы» [3, с. 86–89].

Милюков обратил внимание на использование русскими купцами ряда привилегий, какие имели близкие к границе с Россией города. В Лаппенранте из-за привилегий числились приписанными к городу до 20 петербургских купцов 1-й и 2-й гильдий [Там же, с. 84].

Описание городов Финляндии составляет значительную часть текста записок А.П. Милюкова и Я.К. Грота. Авторы обычно описывали внешний облик городов, выделяли достопримечательности, обращались (особенно Грот) к их истории, характеризовали благоустройство, приводили сведения о гостиницах, отмечали, как и где было приятно и весело провести время.

У А.П. Милюкова сложилось впечатление, что большинство городов Финляндии отличались «необыкновенной пустотой и отсутствием жизни»; он даже писал о «безлюдных» городах [Там же, с. 79, 89]. По его характеристике, во многих городах он видел «безлюдные улицы, деревянные красные домики, в которых таятся невидимые жители», что придавало грустный вид их облику, к тому же в них было мало садов и земли, казалось, что возможно финнам «надоели их дикие

леса», так что в городах они старались избавиться от зелени и тени [Там же, с. 79, 84, 89]. Санкт-Михеле поразил А. П. Милюкова «своей могильной тишиной»: «маленький, чистенький городок, правильно выстроенный по плану»; на площади — «довольно большой луг, обсаженный с четырех сторон тощими березками в качестве сада и обнесенный загородкой, вероятно для того, чтобы люди не беспокоили гуляющих там коров»; улицы совершенно пусты — в девятом часу вечера не встретили ни одного человека; город заснул прежде, чем раздался голос ночного сторожа [Там же, с. 79–80]. Такими городами показались А. П. Милюкову и Рускеала, Нейшлот и другие. Правда, для путешественников в Рускеале было интересно осмотреть карьеры, где добывался мрамор, а в Нейшлоте — замок, который когда-то был самой значительной крепостью во внутренней Финляндии (к 1850-м гг. там проживал один «дряхлый инвалид», занимавший комендантский дом) [Там же, с. 52–53]. Но вместе с тем в этих маленьких городах путешественник особенно ощущал покой, порядок и идиллию от увиденных картин. Например, выйдя утром из станции, где А. П. Милюков остановился на ночь, он увидел возле самого гастргеберства полуразвалившуюся мельницу над небольшим водопадом, две-три женщины полоскали белье в «шумно гремящем каскаде», а полдюжины стариков сидели на лавках «в широкополых шляпах и в невозмутимом молчании курили из своих коротеньких трубочек» [Там же, с. 33]. Довольно значительным городом, по описанию Я. К. Грота, был Куопио (около 2300 жителей), жизнь в котором казалась достаточно дорогой, так как крестьяне увозили продукты в Петербург, где они могли их продать с выгодой. Город отличался более активной жизнью в сравнении с другими городами по такому же числу жителей: в нем имелись четыре церкви, гимназия и высшее элементарное училище, книжная лавка и типография, выходили две газеты — одна на шведском и «для простого народа» — на финском. Благополучие города обеспечивал, как писал Грот, «промышленный дух», характерный для крестьян этой местности: торговля продуктами и лошадьми, в том числе в Петербурге; много было лесопильных мельниц и доски сплавлялись по озеру и дальше в Сайму [4, с. 38–40].

Торнео, по описанию Я. К. Грота, был интересен своей историей (когда-то в старину его называли «маленьким Стокгольмом»), но после пожара в 1762 г. он утратил эту характеристику: в нем к 1845 г. было не более 550 жителей; основным занятием крестьян вокруг него было хлебопашество, успеху которого должна была способствовать проводимая осушка болот; общее состояние и нравы крестьян были хорошими; некоторые производимые изделия (например, перчатки

из тонкой кожи молодых оленей), а также копченые олени языки и окорока были широко известны своим качеством [Там же, с. 115–120]. Развитой торговлей отличался Улеоборг: множество лавок и принадлежавшие купцам суда подтверждали это, как и количество жителей — от 500 до 6000 человек. Путешественникам город показался гостеприимным, его внешний вид, правда, не был интересным — сплошь одноэтажные деревянные дома, фундамент которых был скрыт мостовой, проложенной после пожара 1822 г. Но почти в каждом доме была лавка [Там же, с. 129–130]. Особой достопримечательностью Улеборга путешественники называли сплав лодок с бочками смолы через пороги реки Улео [Там же, с. 137–142].

Переезд из этого города в следующий по пути город Каяну возможен был только водным путем, около 60 верст по озеру Улео, это оказалось вполне удобным и безопасным. Сам городок Каяна состоял из двух-трех параллельно расположенных улиц с низенькими старыми домами, большей частью выкрашенными в красный цвет. Местные крестьяне называли этот городок деревней: в нем проживало до 400 человек; всем живущим в окрестностях была понятна фраза: «Еду в город; тебе кланяются из деревни», т. е. еду в Улеоборг, а привет — из Каяны. Между тем, как отмечал Я. К. Грот, этот городок имел ратушу и бургомистра [Там же, с. 153–160], в нем постоянно жил Э. Лёнрот. С историей этой местности была связана поездка императора Александра I в 1819 г. в Каяну и Улеоборг. Поэтому Я. К. Грот подробно описал места, которые посетил император, обратив внимание на то, что некоторые строения, например, бывшая конюшня, которая в те времена была новой и могла быть немного переделана, использовались в качестве столовой и сохранились как достопримечательность [Там же, с. 174–202]. Эти свидетельства Я. К. Грота дополняли известные описания путешествия Александра I.

Рассказы о городах Финляндии, изложенные Я. К. Гротом, дополняются подробным сообщением А. П. Милюкова о Выборге, который, в сравнении с ранее увиденными небольшими городами, действительно показался «красивым, веселым, почти многолюдным». В нем, как писал Милюков, имелись все признаки «порядочного города»: «каменные дома, торговля, публичные сады, нищие, книжные лавки, кондитерская, даже гауптвахта». Традиционным был вечерний крик сторожа «с заунывным приглашением гасить огонь и ложиться спать», а своеобразным оказался «глухопротяжный звук какой-то трубы» каждые полчаса, как впоследствии выяснилось, издававшийся сторожем лютеранской церкви с помощью особого инструмента

и свидетельствующий о спокойствии в городе [3, с. 103–105]. Описание Выборга как главного города старой части Финляндии сочеталось в очерке Милюкова с характеристикой его как губернского города, во многом к середине XIX в. напоминавшего уже Россию: в городе было много офицеров, на крыльце губернаторского дома — жандарм, жителей более 5000, среди них русские, шведы, немцы и финны, у каждого народа своя церковь и свой язык. Город был в зелени, выделялись городские сады, особенно Монрепо, «прославленный сад барона Николаи» — «странное, живописное произведение природы и искусства» [Там же, с. 106–110]. А. П. Милюков советовал жителям Петербурга совершить путешествие в Выборг с обязательным посещением Иматры. Он оставил в своих записках восторженное описание красоты и величественности этого водопада: «Представьте себе реку, шириной почти с Неву, которая после недалежного, но быстрого бега из Саймы встречает на пути своем тесное ущелье, пробитое в незапамятные века глубокой трещиной в гранитном кряже. Гонимая страшным напором вод река мчится по этой наклонной теснине, усеянной громадными камнями, изрытой глубокими впадинами, с ревом, грохотом и свистом мечется через них, плещет необъятными массами воды, превращается в снежно-белую пену, и, вырвавшись на простор, разливается опять широкой, неправильной рекой и бежит в Ладожское озеро» [Там же, с. 93].

Авторы записок завершают свой рассказ о путешествии в Финляндию описанием Гельсингфорса. Исключение составляют записки Я. К. Грота — Гельсингфору он ранее посвятил специальный очерк, опубликованный в 1840 г. в XVIII томе «Современника», описывавший этот город во время его посещения в 1838–1839 гг.

Другие же авторы, Ф. В. Булгарин, С. С. Джунковский и особенно А. П. Милюков, представили в своих записках довольно подробные впечатления о посещении Гельсингфорса в 1838–1839 и в 1851–1852 гг.

Все авторы отмечали особенности природного ландшафта: город, стоящий на гранитных скалах, море «с печальным шумом плещется однообразно о серые камни». Все подчеркивали, что Гельсингфорс производил впечатление города, не имеющего прошлого: «без малейшего остатка старины, без всяких преданий и памятников» [Там же, с. 197]. Булгарин и Милюков отмечали, что Гельсингфорс напоминал «уголок Петербурга» или «Петербург в миниатюре» [Там же, с. 198; 7, ч. 1, с. 88]. В значительной степени такой вид создавали правильно расположенные широкие и прямые улицы, а также правильные четырехугольные здания. Особенное настроение городу придавали

путешественники. Милюков писал: «Гельсингфорс живет одними приезжими, просыпаясь с появлением первого весеннего парохода и засыпая с последней кружкой минеральной воды», выпитой на курорте минеральных вод [3, с. 198]. Джунковский также подчеркивал характерную для планировки улиц и зданий правильность линий и форм, среди которых выделялся в 1839 г. голубой купол недостроенной церкви [1, с. 15] (к 1852 г. эта лютеранская церковь св. Николая с «великолепными портиками и пятью голубыми куполами» уже царила над городом). Среди выделявшихся своим обликом зданий все путешественники называли Сенат, университет и университетскую библиотеку, затем обсерваторию. Все они отмечали, что этот город своим видом отражал сложные отношения человека с природой: лестница от Сенатской площади, ведущая во всю ее ширину на скалу, стала пьедесталом собора; улицы, «вырванные силой пороха в гранитной горе»; заведение минеральных вод, расположенное на высоком гранитном холме [3, с. 199–201; 7, ч. 1, с. 96–98]. Путешественники обращали внимание на необыкновенно быстрое развитие города, признавая, что после пожара в Або в 1827 г. Гельсингфорс стал не только административным центром, но и главным городом науки и просвещения в связи с переводом сюда университета. Гельсингфорсу такое состояние обеспечивали и созданные здесь же Финляндское ученое общество и Финское литературное общество, которое должны было способствовать развитию народного языка и литературы, успехи которого были связаны с деятельностью Э. Лёнрота [3, с. 206–209].

Впечатление о Гельсингфорсе не могло быть полным без посещения Свеаборга, к которому путешественники могли добраться за четверть часа на т.н. «колесоходе» — лодке, у которой к бокам были приделаны вместо весел колеса, которые крутили «четверо здоровых финнов» [Там же, с. 216]. Общая для всех записок картина крепости — среди моря высится «остров голого камня», «твердыня, построенная на граните из одного только гранита», пушки выглядывают из окон гранитного вала и напоминают «о войне, разрушении и смерти» [Там же, с. 217; 1, с. 14–15].

Яркие по описанным впечатлениям записки А. П. Милюкова, дополненные краткими пояснениями С. С. Джунковского и эмоциональными замечаниями Ф. В. Булгарина, соединенные с подробными сведениями о современности и истории Финляндии Я. К. Грота, — все вместе эти записки создавали содержательное повествование, которое могло быть интересным и полезным для путешествующих, и делали уже заранее привлекательной поездку в Финляндию.

Литература

1. *Джунковский С.* Поездка в Ревель и Гельсингфорс в 1839 г. СПб., 1840.
2. *Энциклопедический словарь* / Ф. А. Брокгауз, И. Я. Ефрон. СПб., 1893. Т. XX. С. 559–560.
3. [*Милюков, А.*] *Очерки Финляндии: Путевые записки А. Милюкова 1851–1852 г.* СПб., 1856.
4. [*Грот, Я.*] *Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео: Путевые записки Я. Грота.* СПб., 1847.
5. *Грот Я. К.* Автобиографические заметки // Я. К. Грот: Несколько данных к его биографии и характеристике. СПб., 1895.
6. *Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893): Хронологический обзор его жизни и деятельности* / Сост. К. Я. Грот. СПб., 1912.
7. *Булгарин Ф.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. СПб., 1838. Ч. 1.
8. *Приймак Н. И.* Гельсингфорс 40-х годов XIX века в воспоминаниях Я. К. Грота // *Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей.* СПб., 2011. Вып. 6. С. 70–72.

Смирнова Мария Александровна, кандидат исторических наук,
кафедра источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Россия
istochnikpu@gmail.com

«Места восхитительные для глаза и поучительные для ума»: русскоязычные путеводители по Финляндии второй половины XIX — начала XX в.¹

Путеводители как исторический источник, Финляндия, Россия, представления русских о Финляндии

Guide as a historical source, Finland, Russia, Russians' imagination about Finland

Статья посвящена обзору русскоязычных путеводителей по Финляндии второй половины XIX — начала XX в. Проанализировано изменение в количестве публикуемых путеводителей в разные годы, их авторство, тематика изданий. Особое внимание уделено структуре путеводителей и представленным в них маршрутам. В приложении приведен список путеводителей по Финляндии из фондов Российской национальной библиотеки.

The article is a review of Russian guides on Finland from the 2nd half of XIX — the beginning of XX c. The change of the number of published guides in different periods, their authors, the subjects of issues are analyzed. Special attention is paid to the guides' structure and included routes. The list of guides on Finland from the funds of National Library of Russia is given in addition.

Чтобы узнать страну, необходимо ее посетить. Представления наших соотечественников о зарубежных государствах и городах в разные периоды истории отражены в путевых записках, мемуарах, дневниках и переписке, на страницах периодической печати. Непременным спутником

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 10–01–00632 а/Ф.

туриста, знакомящим его с предполагаемым маршрутом и достопримечательностями, на протяжении нескольких веков является путеводитель. Интерес к путеводителям как историческому источнику активно проявляется в современной исторической науке, в частности он выразился в организованной в октябре–ноябре 2011 г. Музеем истории Санкт-Петербурга временной выставке и научной конференции «Петербургский гид» о путеводителях по Петербургу XVIII–XXI вв.

Феномен русских поездок за границу исследован достаточно полно. Одним из первых обращений к изучению истории туризма стала монография К. В. Сивкова 1914 г. [1], путешествиям россиян посвящены также работы Г. П. Долженко [2], С. А. Козлова [3], А. В. Раппопорта [4] и других российских исследователей; “travel writing” как направление историко-культурных исследований широко представлено в европейской и американской историографии. В последнее время историки обращаются к источникам по истории путешествий, в частности на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета в 2009 г. была защищена диссертация Е. В. Развозжаевой [5], посвященная источниковедческому исследованию поездок русских во Францию.

Взоры русских путешественников на Финляндию обратились после 1809 г., когда последняя вошла в состав Российской империи в качестве Великого княжества Финляндского. Отдельные поездки с большей частью научными и служебными целями предпринимались уже в 1810–1820-е гг., с 1830-х гг. «русская аристократия после запрета Николая I поездок за рубеж открыла для себя Гельсингфорс как курортный город» [6, с. 12; 7, с. 33]. С середины XIX в., в особенности после окончания Крымской войны, Финляндия стала популярным направлением для туристических поездок русских. В российской прессе появлялись отклики на путешествия в различные города Финляндии, путевые заметки публиковались и отдельными изданиями; данные процессы происходили на фоне взаимопроникновения русской и финской литератур [8, с. 20; 9]. По справедливому замечанию исследователя В. В. Рогинского [10, с. 73], в истории русско-финских взаимоотношений существовало два периода активной записи и публикации русскими туристами своих впечатлений от посещения Финляндии (середина XIX — начало XX в. и вторая половина XX в.) Путешествия русских в «страну тысячи озер» стали предметом специального исследования в монографии В. Г. Науменко [11].

Первые путеводители по Финляндии появились после путевых заметок, с началом массовых путешествий русской аристократии в 1830-х гг. [7, с. 33]. Финляндия этой поры для русского туриста представлялась в сочетании «романтического таинственного и великого

прошлого (чему способствовала природная замкнутость финнов) и безнадежно бедной серой современности» [12, с. 6].

Настоящий обзор является попыткой комплексного рассмотрения путеводителей по Финляндии в целом, по ее регионам и отдельным населенным пунктам, напечатанным в период 1850–1917 гг. на русском языке и ориентированных на русского читателя. Безусловно, список выявленных изданий не является исчерпывающим из-за трудности поиска всех переизданий путеводителей, а также их распыленности по книгохранилищам. В приложении к статье приведен список путеводителей по Финляндии из фондов Российской национальной библиотеки, обладающей наиболее богатой коллекцией данных изданий, указаны их шифры².

В общей сложности удалось выявить более 70 путеводителей, опубликованных в период с 1851 по 1917 г. (табл. 1). В 1850–1870-е гг. выходило в свет не более 1–3 путеводителей в десятилетие. Существенно возросло количество выпускаемых путеводителей с 1880-х гг., наиболее плодотворным периодом их публикации стало последнее десятилетие XIX в. Данное явление следует объяснить не только увеличением интереса к Финляндии как к туристическому объекту, но и в целом возрастанием количества печатной продукции в России в конце XIX в.

XX век был также отмечен интенсивным изданием путеводителей по Финляндии, однако в 1900–1905 гг. не было издано ни одной книги, именно в эти годы наблюдалось напряжение борьбы в Великом княжестве Финляндском за сохранение и развитие автономии, со стороны империи принимались меры к принудительной русификации «финляндской окраины». Публикация путеводителей возобновилась в 1906 г. и не снизилась до 1917 г., в том числе с началом Первой мировой войны.

Таблица 1

Распределение путеводителей по Финляндии по годам издания

Годы	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917
Кол-во изданий	2	1	3	14	22	13	18

Путеводители по Финляндии не только активно издавались на рубеже веков, но и выдерживали многочисленные переиздания. Это, однако, не мешает считать каждое переиздание отдельным путеводителем: зачастую «спутники туристов» выходили под измененными

² Далее ссылки на путеводители даются жирным шрифтом в квадратных скобках с указанием порядкового номера из списка.

названиями, практически полностью менялись справочные сведения. С одной стороны, это было необходимо для того, чтобы путеводитель оставался актуальным каждый туристический сезон, с другой — переиздания были коммерчески выгодным мероприятием. Максимальное количество повторных изданий достигало восьми.

Важно проанализировать авторов путеводителей. В 1850–1870-е гг. ими были ученые, путешественники, инженеры, описывавшие природу, полезные ископаемые, города северного соседа. На рубеже веков написание путеводителей становится уделом профессиональных составителей «спутников туристов» — литераторов и публицистов [11, с. 738]. К таким авторам можно причислить Н. П. Федотова, К. Б. Грэнханега и В. П. Гусева (табл. 2). В 1900-х гг. появились серийные путеводители по разным странам и городам, составленные под руководством одного автора с единой структурой и схожим ярким оформлением. Примером такого путеводителя по Финляндии служит гид О. М. Рейтера по Гельсингфорсу 1906 г., выпущенный в серии «Путеводители Акселя Пауля» [47]. Ориентация читателей и издателей на серийные путеводители сохраняется и в настоящее время (к наиболее популярным можно отнести издания под маркой Dorian Kindersley, Michelin Guide, Rouge Guide и др.).

Таблица 2

Распределение путеводителей по авторам

Авторы	Федотов	Грэнхаген	Гусев	Карелин	Тимофеев	Прочие авторы
Кол-во изданий	29	15	5	3	2	19

Большая часть путеводителей была издана в Санкт-Петербурге и была ориентирована как на жителей столицы, так и на ее гостей, поскольку Петербург был первым пунктом большинства маршрутов по Финляндии. Путешествующие могли отправиться до границы и далее на поезде, на пароходе или — реже — по шоссе. В начале XX в. возрастает количество путеводителей, изданных в самой Финляндии — в Выборге и Гельсингфорсе (табл. 3).

Таблица 3

Распределение путеводителей по месту издания

Место издания	Санкт-Петербург	Гельсингфорс	Выборг	Або
Кол-во изданий	62	8	2	1

Все опубликованные во второй половине XIX — начале XX в. путеводители по форме и предназначению можно разделить на путеводители-спутники, страноведческие издания и дорожники.

Путеводители-спутники были призваны помочь туристу спланировать время и маршрут поездки, а также сориентировать его на месте. Предполагалось, что такие путеводители можно было взять с собой, этому способствовали удобный формат, наличие указателей, легкость поиска информации внутри книги. Данная разновидность путеводителей наиболее привычна для современного путешественника, ожидающего от «спутника» краткие информативные сведения обо всех аспектах планируемого путешествия: тщательно разработанные маршруты, рекомендуемые к посещению места, справочные сведения о транспорте, гостиницах, ресторанах и др. [13]. Таким образом, хороший путеводитель должен выступать «осведомленным культурным проводником туриста и, кроме того, заботливым попечителем о его финансовых интересах в путевой жизни» [63, с. 1].

Менялись доводы в пользу совершения поездки в Финляндию. Вначале русских привлекали в северном соседе красота и нетронутость природы, этнографическая составляющая. В XX в. авторы путеводителей делали акцент на близости Финляндии и дешевизне ее посещения [58, с. 5]. Удобству и комфорту путешественников значительно способствовала постройка железной дороги, открытой в 1869 г. и соединившей Санкт-Петербург, Выборг и Гельсингфорс [7, с. 4]. Само слово «турист» широко распространяется для обозначения путешествующего именно на рубеже XIX–XX вв. [14, с. 3].

Любопытно, что одним из преимуществ отдыха в Финляндии, главным образом дачного, считались тишина и спокойствие, в особенности отсутствие «российской брани» [12, с. 7].

В условиях постоянного ухудшения взаимоотношений России и Великого княжества Финляндского и политического и культурного обособления последнего от империи в течение второй половины XIX в. издание путеводителей в определенной мере преследовало и политические цели [15, с. 257].

Все спутники путешествующих открывались общей информацией о природе, рельефе, путях сообщения страны. Подобные сведения часто эмоциональны и написаны под влиянием личных впечатлений авторов о пребывании в Финляндии. Пожалуй, красота суровой северной природы наиболее поэтично была описана профессором Я.К. Гротом, который создал «яркие, правдивые и запоминающиеся картины финской жизни» [16, с. 40].

Большинство «спутников туристов» содержат краткую историческую справку по истории Финляндии и ее отдельных местностей и городов. Определенное внимание в ранних путеводителях преимущественно 1860–1880-х гг., а также их более поздних переизданиях уделено этнографической составляющей: описаны народы, их внешний вид, одежда, менталитет, праздники. Стереотипно оценен суровый финский характер.

Страноведческие издания — вторая разновидность путеводителей по Финляндии. В сравнении с путеводителями-спутниками в них почти нет справочных сведений, которые должны обновляться регулярно. В то же время гораздо полнее описаны природа и достопримечательности страны, есть рассуждения о характере финна, этнографические зарисовки и т. д. Такой путеводитель неудобно брать с собой в поездку, зато он незаменим для предварительного знакомства с Финляндией перед поездкой, при выборе приоритетных мест для посещения. Страноведческие издания о Финляндии в наибольшей степени были распространены в середине XIX в. Примером такого издания, дающего общую информацию о стране, является путеводитель Ф. А. Федорова «Финляндия в нынешнем ее состоянии» 1855 г. [2].

В качестве особой разновидности путеводителей можно выделить дорожники — сборники справочной информации по маршрутам, без описания достопримечательностей. Однако дорожников по Финляндии гораздо меньше, чем по другим странам (в особенности по Франции).

Во второй половине XIX — начале XX в. в России издавались путеводители как по Финляндии в целом, так и по отдельным ее частям, главным образом по граничащим с Россией восточным областям страны, а также по столице — Гельсингфорсу.

Набор достопримечательностей, описанных в путеводителях, достаточно стандартный. Интересные места описывались по мере следования из Санкт-Петербурга в Финляндию начиная с Выборга.

Часть изданий посвящена отдельным местностям Финляндии, наиболее привлекательным для русских туристов. Это путеводители Н. П. Федотова на Иматру [15, 16, 20, 21, 23, 24, 27, 28, 30, 35, 36, 49]; по Сайменскому каналу, Нейшлоту (ныне — Савонлинна) и Пункахарью [22]. Иматре и окрестностям посвящены путеводители В. Асонова [7] и А. А. Анникова [8]. Путеводители К. Б. Грэнхагена специально посвящены описанию дачных и курортных мест Восточной Финляндии: Выборг, Иматра, Вильмандstrand (ныне — Лаппеенранта), Сайменский канал, Куопио и ряд других мест — именно эти территории были привлекательны для русских не только как туристические объекты,

но и с позиции приобретения загородной недвижимости [34, 39, 40, 43, 51, 54, 55, 57, 60, 62, 65]. Облегчить петербуржцам поиск в Финляндии дач были призваны путеводители Н. П. Федотова [10, 12–14, 17–19, 26, 32, 41, 45]. Обращение к описанию дачных местностей неслучайно — много русских имели дачи вдоль Финляндской железной дороги, но это указал и К. Тиандер [17, с. 4], определив цифру в 10 000 человек: «До войны (Первой мировой. — М. С.) в Финляндии постоянно проживало около десяти тысяч русских, расположившихся в дачных местностях между Выборгом и Белоостровом».

Для каждого населенного пункта приведена справочная информация, необходимая для комфортного размещения туриста: сведения о гостиницах, ресторанах, транспорте. Для таких крупных городов, как Гельсингфорс, Выборг и Або, разработана система маршрутов их осмотра, приложена подробная карта.

Издавались также и узконаправленные путеводители, в частности в 1851 г. — путеводитель С. С. Куторги по Восточной Финляндии для интересующихся геологией [1], в 1896 г. — Г. Грендаля по рудникам Питкаранты [31].

Достаточно рано путеводители стали предлагать путешественнику специализированные маршруты. Эти маршруты достаточно стандартны, большинство из них пользуется популярностью у туристов из России и сегодня. Классический вариант для первого знакомства в Финляндии — маршрут из Санкт-Петербурга в Выборг, затем туристам предлагается приехать в Иматру и посетить знаменитый водопад, а также Сайменский канал. Выборг является стартовой точкой путешествий в Фридрихсгам (ныне — Хамина), Котку, Ловизу, Сердоболь (ныне — Сортавала).

Следующий классический маршрут пролегает из Санкт-Петербурга или Выборга и ведет в столицу Великого княжества Финляндского Гельсингфорс (ныне Хельсинки). Из Гельсингфорса туристам предлагаются маршруты в разные концы страны — в Або (ныне — Турку), Куоволу, Сент-Михель и ряд других городов.

Для каждого маршрута даны километраж, время, которое необходимо затратить на его преодоление, некоторые практические указания.

Путеводитель О. М. Рейтера по Гельсингфорсу претендует на то, чтобы называться универсальным — он предназначался для туристов из разных стран и был издан в рамках серии на 6 языках, включая крупнейшие европейские. Автором предложены пешеходные маршруты по городу с осмотром Севера, Юга, Запада, окрестностей, а также «малый круговой маршрут» [47].

Особое внимание стоит уделить путеводителю Э. Паландера по Гельсингфорсу. Он открывается сведениями об учреждениях и фирмах города, представленных в алфавитном порядке. Снабженный кратким историко-топографическим очерком и заметками о судостроительстве, путеводитель по форме близок справочным изданиям «Весь Петербург» и «Вся Москва» [4].

Нестандартную структуру имеет путеводитель, составленный в 1862 г., — места, представляющие интерес для путешественника, описаны по алфавиту в форме справочника — всего 80 объектов, среди которых населенные пункты, объекты природы, крепости, острова. 27 из них, по мнению составителя, являются наиболее привлекательными и заслуживают обязательного посещения [3, с. III]. Помимо описания достопримечательностей путеводитель предлагает маршруты: сухопутные и водные, с указанием расчета времени, расстояний между пунктами.

На общем фоне выделяется путеводитель П. В. Гусева, в котором после посещения Финляндии предполагается посмотреть города Швеции [63], а также путеводитель 1874 года издания, предлагающий туристам после Финляндии переместиться на Эстляндское побережье, в частности в города Ревель (ныне — Таллин) и Нарву [6].

Более разнообразные маршруты предложены в путеводителе В. Майнова 1887 г. [9]. Начиная со стандартного — в Гельсингфорс через Выборг и Иматру — автор далее рекомендует туристу осмотреть Гельсингфорс. Подробно описаны достопримечательности города и его окрестности, указаны адреса и цены на услуги гостиниц и ресторанов. Из столицы путешественнику предложены на выбор самые разнообразные маршруты во все крупнейшие города страны вплоть до Оулу на севере. Несколько маршрутов начинаются из второго города страны, Обо (Або, ныне — Турку), в том числе и на Аландские острова.

Интересно, что уже с 1860-х гг. появляются заметки о путешествиях, проделанных именно по этим маршрутам, с непременно посещением Выборга и Иматры [18].

С конца XIX в. туристам предлагается посмотреть Финляндию «ногами» — на страницах путеводителей доказывается польза ходьбы пешком, хотя и признаются известные неудобства пеших маршрутов. Главным образом, пешие маршруты разработаны для молодых туристов: «В последнее время в Финляндии молодые люди обою пола с большой охотой совершают путешествия пешком» [34, с. 3].

Все путеводители по Финляндии снабжены справочной информацией. В ней отражены правила и тарифы железнодорожных и пароходных перевозок, расстояния и время езды между населенными пунктами, таможенные правила, информация о валюте Финляндии

и курсах обмена. Большинство изданий в помощь путешествующему снабжены финско-русским, а иногда и финско-шведско-русским словарем и разговорником. Наличие справочно-практического отдела «придает путеводителю товарный характер: чтобы хорошо продаваться, книга обязана была быть “свежей”» [14, с. 16].

Таким образом, русскоязычные путеводители по Великому княжеству Финляндскому настраивали российского туриста на определенное восприятие северного соседа. Привлечение данных изданий в качестве источника для изучения истории российско-финских отношений позволит более детально охарактеризовать становление образа Финляндии и финнов в глазах русских.

* * *

В заключение приведены библиографические описания выявленных путеводителей в хронологическом порядке с указанием их шифров в фондах Российской национальной библиотеки.

1. *Куторга С. [С.]* Геолог-путеводитель по Финляндским берегам и островам Ладожского озера и Финского залива. СПб.: Тип. К. Крайя, 1851. [2], 88 с. с ил. (Оттиск из изд.: Библиотека для чтения. 1851. № 2) — 18.2.6.3;

2. *Федоров Ф. А.* Финляндия в нынешнем ее состоянии, с описанием достопримечательных событий настоящей войны, до этого края относящихся. СПб.: Тип. Я. Ионсона, 1855. [2], 199 с. — 18.22.7.47;

3. *Г. Л.* Путеводитель по Финляндии с описанием городов и замечательных в ней мест (со включением Ладожского озера и монастырей Коневца и Валаама), расположенным в алфавитном порядке. СПб.: Тип. В. Головина, 1862. [4], 288, IV с., 2 л. план., карт. — 129/4747; 18.25.6.19;

4. *Паландер Э. В.* Путеводитель по Гельсингфорсу: (С планом города). Гельсингфорс: Тип. Финского литературного общества, 1873. [2], 172 с., 1 л. план. — 18.37.9.31;

5. *Вольпрерт Г.* Описание г. Выборга с окрестностями Монгерос и водопадами Иматра, Нейц-Ниemi и Кирен-Коски с Саймовским каналом. Выборг: Тип. Н. Я. Цильякуся, 1874. 55 с. — 18.118.6.499;

6. *Путеводитель* для желающих совершить путешествие по Финляндии и Эстляндскому побережью в прямом сообщении по железным дорогам, на пароходах и в дилижансах: С прил. расписания отхода и прихода поездов, пароходов и дилижансов. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщений, 1874. 20 с., 5 л. табл. — 18.110.8.128;

7. *Ассонов В. И.* Иматра: Путеводитель: Описание Сайменского канала, г. Вильманстранда, оз. Саймы, г. Нейшлота, С.-Михеля и Куопио, р. Вуоксы и водопада Иматра. СПб.: Типо-литогр. Д. И. Шеметкина и К°, 1886. 51 с., 1 л. фронт. (ил.), 2 л. ил., карт., табл. — 18.213.4.470 а;
8. *Анников А. А.* Новый путеводитель (четыре пути) на Иматру: [По ж. д., по Ладожскому оз., по Финскому заливу, по Сайменскому оз.]. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. [4], II, 78 с. — 18.171.6.258;
9. *Майнов В. Н.* Путеводитель по Финляндии. СПб.: А. Линдеберг, 1887. [4], 157 с., 1 л. карт. — 18.171.6.273;
10. *Федотов Н. П.* Дачные местности по финляндским железным дорогам от С.-Петербурга до Гельсингфорса включительно и с 11-ю подробными планами и указанием цен и размеров дачных помещений и проч.: [Путеводитель]: С подробными планами Выборга, Вильманстранда и Гельсингфорса. СПб.: Б. и., 1887. II, 157, [4] с., 2 л. план. — 18.319.1.261;
11. *Федотов Н. П.* План парка-сада Монрепо, с изображением гор и указанием примечательностей его. СПб.: Н. Федотов, 1887. 6 с., 1 л. цв. план. — 38.67.5.9;
12. *Федотов Н. П.* Дачные местности по финляндским железным дорогам от С.-Петербурга до Гельсингфорса включительно: [Путеводитель]: С подробными планами Выборга, Вильманстранда и Гельсингфорса. СПб.: Н. Федотов, 1888. II, 155, [5] с., 3 л. план. — 18.307.4.40;
13. *Федотов Н. П.* Описание и подробный план г. Вильманстранда и его дачных окрестностей, с указанием цен и размеров дачных помещений. СПб.: Н. Федотов, 1888. 10 с., 1 л. план. — 18.213.2.483;
14. *Федотов Н. П.* Описание и подробный план дачной местности по финляндской железной дороге: Райвола, с указанием цен и размеров дачных помещений. СПб.: Н. Федотов, 1888. 7 с., 1 л. план. — 18.213.2.481;
15. *Федотов Н. П.* Путеводитель на Иматру, с подробными планами: Иматры, Валлинкоски, парка Монрепо, г. Вильманстранда, чертежами тройного шлюза, картой Сайменского канала и словарем наиболее употребительных шведских и финских слов, напечатанных русскими буквами, с русским переводом. СПб.: Н. Федотов, 1888. 31 с., 3 л., план. — 18.213.2.548;
16. *Федотов Н. П.* Путеводитель на Иматру, с картой Сайменского и словарем наиболее употребительных шведских и финских слов, напечатанных русскими буквами, с русским переводом. СПб.: Н. Федотов, 1888. 32 с., 1 л., карт. — 18.213.2.486;
17. *Федотов Н. П.* Дачные местности по Финляндской железной дороге: [Путеводитель]. СПб.: Н. Федотов, 1889. 7 с., 2 л. цв. план. — 18.197.2.330;

18. *Федотов Н. П.* Карта и девятнадцать подробных планов дачных местностей в районе финляндских железных дорог: Лесного, Удельной, Коломяг, Шувалова, Парголова, Левашева, Белоострова, Сестрорецка, Териоки, Ваммельсуу и Тюресева, Райвола, Новой Кирки, Перкиярви, городов: Выборга, Вильманстранда, Гельсингфорса, Ганге, Або и Таммерфорса, с их дачными окрестностями. СПб.: Н. Федотов, 1889. 12 с., 21 л. карт. — К 3 план/414/6;

19. *Федотов Н. П.* Описание и подробный план дачной местности по финляндской железной дороге: Райвола, с указанием цен и размеров дачных помещений. СПб.: Н. Федотов, 1889. 5 с., 1 л. план. — 18.197.3.329;

20. *Федотов Н. П.* Путеводитель на Иматру, Валлинкоски, Раухиалинкоски, по гранитным пещерам близ селения Сент-Андре и парку Монрепо. СПб.: Н. Федотов, 1889. [2], 42 с., 13 л. ил., карт. — 18.303.3.27;

21. *Федотов Н. П.* Путеводитель на Иматру, Валлинкоски, Раухиалинкоски, по гранитным пещерам близ селения Сент-Андре и парку Монрепо. СПб.: Н. Федотов, 1891. [4], 36 с., 17 л. ил., карт. — 37.20.2.30;

22. *Федотов Н. П.* Путеводитель по Сайменскому каналу, г. Нейшлоту и Пунка-Харью. СПб.: Н. Федотов, 1891. [4], 24 с., 13 л. ил. — 18.297.3.306;

23. *Федотов Н. П.* Новый путеводитель Н. Федотова: Иматра. Валлинкоски. Монрепо. Сайменский канал. Пунка-Харью. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1893. [4], 35 с., ил. — 18.188.3.2;

24. *Федотов Н. П.* Путеводитель на Иматру, Валлинкоски, Раухиалинкоски, по гранитным пещерам близ селения Сент-Андре и парку Монрепо. СПб.: Н. Федотов, 1893. [2], 36 с., 17 л. ил., карт. — 18.138.3.2;

25. *Федотов Н. П.* Выборг и парк Монрепо: [Путеводитель]. СПб.: Н. Федотов, 1894. 15 с., 1 л. цв. план. — 18.298.6.2;

26. *Федотов Н. П.* Куоккала: Дачная местность по финляндской железной дороге: [Путеводитель]. СПб.: Н. Федотов, 1894. 8 с., 1 л. цв. карт. — 18.262.7.92;

27. *Федотов Н. П.* Новый путеводитель: Иматра. Валлинкоски. Монрепо. Сайменский канал. Пунка-Харью: С рисунками, планами и картами. СПб.: Типо-литогр. Шредера, 1894. [2], 39 с., ил. — 18.300.6.85;

28. *Федотов Н. П.* Путеводитель на Иматру. СПб.: Типо-литогр. Шредера, 1894. 27 с., ил. — 18.300.6.97;

29. Б. А. Выборг. Иматра. Гельсингфорс. Ганге. Стокгольм. Гетеборг. Готский канал. Тролльгатан. Марштранд. СПб.: Тип. С. В. Волпянского, 1895. 30 с. — 18.300.6.76;

30. *Федотов Н. П.* Новый путеводитель Н. Федотова: Иматра. Валлинкоски. Монрепо. Сайменский канал. Вильманstrand. СПб.: Типо-литогр. Шредера, 1895. 32 с., ил. — 18.300.6.96;

31. *Грендаль Г.* Питкаранта: Краткое описание питкарантского месторождения рудников и заводов. СПб.: Типо-литогр. А.Э. Винике, 1896. [4], 50 с., 7 л. ил., карт. — 18.250.4.116 а;

32. *Федотов Н. П.* Новый иллюстрированный путеводитель по дачным, водолечебным и живописным местностям Финляндии: С карт. и словарем. СПб.: Н. Федотов, 1896. [6], 172, [10] с., 12 л. ил. и карт. — 18.300.6.98; 130/3488;

33. *Волков Л.* Стокгольм, Гельсингфорс, Ганге: Практический путеводитель по лучшим русским и иностранным источникам. СПб.; М.: Тов-во М. О. Вольф, [1897]. 54 с., ил., карт. — 18.298.6.74;

34. *Грэнхаген К. Б.* Путеводитель по водолечебным, дачным и живописным местностям восточной Финляндии (Карелия и Саволакс). СПб.: Линдеберг, 1898. [4], II, [2], 204, XXIV с., 7 л. карт. — 18.298.6.152;

35. *Федотов Н. П.* Новый иллюстрированный путеводитель на Иматру. СПб.: Н. Федотов, 1898. 48 с., 3 л. цв. карт., ил. — 63-4/10294;

36. *Федотов Н. П.* Новый путеводитель на Иматру. СПб.: Н. Федотов, 1898. 39 с. — 18.298.6.147;

37. *Федотов Н. П.* Описание и подробный план парка-сада Монрепо (в окрестностях Выборга). СПб.: Н. Федотов, 1898. 6 с., 2 л. ил. — 20.100.6.274;

38. *Грэнхаген К. Б.* Поездка на Иматру. Выборг, Вильманstrand и Сайменский канал: С прил. краткого словаря русско-шведско-финских слов. [СПб.]: О. Н. Попова, 1899. [2], 130, XXXIV с. — 18.183.7.17; 128/4122;

39. *Грэнхаген К. Б.* Путеводитель по Финляндии: Водолечебные центры, дачные и живописные местности Карелии, Саволаксы, Ньюландии, коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии: С прил. 27 карт и краткого словаря русско-шведско-финских слов. СПб.: О. Н. Попова, 1899. [4], II, 508, XXXII с., 27 л. карт. — 18.183.7.8; 128/5027;

40. *Грэнхаген К. Б.* Финляндия. Путеводитель по дачным и водолечебным местностям Финляндии и живописным районам восточной части ее: С прил. 7 карт. СПб.: Линдеберг, [1899]. [4], 275, XXXI с., 7 л. карт. — 18.62.9.22;

41. *Федотов Н. П.* Иллюстрированный путеводитель по дачным, водолечебным живописным местностям Финляндии: С новыми картами, планом и словарем. СПб.: Н. Федотов, 1899. VI, 251 с., 3 л. карт. и пл. — 20.55.3.17 (1); 129/5776;

42. *Федотов Н. П.* На Иматру и в Гельсингфорс на двое суток: [Путеводитель]: С картами Финляндии и Сайменского канала, планами Гельсингфорса и Иматры. СПб.: Н. Федотов, 1899. [4], 78 с., 4 л. карт. — 20.60.5.207;

43. *Грэнхаген К. Б.* Финляндия. Путеводитель по дачным и водолечебным местностям Финляндии и живописным районам восточной части ее: С прил. 7 карт. СПб.: Бр. Пальмгрен, [1905]. [4], 278, 7 л. карт. — 37.23.8.4 а;

44. *Гусев П. [В.]* Новый путеводитель по живописным местностям юго-восточной Финляндии: С прил. планов г. Выборга и водопада Иматры. СПб.: Тип. С. Л. Кинда, 1905. 46 с., 1 л. черт. — 38.31.4.1;

45. *Федотов Н. П.* Иллюстрированный путеводитель по дачным, водолечебным живописным местностям Финляндии: С картами и планами. СПб.: Н. Федотов, 1905. [2], II, 89 с., 5 л. ил., карт. — 20.55.3.17 (2);

46. *Гусев П. [В.]* Практический путеводитель по городам, курортам и живописным местностям Финляндии. СПб.: Тип. С. Л. Кинда, [1906]. 105 с., ил. — 38. 1.1.26;

47. *Рейтер О. М.* Путеводитель по Гельсингфорсу: С 50 различными открытыми письмами и видами по 10 шт. в серии. [Гельсингфорс: Б. и., 1906]. [2], 120 с., 10 л. ил., план. — 19.111.5.2; 128/3346;

48. *Грэнхаген К. Б.* Спутник на Иматру. Выборг. Вильманstrand и Сайменский канал. [СПб.]: Тип. Санкт-Петербургск. акционерного общ-ва «Слово», 1907. [2], 156 с. — 38.1.3.59; Г02 Б-3/11;

49. *Федотов Н. П.* Путеводитель на Иматру. СПб.: Н. Федотов, 1907. [4], 27 с., 4 л. ил. — 18.300.6.85 (2);

50. *Грэнхаген К. Б.* Спутник на Иматру, Пунка-Харью и в Нюслот. Выборг, Вильманstrand и Сайменский канал. [СПб.]: Тип. В. Безобразов и К°, 1908. [4], 128, XXXI с., 11 л. карт. — 37.77.8.69; 129/1456;

51. *Грэнхаген К. Б.* Спутник по Финляндии. Курорты, дачные и живописные местности Карелии, Саволакса, Нюландии, коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии: С прил. карт и краткого русско-шведско-финского словаря. [СПб.]: Тип. В. Безобразова, 1908. [4], 354, XXXI с., 14 л. карт. — 38.31.2.11; Г02 Б-3/13;

52. *Гусев П. [В.]* Практический путеводитель по городам, курортам и живописным местностям Финляндии: С прил. планов, иллюстраций, карты, извлечений из Таможенного устава и краткого словаря. СПб.: Тип. Э. Ф. Мекс, б. Бреденфельд и К°, [1908]. [4], 143 с., ил., карт. — 38. 1.8.33;

53. *Федотов Н. П.* Иллюстрированный путеводитель по Финляндии: Курорты, санатории, дачные и живописные местности: С прил. русско-шведско-финского словаря, карт и планов. СПб.: Типо-литогр. А. Э. Винеке, 1908. [4], 153 с., 9 л. ил., карт. — 38.1.5.32;

54. *Грэнхаген К. Б.* Спутник по Финляндии. Курорты, дачные и живописные местности Карелии, Саволакса, Ньюландии, коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии: С прил. карт и краткого русско-шведско-финского словаря. [СПб.]: Тип. «Герольд», 1909. [4], 352, XXXV с., 14 л. карт. — 38.80.4.196;

55. *Грэнхаген К. Б.* Спутник по Финляндии. Курорты, дачные и живописные местности Карелии, Саволакса, Ньюландии, коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии: С прил. карт и краткого русско-шведско-финского словаря. [СПб.]: Тип. «Герольд», 1910. [12], 358, XXXV с., 14 л. карт. — 38.77.5.59;

56. *Грэнхаген К. Б.* Спутник на Иматру, Пунка-Харью и в Нюслот. Выборг, Вильманstrand и Сайменский канал. СПб.: Тип. «Герольд», 1911. [2], 116, XXIV с., 7 л. ил. карт. — 37.33.9.23;

57. *Грэнхаген К. Б.* Спутник по Финляндии. Курорты, дачные и живописные местности Карелии, Саволакса, Ньюландии, коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии: С прил. карт и краткого русско-шведско-финского словаря. [СПб.]: Тип. «Герольд», 1911. [12], 348, XXXVII с., 26 л. ил. карт. — 18.298.5.34; 130/5986;

58. *Гусев П. [В.]* Великое княжество Финляндия: Путеводитель по городам, курортам и живописным местностям: Карты, планы, виды и дорожный словарь. СПб.: Тип. Императорск. училища глухонемых, 1911. 242 с., ил. — 119/102;

59. *Карелин.* Путеводитель по Финляндии: С прил. карты, планов, иллюстраций и словаря. СПб.: [Тип. А. С. Суворина], 1911. 276 с., ил., 2 л. план., карт. — 38.1.8.39;

60. *Грэнхаген К. Б.* Спутник по Финляндии. Курорты, дачные и живописные местности Карелии, Саволакса, Ньюландии, коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии: С прил. карт и краткого русско-шведско-финского словаря. [СПб.]: Тип. «Герольд», 1912. [12], 348, XXXVII с., 28 л. ил., карт. — 81-3/2865;

61. *Путеводитель* по Гельсингфорсу. [Гельсингфорс]: Финляндское общ-во туристов, 1912. [4], 80 с., 1 л. карт. — 37.55.7.40;

62. *Грэнхаген К. Б.* Спутник по Финляндии. Курорты, дачные и живописные местности Карелии, Саволакса, Ньюландии, коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии: С прил. карт и краткого русско-шведско-финского словаря. [СПб.]: Тип. «Герольд», 1913. [8], 348, XXXVII с., 26 л. ил., карт. — 81-3/2868;

63. *Гусев П. В.* Путеводитель по Финляндии: Выборг, Иматра, Гельсингфорс, Ганге, Або, шхеры, каналы и проч. В Швецию через Финляндию: Стокгольм, Упсала, Гетеборг и проч.: Карты, планы и дорожный словарь. СПб.: Типо-литогр. «Бр. Ревинь», 1913. [4], 136 с., 1 л. план — Г02 Б-3/12;

64. *Карелин*. Путеводитель по Финляндии: С прил. карты, планов, иллюстраций и словаря. СПб.: [Тип. «Новое время»], 1913. IV, 352 с., ил., 2 л. план., карт. — 119/500;

65. *Грэнхаген К. Б.* Спутник по Финляндии. Курорты, дачные и живописные местности Карелии, Саволакса, Нюландии, коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии: С прил. карт и краткого русско-шведско-финского словаря: 1899–1914. СПб.: Типо-литогр. акционерного общ-ва «Самообразование», 1914. [12], 356, XXXVIII с., ил., 20 л. карт. — 37.39.6.63;

66. *Карелин*. Путеводитель по Финляндии: С прил. карты, планов, иллюстраций и словаря. СПб.: [Тип. «Новое время»], 1914. IV, 352 с., ил., 2 л. план., карт. — Г20 Б-1/1;

67. *Путеводитель* по Гельсингфорсу. [Гельсингфорс]: Акционерное общ-во “Helsingin nimikirja O.-Y.”, 1914. 42 с., ил., 1 л. план. — 37.62.8.144;

68. *Путеводитель* по Выборгу и окрестности. Выборг: Т. Саклин, 1915. 77 с., ил., 1 л. карт. — 17.145.5.9;

69. *Путеводитель* по Гельсингфорсу. [Гельсингфорс]: Акционерное общ-во “Helsingin nimikirja O.-Y.”, 1915. 42 с., ил. — 37.61.7.158;

70. *Путеводитель* по городу Або. Або: Б. и., 1915. — 40.11.7.214;

71. *Тимофеев Л. К.* Путеводитель по Финляндии. Гельсингфорс: Финляндское общ-во туристов, 1915. ХСII, 407 с., 9 л. план., карт. — 17.149.4.30;

72. *Путеводитель* по Гельсингфорсу. [Гельсингфорс]: Финляндское общ-во туристов, 1916. 95 с., 1 л. карт. — 40.11.7.6;

73. *Тимофеев Л. К.* Путеводитель по Финляндии. Гельсингфорс: Финляндское общ-во туристов, 1917. LXXXVIII, 374, [3] с., 9 л. карт. — 118/562.

Литература

1. *Сивков К. В.* Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914.

2. *Долженко Г. П.* История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов-на-Дону, 1988.

3. *Козлов С. А.* Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб., 2003.

4. *Раппопорт А. В.* История туризма в России. М., 2005.

5. *Развозжаева Е. В.* Источники по истории поездок российских подданных во Францию (1885–1914 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2009.

6. *Ниронен Я.* Гельсингфорс–Хельсинки–Петербург // Санкт-Петербург–Хельсинки; Хельсинки–Санкт-Петербург: 1809–2004 / Отв. ред. А. В. Прохоренко. СПб., 2005. С. 9–18.

7. *Korhonen K.* Autonomous Finland in the Political Thought of Nineteenth Century Russia. Turku, 1967.

8. *Карху Э. Г.* Общение культур и народов: Исследования и материалы по истории финско-карельско-русских культурных связей XIX–XX веков. Петрозаводск, 2003.

9. *Карху Э. Г.* Финляндская литература и Россия: 1850–1900. М.; Л., 1964.

10. *Розинский В. В.* Российские представления о Финляндии и финнах в XIX–XX вв. // Россия и Финляндия: Проблемы взаимовосприятия (XVII–XX вв.): Мат-лы российско-финляндских симпозиумов историков. М., 2006. С. 72–96.

11. *Науменко В. Г.* «Здесь, на конце России исполинской...»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века. Ярославль, 2010.

12. *Цамутали А. Н., Илюха О. П.* Предисловие // Многоликая Финляндия: Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей. Великий Новгород, 2004. С. 4–6.

13. *Мастеница Е. Н.* Круг чтения русского путешественника в конце XIX – начале XX века (по материалам коллекции путеводителей библиотеки ГМИСПб) // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 1998. Вып. 3. С. 7–17.

14. *Развозжаева Е. В.* Источники по истории поездок российских подданных во Францию (1885–1914 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2009.

15. *Полвинен М.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997.

16. *Заднепровская А. Ю.* Финляндия и финны в корреспонденциях профессора Я. К. Грота (по материалам русской периодики 1840-х гг.) // Санкт-Петербург–Хельсинки; Хельсинки–Санкт-Петербург (1809–2004) / Отв. ред. А. В. Прохоренко. СПб., 2005. С. 35–45.

17. *Тиандер К.* Финляндия и Россия. Пг., 1917.

18. *Мейер А.* Две недели в Финляндии. [СПб., 1860].

Тимо Вихавайнен, профессор русских исследований
Институт культуры мира, Университет Хельсинки, Финляндия
timo.vihavainen@helsinki.fi

Санкт-Петербург глазами финских корреспондентов. Вторая половина XIX в.

Финляндия, Санкт-Петербург, пресса, история

Finland, Saint Petersburg, press, history

Статья рассматривает облик Санкт-Петербурга в корреспонденции финских газет на второй половине XIX в. (1860–1890). Корреспонденты описали не только достопримечательности и актуальные события в столице, но рассказали также много о повседневной жизни, нравах и характере русских и других обывателей города. Общий тон статей весьма положительный. Санкт-Петербург описан как город образцовых институтов и общественного порядка.

The article surveys the image of St. Petersburg in the Finnish press during the latter half of the 19th century. The correspondents of Finnish newspapers wrote not only about the remarkable monuments and actual events of the city. They also wrote a lot about everyday life of the citizens, about the mores and the character of the Russians and other nationalities of the capital. The general tone of the articles is quite positive. St. Petersburg is described as a city with exemplary institutions and civic discipline.

Газетное дело и цензура в Финляндии в XIX в.

Первые газеты на шведском и финском языках появились в Финляндии в XVIII в. В немалой степени этому способствовали либеральные принципы правления короля Густава III. Свобода слова была объявлена одной из основополагающих идей Просвещения, которым был так увлечен шведский монарх. Однако на практике объявленная «свобода» оказалась явлением кратковременным [1, p. 45–47].

Развитие газетного дела, особенно финноязычной прессы, происходило в Финляндии мучительно сложно вплоть до второй половины XIX в. В первую очередь мешала цензура, которая во время правления Николая I быстро превратилась в наиболее реакционный орган, существенным образом препятствующий работе прессы. Неслыханно суровым было положение 1850 г., которое позволяло публиковать на финском языке только те тексты, которые имели или религиозное, или экономическое содержание. Иначе говоря, о политике или философии, даже о модных романах в принципе нельзя было вообще писать в газетах на финском языке. Ограничения насчет шведоязычных публикации не были такие суровые, но тем не менее и там цензура была довольно суровой [2, р. 168–178].

Кончина императора Николая I в 1855 г. принесла изменения в климате общественной жизни. Формально положение 1850 г. было опровергнуто в 1860 г. Прочие реформы царствования Александра II также имели в Финляндии весьма большое благоприятное значение. С 1863 г. начинает постоянно работать финляндский сейм, который при содействии императора в скором времени дал целый ряд важных положений, освободивших экономику и общественную жизнь Великого княжества от многочисленных ограничений.

Модернизация общества и культуры шла быстрыми темпами. Чтобы оценить размах новых процессов, достаточно заглянуть и сравнить финские газеты начала 1860-х гг. и конца 1870-х гг. Разница впечатляет. Первые издания отличаются крайне малым количеством страниц, скучным, нередко наивным стилем изложения, практически полным отсутствием объявлений, поздние издания резко увеличивают свой объем, меняется язык статей, он становится интеллигентным и живым, газеты пестрят многочисленной рекламой.

С 1865 по 1867 г. в Великом княжестве формально существовала свобода печати, ибо цензура была полностью отменена законом. Однако императору такое положение дел не понравилось, и цензура была вновь восстановлена. Этот порядок сохранялся вплоть до 1919 г., когда был принят закон о свободе печати в уже независимой Финляндии. Финские сословия попытались несколько раз отменить цензуру, но до получения независимости это не удалось [3, р. 14–15].

Роль цензуры для прессы была во второй половине XIX в. довольно важной. Нередко цензор мог снять с газеты материалы, которые касались разных тем — от обсуждения высших органов управления Великого княжества, политического положения в России, императорской семьи до русского населения Финляндии. Цензоры также отклоняли

любые материалы о самой цензуре, свободе печати, внешней политике, обсуждение языковых и национальных вопросов [4, р. 277–279].

Случаи прямого вмешательства надзорных органов не были столь частыми, но следует полагать, что редакторы газет занимались самоцензурой и не допускали публикаций материалов, которые могли бы лишний раз привлечь внимание цензоров. Судя по всему, роль цензуры была все-таки не очень велика, она представляла собой, скорее всего, пассивную угрозу, где-то там на заднем плане и актуализировалась, главным образом тогда, когда речь заходила о политике. Власть была бюрократическая, но в то же время не отличалась тоталитарностью. Никто не заставлял репортеров и корреспондентов писать исключительно «положительные» статьи, чтобы получить похвалу властей.

Что касается корреспонденции, освещавшей повседневную, бытовую жизнь России, можно с уверенностью утверждать, что влияние цензуры если вообще существовало, то не было значительным. Это видно уже от того, что по одной же теме могли писать как в негативном, так и в положительном ракурсе. Такой темой, например, было обсуждение проблем с чистотой городов России. Финляндская пресса неизменно отмечала чистоту улиц Петербурга, но крайне отрицательно отзывалась о Москве (Keski-Suomi. 26.2.1887; Suometar. 5.7.1864; Helsingin Wiikko-Sanomia. 22.6.1883; Ilmarinen. 22.5.1883). В основном же, петербургские корреспонденты финских газет писали на аполитические темы. Без сомнения, тон статьей зависел от авторов и от объектов обсуждения или критики, но, судя по всему, цензура мало обращала внимания на этот жанр, соответственно и не влияла на него.

Политические вопросы второй половины XIX в.

Первая газета на финском языке вышла уже на XVIII в., но на практике шведский язык преобладал в финских газетах вплоть до конца XIX в. Вся интеллигенция Великого княжества владела шведским языком в XIX в. Хотя императорский манифест 1863 г. установил, что финский язык получает статус официального языка в течение 20 лет, процесс был на самом деле весьма болезненным. Даже старое поколение финноманов, которые получили образование на шведском языке, часто нехорошо владели финским языком. Поэтому некоторые финноманские газеты (Finland, Morgonbladet) выходили на шведском языке [4, р. 322–325].

Финноязычная пресса все же росла постоянно и становилась все более влиятельной. В 1875 г. в Хельсинки был еще маленьким городком,

где доля финноязычных из около 23 000 жителей составляла всего одну четверть. Таким образом, можно понять, что в столичном городе в то время выходила лишь одна газета на финском языке. Сила и резервы финской партии были в провинции, где реально увеличивалась финноязычная интеллигенция благодаря неуклонно расширявшимся народным школам и гимназиям [Ibid., p. 320–334].

Вообще, языковый вопрос, «борьба языков» был на практике главным политическим вопросом в финской прессе в последние десятилетия XIX в. В немалой степени финская партия использовала поддержку центральной власти. Со своей стороны финноманы тоже подчеркивали свои верноподданнические чувства к империи, тогда как шведоязычные круги, особенно т. н. либералы (особенно Helsingfors Dagbladet), были склонны симпатизировать скандинавским странам. В частности, в 1885 г., когда обострились противоречия между Россией и Великобританией, газеты шведоязычных либералов предлагали провозгласить «нейтральность» Финляндии, дабы обезопасить финские судна от британских каперов в случае войны. Это вызвало сердитую реакцию Михаила Каткова — редактора «Московских ведомостей» [5, p. 161–166, 192–209].

Положение Великого княжества в составе Российской империи, в частности существование ее особой конституции, постоянно вызывало нападки со стороны националистической русской печати. По этому вопросу возникла интенсивная полемика, особенно после выхода в 1886 г. книги Лео Мехелина "Precis du droit public du Grande Duché de Finlande". За ней последовала в 1889 г. книга профессора К. Ф. Ордина «Покорение Финляндии», где автор попытался доказать, что у Финляндии не было никакой особой конституции. Полемика по этому вопросу велась в финской и русской прессе десятилетиями, вплоть до обособления Финляндии от Российской империи в 1917 г. С русской стороны особую активность в этом проявляли «Московские ведомости» и петербургское «Новое Время» [Ibid., p. 285–301].

В русской прессе имелись тоже доброжелатели и сторонники Великого княжества, в особенности либеральные газеты и журналы, такие как «Вестник Европы» и «Новости», а также газета «Гражданин» князя Мещерского [Ibid., p. 194–200]. Тем не менее весьма острая, особенно с середины 1880-х гг., «антифинская» кампания в российской прессе имела большое влияние на общий тон финско-русских отношений. Влияние полемики можно иногда заметить и в корреспонденции финских газет, поступавшей из Петербурга, хотя эти письма, как правило, были аполитичны.

Хельсинки и Санкт-Петербург

Рост городов было одним из важнейших явлений социально-экономической истории второй половины XIX в. Санкт-Петербург, где в середине века проживало около полумиллиона жителей, был одним из величайших городов Европы и всего мира. В 1897 г. в Петербурге жило уже не менее 1,2 млн, а в 1910 г. — 2 млн человек. Рост был громадным. То же происходило и в Хельсинки, хотя и в меньшем масштабе. Количество жителей в Хельсинки в 1875 г. было всего 23 000, но в 1900 г. было 79 000, а в 1910 — уже 119 000 человек. В условиях того времени это означало уже категорию «большого города» [6].

В Петербурге XIX в., как известно, жило довольно много иностранцев. В 1897 г. в России жило более 35 000 финляндских уроженцев, половина из них в Санкт-Петербурге [7, с. 67–69].

В Хельсинки же в 1880 г. большинство населения, 22 500 человек, еще говорили по-шведски, поскольку это был их родной язык, 15 000 говорили по-фински и около 4000 — по-русски. Но уже в 1890 г. по-фински и по-шведски говорили около 30 000 человек, т. е. поровну, по-русски — 3600 [8]. Развитие продолжалось в том же направлении, город приобретал все более выраженный финский характер, доля шведоязычных и особенно русскоязычных становилась меньше и меньше.

Помимо перечисленных в переписях русских жителей Хельсинки, в регионе столицы постоянно находилось несколько тысяч русских солдат, главным образом в крепости Свеаборг. В Петербурге также проживало немало финнов, выходцев с Карельского перешейка и Ингерманландии. Все это означало, что этническая группа финнов в Санкт-Петербурге, хотя и не особенно многочисленная, была легко заметна, как одна из коренных составных частей петербургского населения со своими церквами и приходами, школами и газетами. Русские в Хельсинки, хотя тоже являлись небольшой по численности группой, также оставались наглядным фактором городской жизни. Кроме генерал-губернатора и русских солдат, в Хельсинки была русская церковь, состоятельные русские купцы, русский театр. Все это накладывало свою печать на повседневную жизнь города.

Что в Хельсинки, что в Петербурге, и финны, и русские, таким образом, видели друг друга каждый день. Тем не менее некоторая обособленность все время сохранилась. Важным фактором было то, что в Финляндии в это время лишь ограниченное число людей знали русский язык. Эта особенность была одной из любимых тем националистической газеты «Московские ведомости» в ее материалах о Финляндии.

Оказалось, что даже финские чиновники не знали русского языка, и обслуживание на русском языке было очень затруднено в Финляндии (см., напр., статьи Веры Желиховской в 10 и 26 августа и 5, 17 и 25 сентября 1893 г.).

Проблема межнациональных трений весьма обострилась с завершением строительства железной дороги Санкт-Петербург — Риихимяки в 1870 г., которая соединила имперскую столицу со столицей Великого княжества. С одной стороны, появление железнодорожного сообщения облегчало переселение русских дачников на Карельский перешеек, стимулировало покупку новых участков под строительство и аренду готовых дач жителями Петербурга, но, с другой стороны, возникла необходимость частого пересечения границ империи и Великого княжества, с неизбежными проблемами таможенных правил и тарифов, что не всегда способствовало взаимопониманию дачников и официальных лиц (о дачниках см.: [9]).

Короче говоря, оценивая корреспонденцию финских газет во второй половине XIX в. о Санкт-Петербурге, мы должны учитывать несколько факторов современной жизни, которые связаны с быстро меняющимся положением дел в отношениях русских и финнов. На самом деле это было время очень быстрых перемен, когда все элементы даже повседневной жизни изменились. Такими факторами были рост больших городов, улучшение сообщения между Петербургом и Хельсинки, развитие экономики и торговли, развитие и рост финской и в особенности финноязычной публики и газет, развитие и рост печати и в России, и в Финляндии, возникновение политического напряжения в финско-русских отношениях и т. д. Принято считать, что само «общественное мнение» было новым явлением и родилось и в России, и в Финляндии именно в изучаемый нами период [5, р. 4–8].

Изучаемый материал

Важным явлением времени стало развитие туризма как туризма в большие города и туризма как увлечения средних классов. Как явление времени можно также считать и появление новых газетных жанров, в частности фельетона. Корреспонденты финских газет часто становились туристами, которые рассказывали отечественной публике о новых чудесах современного мира, которые можно было встретить именно в больших городах: о трамваях, электрическом освещении, выставках, театрах, балете и прочих достопримечательностях больших городов. В 1860-е — 1880-е гг. корреспондент финской газеты за рубежом был

редкость, но в начале 1890-х гг. корреспонденты некоторых больших финских газет побывали во многих городах мира: в Париже, Лондоне, Берлине и Нью-Йорке [4, р. 374, 579]. Корреспонденцию из Петербурга следует рассматривать в контексте подобных материалов. Например, в больших газетах типа *Helsingfors Dagbladet* и *Hufvudstadsbladet* можно было в изучаемый период довольно регулярно читать новости о репертуаре парижских театров и фельетоны о жизни города, одновременно финноязычные газеты того времени часто публиковали письма из Парижа.

Нередко корреспонденты были людьми, которые длительное время проживали в своем городе. Народная школа быстро распространила грамотность среди всех слоев финского населения, где уже давно долгом каждого, как истинного христианина, стало умение читать. Лютеранская церковь уже с XVI в. активно занималась обучением населения грамоте, хотя и с переменным успехом. Самостоятельное изучение Библии должно было быть доступно каждому лютеранину, и поэтому Новый Завет была издан на финском языке в 1548 г., а вся Библия — в 1642 г.

Грамотность крестьянского населения нередко все-таки осталась довольно незначительной до середины XIX в., когда начались серьезные изменения в лучшую сторону в народном образовании. Особенно большое значение в этом имела народная школа, принципы которой были сформулированы бывшим пастором Санкт-Петербургского финского прихода Уно Сигнеусом. Народные школы нового типа начинали основывать в 1860-е гг., и в скором времени они стали очень популярными. Таким образом, грамотность народных масс стала почти всеобщей уже до конца второй половины XIX в. Поэтому стало возможным, что иногда корреспондентами газет были рабочие и даже крестьяне.

Как и следовало ожидать, во второй половине XIX в. финские газеты писали постоянно о России. Значительную часть этих материалов составляли новости, которые касались вопросов большой политики, отношений Великого княжества с империей и просто интересные новости дня. Общий комплекс этого материала можно подобрать в дигитальном архиве финской прессы методом «смутного» поиска. Но наше исследование построено на комплексе подобранного вручную материала.

Изучаемый нами материал можно найти в Интернете [10]. Там список состоит из 774 корреспонденций («путевых писем») из Санкт-Петербурга. Гиперлинк дает полный текст каждой газеты, которая содержит такой материал. Список сделан на основе картотеки, и собранный материал можно получить с XVIII в. до конца 1890 г. Материал, который собран «вручную», очень релевантный, и главных недостатков

машинного «смутного» поиска можно избежать, используя именно этот способ.

С другой стороны, надо заметить, что кроме этих категорий за период 1771–1890 гг. собраны и списки других материалов, касающихся России. Например, в дигитальном архиве есть и «путевые письма» из России (397 штук), из Прибалтийских провинций, Ингерманландии и Русской Карелии (808 штук). Помимо этого, есть и довольно большая категория «Финны за рубежом», где есть раздел «Финно-и шведоязычное население в Санкт-Петербурге» (378 штук) и еще несколько других, довольно маленьких списков о финнах в России и финско-российских отношениях. Особенно важен список статей под названием «Финляндский вопрос» (1251 штука).

Само собой разумеется, что в других категориях тоже есть много интересного и релевантного материала. В данной статье все-таки интерес автора сосредоточивается на вопросе: «Каким был образ Санкт-Петербурга в корреспонденции финской (финляндской) прессы за 1860–1890 гг.?».

Поэтому упомянутый другой материал в данной статье систематически не изучался. Материал о Москве и письма из Парижа были изучены лишь для сравнения.

Примечательно сравнение объема корреспонденции из других больших городов с материалом, который касался Петербурга. Корреспонденции «из Франции», в основном из Парижа, публиковали в тот же период значительно больше — 1861 публикация. Это отражает тот факт, что Франция в то время была одной из главных великих держав, и Париж во многом был чуть ли не главным мировым центром. Из Америки таких писем опубликовано только 971. Это несколько удивительно, но отражает тот факт, что массовая финская эмиграция в Америку только началось позднее, в 1890-е гг. Из Великобритании таких писем всего 558, хотя связь с Англией давно была тесная. Из Германии, не только из Берлина, но из многих иных местностей страны, таких писем было 1307 штук. Как и следовало ожидать, из Швеции подобных писем было больше всех — 3926 штук. Это, без сомнения, отражает культурную близость финской интеллигенции к Швеции, язык которой был понятен всем. Швеция, как и Норвегия и Дания, в то время тоже были «великими державами» в области культуры. Стриндберг, Ибсен, Бьернсон, Брандес и многие другие пользовались в Финляндии и по всей Европе очень высокой популярностью в кругах интеллигенции.

Надо отметить, что выше совсем не упомянут материал о финнах за рубежом, не говоря о новостях, связанных с пребыванием финнов за границей.

По приведенным цифрам нельзя точно сравнивать внимание, уделяемое разным странам и городам. Тем не менее они дают возможность в общих чертах оценить степень внимания, которое было уделено Санкт-Петербургу. Нельзя сказать, что оно было незначительным, но не самым большим. Говоря о Петербурге в качестве большого города (а не в качестве центра администрации, политики и т. п.), мы никак не можем считать его главным центром внимания финских газет. Он вызвал постоянный и довольно оживленный интерес, но взгляд финской прессы все-таки остался ориентированным на Запад, особенно Швецию и Францию. Вероятно, языковой и культурный барьеры играли здесь значительную роль.

Общий вид города, достопримечательности, юбилей

Масштабы Петербурга впечатляли всех авторов. Мировой метрополь Петербург был «новый мир» для такого человека, который до встречи с ним бывал только в маленьких столицах скандинавских стран, писал корреспондент Туркусской газеты (ÅU. 1871. 493)¹. Одна только Нева представлялась могущественной рекой, подобной которой в европейских городах не встречалось (OWS. 1871. 462). Здание Главного штаба представлялось самым монументальным в мире (OWS. 1871. 464). Огромные мосты, Зимний дворец, Исаакиевский собор, разумеется, производили впечатление на туристов, и тот, кто посетил город как турист, в обязательном порядке описывал их своим читателям. Инженерный замок, церковь Петропавловской крепости, Летний сад, Казанский собор и другие достопримечательности описывались в газетах с удивительным постоянством (WS. 1888. 142; PU. 1888. 144; WS. 1888. 154; Laatokka. 1890. 311; Nämäläinen. 1878. 318; Kaiku. 1878. 340; ÖF. 1879 и т. д.). Масштабы зданий и сооружений поражали. Даже жилые дома Петербурга были столь огромны, что в одном таком, казалось, могло проживать целиком все население маленького финского городка (Kaiku. 1878. 340).

К Невскому проспекту просматривалось особое отношение: «Кто бы уже ребенком не старался себе представить эту улицу 1001 ночей?» — задавал риторический вопрос один из авторов газеты города Турку. Огромное удовольствие можно было получить только лишь от одних наблюдений за жизнью улиц (ÅT. 1886. 601). Само собой разумеется, здесь было постоянное интенсивное движение во всем его разнообразии. Пестрота поражала — роскошные ландо лиц, явно принадлежавших к высшему

¹ Цифра после названия газеты и года выпуска указывает место в списке "Matkakirjeitä eri maista>Pietarista".

свету, соседствовали с крестьянскими таратайками и телегами. Район Садовой–Невского носил именно европейскую печать, но в то же время в магазинах можно было купить как изделия, соответствующие самой последней парижской моде, так и простые русские продукты [9, р. 318].

Невиданная пестрота была и в петербургском трактире. Здесь сидели бок о бок мужики в тряпье и обносках, чиновники в потрепанных мундирах, читавшие газеты, бабы с детьми брали суп, купцы пили чай, а «святые отцы» — попы налегали на водку. Иногда начинали петь, потом дрались, но вскоре мирились и целовались. Удивило автора и то, что никто другому не мешал, и не было «такого грубого дебоша, как у нас» [Hämäläinen. 1883, 664].

Посещавшие Петербург знали, что численность населения столицы империи составляет 1 млн, что есть половина всего населения Финляндии (RL. 1883. 695). Тень величественности Санкт-Петербурга казалась угрожающей. В 1883 г., еще до обострения антифинской полемики в русской прессе, обозреватель газеты “Hämäläinen” писал следующее: «Купол храма блестит чистым золотом. Золото, золото, везде только чистое золото! Если вспомнить, что Москва еще более богата, чем Петербург, если вспомнить, какие безграничные богатства лежат в недрах России, во многочисленных его монастырях, ее огромных заводах и ее плодородных землях, когда еще увидишь ее бесконечные казармы и доблестные полки, нельзя не удивиться той могущественности, которой владеет Россия».

Но, продолжает автор, если хочется радоваться этим огромным богатствам и этой удивительной красоте, что сотворили здесь прилежность и ум человека, надо все-таки сказать, что у финна, который понял огромную силу России, болит сердце, и он должен поневоле стонать: «Эх, ты, девушка Финляндия, сейчас ты в руках такого жениха, который и хочет и может обнимать тебя до смерти!» Что у России были такие намерения, автор понял по материалам русских газет. Они же об этом писали почти ежедневно. Правда, у Финляндии была своя конституция, и слово императора было еще свято. Но все может измениться, и Россия ведь уже не та, кем была еще несколько десятилетий назад [Hämäläinen. 1883, 664].

Санкт-Петербург было городом бесконечных развлечений. Так было во всех крупных городах, но Петербург выделялся особо. Развлечения были бесконечные (ÖF. 1888. 161), царила настоящая лихорадка веселья (HDBL. 1868. 221). На самом же деле Петербург пробуждался только ночью. Сеансы в театрах начинались в 8, 9 или 10 часов вечера и заканчивались после полуночи. Балы начинались в полночь. После этого шли по ресторанам, потом отправлялись за город к цыганам.

Люди, конечно, работали, но рабочий день начинался только в полдень, и это касалось низших чинов. Высшие приходили в свои конторы еще позднее (АТ. 1884. 397).

В Петербурге были фестивальные сезоны, такие как «Петербургские ночи», которые отмечали зимой (WBL. 1889. 270). Самые главные были масленица и Пасха. Масленицу финские газеты описывали постоянно, но картина во всех описаниях осталась более или менее одинаковой. Очевидно, что увиденное каждый раз очень сильно поражало финнов, которые не видели ничего подобного у себя дома или в других странах. Иногда масленицу сравнивали с ночью в Неаполе или Боспори (Kotka. 1889. 241). Иногда говорили о «сумасшедшей неделе» (ÖF. 1886. 737). Было на что посмотреть: горки, карусели, балаганы. Повсеместно продавали блины, разнообразные напитки, играла музыка. На Марсовом поле предлагалось огромное количество всяких развлечений, а на невском льду иногда возводили настоящий ледяной дворец.

Особым явлением масленицы были финские «вейки», на которых приезжали крестьяне с Карельского перешейка, чтобы дать петербуржцам прокатиться в этих санях. Иногда их насчитывалось от 6000 до 8000 штук (ÖF. 1886. 737). Кажется, что вейки считали более или менее комическим развлечением. Будто бы «крестьяне из Персейняйоки» (символизирует глухое местечко) приехали в большой город (VBL. 1888. 146). В довольно ироническом свете писали о них и финские газеты. «Або Тиднинг» писал о «грубых чертах» (буквально «топором вытесанных лиц») «вейков», которые не знали города и не отличали правой стороны от левой. Но они были популярны, потому что кататься в санях было очень дешево — очевидно, они тоже не поняли ценности денег. Вейки были честные, но не всегда достаточно умные. Иногда случалось, что они теряли своих лошадей, когда соглашались на предложения отдельных нечестных клиентов пойти отдохнуть, пока клиенты самостоятельно будут кататься по городу (HDBL. 1875. 648; 1883. 704).

О Пасхе тоже имеется множество публикаций, где авторы каждый раз удивляются обычаю христосоваться (АТ. 1883. 163). Иногда отмечались отдельные случаи разгула, когда русский крестьянин мог выпить столько водки, сколько хватило бы на целый год за обедом (K-S. 1888. 761).

В летнее время также хватало развлечений. Вообще, обитатели Петербурга вели светский образ жизни круглый год, даже на дачах, куда они направлялись весной большими караванами. Летом тысячи петербуржцев любили ездить поездом на «вокзал» (Vauxhall) в Павловск

(ÅТ. 1886. 604). Там финн чувствовал себя, «как крестьянин из Соткамо на ярмарке Каяни» (ÅТ. 1886. 606). В Дворянском собрании в Петербурге часто организовывали маскарады, где могли участвовать как и знатные, так и «обычные» люди (ÅТ. 1883. 709).

При дворе, конечно, постоянно проводились императорские грандиозные балы, и иногда финские посетители писали свои отчеты и о них. В Зимнем дворце на таком балу присутствовало не менее 3000 посетителей (US. 1884. 378). Грандиозные празднества устраивались и в честь георгиевских кавалеров, о которых также имел возможность поведать финский корреспондент (IImarinen. 1885. 383).

Да и самого императора финны встречали часто. Он всегда присутствовал на маневрах в Красном Селе, где финская гвардия нередко выигрывала призы по стрельбе. Вообще в газетах часто писали о лагерной жизни в Красном Селе и успехах там финнов (HDBL. 1874. 638; IImarinen. 1882. 486; ÅТ. 1884. 391; WBL. 1885. 486; ÅТ. 1883. 712; US. 1883. 717; 1883. 718; 1883. 720). Кстати, один финн из охраны императора делился с газетой своими воспоминаниями, где он удивлялся простоте членов императорской фамилии и спартанскому образу жизни молодых великих князей. Все они были чрезвычайно любезные люди и старались немножко разговаривать с ним по-фински (US. 1883. 715).

Городские учреждения, порядок

В большом городе существовали такие учреждения, которых не было в маленьком еще Хельсинки XIX в. Например, конки, которые перевозили до 100 пассажиров. Для них на улице были проложены рельсы (SanTamp. 1866). В 1884 г. газеты сообщали, что на Литейном мосту появилось электрическое освещение, и по сравнению с ним газовые лампочки сразу стали казаться совсем бледными (HDBL. 1884. 102; Folkvännén. 1884. 733).

По широкому Невскому проспекту проносились дрожки, особенно тройки. Но только зимой Петербург показывал свое настоящее лицо. Без троек Петербург уже не был бы Петербургом. Самым удобным местом для наблюдения за уличным движением был угол Невского проспекта и Большой Морской улицы около 3 часов дня. Было трудно определить, чем надлежит любоваться более — красивыми лошадьми или искусством возниц. Замечательно было то, что, несмотря на количество лошадей и скорость езды, безопасность была гораздо лучше, чем в Хельсинки (HBL. 1887. 743).

Обилие публики и интенсивное уличное движение присутствовало и в других больших городах, писал корреспондент Выборгской газеты *Östra Finland*. Тем не менее улицы Петербурга удивляли и его. Ему не понравилась атмосфера Невского проспекта, и он там не почувствовал духа парижских бульваров. Но в одном смысле Петербург был примечателен и находился на особом уровне: порядок был образцовым. Когда полицейский подавал знак рукой, бородатый извозчик княгини был вынужден останавливаться и уступать дорогу паре оборванных бродяг (*ÖF*. 1887. 767). Эта оценка важна тем, что автор, который побывал и в других больших городах, не особенно любил Петербург и считал в своей статье, что теневые стороны там «почти преобладают».

Общественный порядок Петербурга восхвалялся многими обозревателями. Когда великий князь Павел и принцесса Греции венчались, огромные массы людей на Невском проспекте вели себя очень добропорядочно. Полицейские и жандармы были вежливы и корректны со всеми, но особое впечатление производила на обозревателя *Hufvudstadsbladet* общая воспитанность питерской публики. Все были взаимно вежливы друг с другом, извинялись, когда надо было, дурного слова не было слышно совсем. Действительно, питерская публика могла в этом отношении быть образцом для всех западноевропейских народов (*HBL*. 1889. 180)! Отличный порядок заметил и корреспондент *Imarinen* в 1883 г. (*Imarinen*. 1883. 666).

В 1883 г. обозреватель *Hufvudstadsbladet* всячески хвалил зимние улицы Петербурга и сравнивал их с улицами Хельсинки. Петербург был во всяком отношении лучше. В Питере не было высоких снежных заносов на улице — их убирали многочисленные рабочие. Тротуары в Петербурге были не скользкими, как в Хельсинки. Снег размораживали кипящей водой и потом посыпали песком. Конки в Петербурге были чистые и уютные, а зимой, когда было холодно, на Невском проспекте разводили многочисленные костры, у которых люди могли погреться. Новинкой были прозрачные, многоцветные рекламные колонны, которые освещались изнутри газом (*HBL*. 1883. 676).

Вообще, у читателя финских газет могло сложиться впечатление, что все, что касалось работы городских служб, в Хельсинки организовано плохо, а в Петербурге хорошо. Это касалось даже больниц, как писал корреспондент *Folkvännen*. Больницу для финнов было найти совсем несложно, и, кстати, в Питере можно было всегда спросить дорогу. Жители российской столицы всегда охотно и вежливо помогали и, в отличие от шведов и финнов, никогда не смеялись над странным произношением иностранца. В Финляндии люди часто

боялись больницы. В Петербурге это было излишне, в больнице можно получить обиход и пищу лучше, чем дома.

Визит в больницу Марии Магдалены около Тучкова моста на Васильевском острове поражал. «Порядок, чистота, уют царят везде». Пациент получает мясо, белый хлеб, бульон и молоко сколько хочет. Все отлично, он говорит. Только бы поменьше народа в комнате. Корреспондент попробовал бульон: «Действительно, вкусно!» В таких розовых красках описывал Петербург корреспондент народной просветительной газеты *Folkvännern*. Правда, в той же статье он заметил, что петербуржцы могут заставить неопытную «чужну» за всякие услуги платить больше, чем было бы нормально (*Folkvännern*. 1884. 735).

В Петербурге даже тюрьмы были образцовые. Пища была там хорошая, лучше, чем у многих дома. Финских арестантов в Петербурге было в среднем 74 человек в год. У них было богослужение каждую вторую неделю на финском языке (*FAT*. 1867. 217).

В Петербурге даже дрались порядочно. В Кронштадте масленица в 1869 г. кончилась массовым побоищем, в котором участвовало несколько тысяч солдат. Но они дрались друг с другом, грабежей не было, и вообще посторонних не вмешивали (*US*. 1869. 431).

Положительной была и общая картина в отношении петербургского чиновничества, в 1870 г. *Hufvudstadsbladet* особо хвалил хорошее поведение русских чиновников при таможенном осмотре выставочных экспонатов (*HBL*. 1870. 442).

Иногда все-таки находились и поводы для упреков. Так, например, в 1887 г. корреспондент *Uusi Suometar* жаловался на бюрократизм таможенников, которые держали финнов часами на таможнях Кронштадта по каким-то мелочным причинам (*US*. 1887. 754; см. также: *Wasa Tidning*. 1887. 774).

Русский человек, отношение к другим народам и общественным классам

Корреспондент *Nämäläinen*, который в 1883 г. был поражен огромными ресурсами и богатством России, считал, что русский человек «по своей природе более подвижный и более умный и находчивый, чем финн. До того что Матти сделает один поворот, Иван уже десять раз поставил его в мешок. Иван работает более быстро и справится с меньшим харчом. Если еще добавить сюда коварную натуру, можно увидеть, что финн не может держаться в борьбе с ним».

Русские с удовольствием помогают финнам против шведов, но более близкое сожительство с русскими означает «гибель финской расы», считал автор, которому цензура не помешала писать такие политически довольно неделикатные вещи (Hämäläinen. 1883. 664).

Корреспондент либеральной газеты Helsingfors Dagblad описывал русских, как добродушных, мирных и порядочных людей. Даже в трактирах они вели себя спокойно и без шума. Этому, наверное, содействовало то, что они пили в огромном количестве чай, который, кстати, очень вкусный. Один раз корреспондент был шведом из Швеции, и он сравнивал все виденное со своей родиной. Его очень поразил свободный, но тем самым очаровательный стиль общения. В Швеции люди все время занимали себя вопросами «что можно?» и «что нельзя?». В России человек был самим собой, но в то же время не менее "comme il faut". В каком-то особом смысле Россия была «одна из самых демократических стран мира», констатировал шведский корреспондент (HDBL. 1871. 468). Сангвинизм русского характера выражался в театрах бурными аплодисментами, которые финскому гостю казались чрезмерными. Русский темперамент можно было видеть и на улице: оскорбленный драматург напал на журналиста на Невском проспекте, и они начали фехтовать на тросточках, пока полицейский не отправил их в участок. Автор считал, что случай очень характерен для Петербурга и мог произойти только там (NP. 1884. 135).

В общем, русский человек имел настоящую «широкую натуру». По крайней мере так в фельетоне хельсинкской газеты описывался русский приятель автора статьи. Его звали Клим Климыч или «дядя Клим». Он был чиновником, но автору не было понятно, чем он занимался. Он «служил», и это, по-видимому, не значило, что он работал. Когда он хотел проводить финского друга в Петергоф, он взял себе пару выходных дней, закончив некоторое количество своих дел досрочно, очевидно, что он их не читал или читал очень поверхностно. Клим Климыч был очень спокойный человек, которому совсем не мешал тот факт, что леса вокруг Петербурга горели. Если горит, значит, так и надо (HDBL. 1885. 655)!

Финны тоже были поражены той близостью, которая в Петербурге была между классами общества. Корреспондент газеты Sanomia Turusta писал в 1879 г., что в Петербурге были знатные люди и люди высшего класса, но разницу между сословиями здесь «не учитывают так, как в Финляндии». Это «можно было видеть везде» (ST. 1879). Это было видно и в том, что полковник мог в ресторане позволить себе шутить с официантом (ÅT. 1886. 601).

Финские корреспонденты несколько раз отметили «свободное» поведение русских. Так, получить приглашение в русский дом было нетрудно. Гостеприимство русских славилось во всем мире (*Wasa Tidning*. 1887. 774; *HDBL*. 1871. 468).

Полной экзотикой для финнов представлялось всеобщее целование в пасхальную ночь, несмотря на класс, пол или возраст. Финский корреспондент не забыл подчеркнуть, что ничего подозрительного в этом красивом ритуале не было (*ÅT*. 1883. 701). Тогда и хозяева целовали своих слуг, и даже император своих православных караульных (*ÅT*. 1883. 701; *US*. 1883. 715).

Совсем особо шла речь о русских женщинах. Женщина в России тоже вела себя «свободно». Это могло иметь и плохие последствия. Например, нигилистам удалось завлечь в свои ряды русскую женщину, «которая, вообще говоря, стоит выше мужчины», констатировал корреспондент *Åbo Underrättelser* в роковом 1881 г. (*ÅU*. 1881. 503). В другой статье подчеркивали, что русские женщины были намного умнее мужчин (*ÅT*. 7.9.1886). Женщина могла даже проявить инициативу и познакомиться с мужчиной (*ÅT*. 1875. 603). Неожиданностью стало для финского корреспондента и то, что немолодая русская женщина на пароходе спросила у него папиросу. Многие русские женщины курили (*ÅT*. 1883. 713). Замечательно было то, что русские девушки могли посещать своих знакомых мужского пола без сопровождающего лица (*ÅU*. 1881. 503). Совсем очарован был корреспондент *Åbo Tidning*, которого русская девушка остановила на улице и начала с ним разговор о газете. Потом она сказала, что сразу узнала финна по застенчивости. Кстати, у нее и ее подруг было общество, которое ставило себе задачу освободить финнов от их замкнутости. Они стали ходить вместе и гуляли вплоть до Озерков. «Никогда я не имел более чудесной экскурсии. Ее я не забуду никогда благодаря моей спутнице, или вернее русской женщине, такой, какой она была» (*ÅT*. 7.9.1886). Другой обозреватель подвел итоги: «Русские дамы одеваются со вкусом, ведут себя со вкусом, разговаривают со вкусом, танцуют со вкусом, у них маленькие ручки и маленькие ноги, они дружелюбны, открыты и остроумны, словом, у них присутствуют все те добродетели, которыми прекрасный пол украшает жизненный путь, словно розами» (*HDBL*. 1880. 356).

Что касается общественных классов и типов, в Питере можно было встретить совсем особые виды таковых. Одним из таких был помещик, приехавший в Петербург для ведения дела в суде. Его описывали довольно негативно, что было связано со взяточничеством и со «связями», которые в Петербурге были необходимы везде (*HDBL*. 1882. 526;

WT. 1877. 71). В России также имелись и купцы, у которых не было почти никакого имущества, уже не говоря об умении читать и писать (*Sanomia Turusta*. 22.11.1867). Но торговаться с ним было легко, можно было предлагать одну четверть из того, что он требовал и еще грубо при этом его ругать — и это его совсем не раздражало. В общем, с русскими можно было общаться в хорошем духе. Даже мальчишки на улицах были вежливыми и симпатичными (HBL. 1889. 175). Главным пороком русских была нечестность. В трактире следовало держать руку на бумажнике (*Hämäläinen*. 1883. 664). Несимпатичной русской чертой для финнов была «бесконечная система выпрашивания». Другой — заискивание перед богатыми (HBL. 1887. 748). Чаевые ожидали повсюду, и финский обозреватель считал это тоже «выпрашиванием» (HBL. 1883. 679; *ÅU*. 1990. 511). Чаевые все-таки не всегда спасали человека от бдительного таможенника (*ÅT*. 1886. 616).

Русских, в целом, описывали, как добрых людей. Например, известна была всем их любовь к животным. Животных назвали всякими ласковыми именами (RL. 1883. 695). Отношения русских с другими народами все-таки не всегда были хорошими. Татар ценили, так как они были сильными и трезвыми. Почти все они, кстати, считали себя потомками князей (HBL. 1889. 198). Немцев в Петербурге было много, и их считали честными работниками. Но в последние годы на них стали негодовать, что, по-видимому, было связано с внешнеполитическими делами (*ÖF*. 1886. 728; HBL. 1889. 257). Немцы со своей стороны презирали русских (*Lapteenrannan Uutiset*. 1888. 136).

Что касается финнов, читатели финских газет, которые знали о нападках российской прессы, ожидали, что к ним в России относятся дурно. Такого все-таки отмечалось совсем мало. Вместе с немцами в Петербурге считали, что финны особенно честны (WT. 1877. 72).

На самом же деле к финнам, как правило, относились вовсе хорошо. Например, те же многочисленные дачники, которые ежегодно приезжали на Карельский перешеек в летнее время, имели самые положительные воспоминания оттуда (*Savo*. 1890. 520). Петербургские дачники со своей стороны были очень популярны среди местных жителей на перешейке, ибо они покупали у крестьян разные вещи и с удовольствием участвовали во многих местных праздниках, свадьбах и т. д., щедро жертвовали деньги на различные нужды (*Oulun Lehti*. 1886. 594). На самом же деле русские очень мало интересовались «финляндским вопросом», и широкая публика, даже студенты, совсем не знала об этом или знала «удивительно мало» о Финляндии вообще (*ÅU*. 1990. 511).

В Финляндии полагали, что особенно русская военщина не любила Финляндию. Но финский георгиевский кавалер на празднике Дня

св. Георгия встречал только симпатию и уважение (Ilmarinen. 1885. 383). Во время финского голода в 1868 г. в Петербурге организовали лотерею для пострадавших финнов (HBDL. 1868. 221). Вообще казалось, что среди русских сложно найти в значительном количестве людей, враждебно настроенных к финнам, таковых имелись единицы, хотя русские газеты нередко зло отзывались на финские темы (ÖF. 1877. 82; NP. 1884. 124; 1884. 138; PU. 1888. 144). Один автор предполагал, что настоящие финноведы вовсе не были собственно русскими, а русифицированными немцами. Собственно русские относились к финнам гораздо лучше. Они считали, что финны были честны, гостеприимны и добродушны, лишь немного противопоставляли себе все русское, «но это можно понимать по историческим причинам, скажет русский, который всегда вежлив». Да, сангвинный русский всегда вежлив, говорлив и социален. В отличие от жителей Финляндии с ним можно всегда болтать и шутить даже тогда, когда с ним лично не знаком (HDBL. 1880. 356).

Некоторые русские туристы со своей стороны писали о финнах уважительно, как отметили финские газеты. Финны были честны и порядочны, соблюдали чистоту. Но особенно замечательно было их самоуважение, чувство собственного достоинства: финн не оказывал никакого особого почтения образованному господину, но выполнял без ворчания все законные требования государства. Даже обычный крестьянин не позволял кому-то оскорблять себя безнаказанно. Он искал и получал удовлетворение в суде по закону (SVL. 23.4.1872). Русский купец, который долго жил в Финляндии, сказал русскому туристу, что финны на самом деле народ неплохой. Только надо отвечать им той же монетой. Они — народ хороший тем, что никогда не обманывают. Но они очень жесткие и хотят все делать по-своему. Это черта характера вытекает от гордости. Какой-нибудь русский офицер может сказать финну: «Смотри, я господин!» Но тот отвечает: «Я сам господин. У нас все господа!». В Финляндии действительно царствует особый вид равенства: пощечина стоит 75 копеек независимо от положения человека, кто ее дал и кому ее дали. И финские суды были беспартийные и справедливые (HDBL. 3.11.1865).

Газеты, конечно, много писали тоже о финнах Петербурга. О клубах, школах, приходах было что писать. В финском приходе в 1888 г. состояло более 20 000 человек (WS. 1888. 142), в шведском их было 6429 уже в 1865 г. (HDBL. 1865. 182). Многие финны в Петербурге жили хорошо и порядочно, но иногда было стыдно за их пьянство (WS. 1889. 275; Folkvännen. 1884. 94). Так было, например, когда 200 финских юношей поехали поездом в Выборг для призыва (WS. 1889. 275).

Некоторых корреспондентов тревожило то, что финны в Петербурге стеснялись своей финскости и употребляли скорее шведский, нежели финский язык или старались говорить по-русски (Ilmarinen. 1887. 535). Некоторые действительно обрусели (WT. 1884. 379).

Считалось, что большой город был опасным местом для девушек. Им угрожала судьба проститутки, и об этом газеты часто упоминали. Но там была и опасность другого вида. Простая девушка из финской глубинки могла в Петербурге потерять реальное понимание своего положения. Об этом свидетельствовал случай, когда одна девушка купила себе парасоль и ходила с ним с утра до вечера (US. 1887. 754).

Выводы: образ Санкт-Петербурга в финской прессе в 1860–1890 гг.

Известный финский писатель, журналист, поныне живой классик финской литературы Юхани Ахо описал Петербург в 1891 г. как «чужой» и «огромный» город, который прежде всего страшил, хотя и очаровывал своей «чуждостью». В Петербурге были все прелести больших городов того времени, но все-таки он не особенно привлекал представителя финской интеллигенции. Город сам собой был поразительным, он отличался масштабностью, пестротой, богатством и силой. Там было чем наслаждаться, люди были добры и импульсивны, веселы и незлы. Облик города был очень национально-русским, он так и остался для финна до конца непонятным, хотя одежда, продукты, даже тексты на вывесках были во многом европейскими. Представитель финской интеллигенции входил в Петербург неохотно, тогда как простолюдины из Восточной Финляндии чувствовали себя там, как дома. Главной проблемой Петербурга для финской интеллигенции, по-видимому, была его угрожающая сила. На фоне газетной полемики русской националистической прессы против привилегий Великого княжества вся сила и блеск города пробуждали в финском интеллектуале скорее страх, чем восхищение (Päivälehti. 29.9.1891; 1.10.1891).

Юхани Ахо хорошо знал великие города. До своего визита в Петербург он уже провел один год в Париже и много ездил по Европе. Париж действительно был любимым городом финской интеллигенции того времени, и все знаменитые деятели культуры посещали его.

Если говорить о Петербурге, то Ахо все-таки не был совсем типичным представителем тех корреспондентов, которые писали о Петербурге в финской прессе конца XIX в. Последние, правда, представляли из себя весьма пеструю публику, там были и такие, кто проезжал

Петербург мимоходом и получал, соответственно, только туристические впечатления. К таким, кстати, более-менее можно отнести и самого Ахо. Но многие корреспонденты финских газет тех лет все-таки были такими, кто провел в Петербурге значительное время, и даже годами жил там (см., напр.: WT. 27.1.1877). Такие корреспонденты часто писали о Петербурге «как о своем» и описывали театральные сезоны, жизнь финской колонии, местные проблемы с водой и электричеством, новый полицейский порядок и прочие местные новости. Немало публиковалось и фельетонов, где авторы демонстрировали свои литературные амбиции. В них Петербург представлял определенный колорит и некоторую экзотику.

В целом, в корреспонденции финской печати Петербург, как большой город, был прежде всего чудным явлением соседней страны — обособленность Великого княжества от метрополии все время представлялась очень ярко. Но главное — Петербург был положительным явлением. Как известно, рост больших городов во второй половине XIX в. рассматривался многими обозревателями, как угроза старой культуре и образу жизни. Большой город — это капитализм, это возникновение отчужденного пролетариата, это раздробление старой «органичной» формы жизни. Противоположность Москва–Петербург в России в какой-то мере тоже отражала эту проблематику, хотя Москва также была большим городом. Тем не менее Петербург считался особенно ярким примером нового рационального урбанизма [11, с. 70–78].

Критики больших городов тоже видели в них культурную опасность — разложение нравов, и даже предупреждали о вырождении человеческой расы. Ненормальный ритм жизни, бесконечное нервное напряжение были причинами истерии и нервозности, считали врачи в эпоху перемены веков. Алкоголизм, наркотики, пауперизм, проституция вовсе ни были пороками нового образа жизни, которые обсуждались литераторами того времени. То же происходило и в Финляндии, но, главным образом, эти темы вошли в моду несколько позднее — на стыке XIX и XX вв.

Что касается корреспонденций финской прессы о Петербурге с 1860-х до 1880-х гг., то в них образ Петербурга не представлялся пугалом. Да, в них показывались опасности большого города для девушек, нередко описывались тяжелая жизнь мальчиков, серьезные различия между бедными и богатыми. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что общий образ Санкт-Петербурга в этих статьях остался положительным. В новом образе жизни большого города тогда еще не видели всеобщей моральной или культурной угрозы для русских и, тем более, для финнов. Скорее всего, авторы статей знакомили

читателей с образцовым и передовым городом, где институты повседневной жизни были установлены лучше, чем в маленьком Хельсинки. В общем, некоторая экзотика, особенно то, что было связано с праздниками православной церкви и императорского двора, судя по всему, пробуждало только положительное удивление.

На государственном уровне Петербург был городом любимого и уважаемого императора. Его всегда описывали очень уважительно, а его врагов, нигилистов и террористов, упоминали с ужасом и крайним негодованием. С другой стороны, не забывали и того, что в Петербурге выходили пресловутая газета «Новое время» и другие антифинские газеты, но в рассматриваемых здесь статьях этот факт, в общем, остался в какой-то степени абстрактным. Люди в Петербурге не говорили о Финляндии и финнах так, как газеты писали о них.

Образ русского человека на страницах финской прессы тех лет рисуется довольно однозначно. Он очень симпатичный, порядочный, общительный. Вместе с тем он умный, находчивый, беспечный, при общении неформальный, иногда буйный, но и тогда дружный, без злости к окружающим. У него, конечно, иногда могут быть и пороки, в частности склонность к обману в торговле, привычка просить везде «чаевых», склонность к взяткам, к раболепству перед богатыми и знатными.

Последняя черта характера будто бы противоречит тому, что русское общество, где нищета и богатство существовали рядом, в то же время было, как заверяли, каким-то образом очень «демократичным». Это выражалось в том, что люди из разных общественных классов очень свободно общались друг с другом. Было очевидно, что отношения между общественными классами в каком-то смысле были там более близкими, нежели в Финляндии. Такое утверждение обязательно вызывало удивление, так как в Финляндии, например, крестьяне всегда имели личную свободу. С другой стороны, в перспективе тех лет крепостное право в России было отменено совсем недавно. В Финляндии все-таки, как рассказывали русские туристы, финны всех слоев общества отличались личным достоинством — «все они были *господами*». Как можно было тогда говорить о том, что разница между сословиями была в Финляндии больше, чем в России?

Это все-таки утверждали неоднократно, и подобные высказывания игнорировать нельзя. Противоречивость тут может казаться непонятной, хотя можно предположить, что ключ к пониманию сути вопроса, возможно, найдется в некоторых особенностях истории бытовой культуры в России. В России, как утверждают многие авторы XIX в. от Герцена до Бердяева, отсутствовало то «мещанство», которое было типичным для поведения средних классов в Европе того

времени. Россию иногда называли «страной бытовой свободы», имея в виду, что там люди в своей повседневной жизни не были рабами всяких буржуазных предрассудков и ограничений, хотя в то же время они не имели политических прав [12, с. 12–16; 156–159].

По-видимому, в утверждениях Герцена и Бердяева есть зерна истины. Описываемая ими ситуация, может быть, была связана с тем, что средний класс с его претензиями к культурной гегемонии в России тогда еще почти отсутствовал. С другой стороны, в России высший класс привык общаться со своими крепостными с позиции патернализма, и последние отвечали в том же духе, без претензии на самостоятельное достоинство. Ритуалы православной церкви укрепляли близость всех людей независимо от класса, даже физически через христосование. Вдобавок именно в России была тогда еще жива традиция уважения к юродивым и странникам. На Западе, включая лютеранскую Финляндию XIX в., такие традиции уже давно вымерли.

Корреспонденция финской печати, конечно, говорит столько же о финской печати и Финляндии того времени, как и свидетельствует об условиях в Петербурге. В росте числа статей можно увидеть в целом развитие самой прессы, в их содержании виден подъем финского национального движения и оживление контактов между Финляндией и Петербургом. В тональности статей с начала 1880-х гг. иногда, хотя и удивительно редко, можно отметить и длинную тень газетной полемики о положении Великого княжества.

Что касается «линии» разных газет в описании Петербурга, то можно констатировать, что органы либералов, в частности *Helsingfors Dagblad*, и органы шведоманов, в частности *Nya Pressen*, писали о Петербурге наиболее активно. *Helsingfors Dagblad* была основана бывшим офицером Финской гвардии Робертом Лагерборгом, который служил в русской армии и хорошо знал Россию [13, р. 230]. *Helsingfors Dagblad* был органом либералов, который иногда еще называют «первой финской газетой современного типа» [Ibid.], она славилась особенно как рупор «сепаратистов». Такую же славу получила и *Nya Pressen*. В кризисном 1885 г. сам император выражал свое недовольство из-за внешнеполитических статей этих газет, и генерал-губернатор Гейден «предупредил» их, угрожая более жесткой цензурой [5, р. 176–192]. Много писем из Петербурга публиковали и Выборгские газеты, но, в целом, Петербургом интересовались газеты всей Финляндии, даже таких отдаленных местностей, как Вааса и Оулу (Улеборг).

Не представляется возможным показать существенные различия в тональности разных газет. По крайней мере это нелегко. Может быть, заслуживает внимания то, что газеты шведоманов и либералов,

на которые русские газеты особенно остро нападали как на печатные органов «сепаратистов», в общем отличались публикацией симпатичных фельетонов и особенно хорошо информированных описаний о повседневной жизни метрополии. Объяснением может быть то, что именно у них хватало образованных корреспондентов среди членов шведоязычной колонии Петербурга, в которую входило довольно много чиновников, военных и предпринимателей.

Что касается напряженных отношений между фенноманской и шведоманской прессой, то это отражено в данном материале мало. Пожалуй, то, что шведоманские газеты особенно наслаждались описанием глупости и даже некрасивого внешнего вида карельских «вейков» на улицах Петербурга, отражает и их отношение к финноязычному населению и дома, в Финляндии.

Если пытаться подвести итоги всему сказанному, то, пожалуй, можно сказать, что общий облик Санкт-Петербурга был для финской прессы обликом огромного и чужого города, который все-таки становился постепенно более знакомым. Это именно образцовый город по своим институтам, положительные черты там преобладают. Люди там чудесно порядочные и симпатичны, не враждебны. То, что «русская угроза» для Финляндии постепенно становилась все более угрожающей, также отражено в изучаемой материале, но об этом говорится довольно редко. Это, конечно, во многом объясняется подбором материала. Изучаемый нами материал все же не включает в себя достаточно большое количество статей, которые в то время были опубликованы о «финляндском вопросе». Но читатели финских газет того времени их тоже знали и, как надо полагать, читали их с особой тревогой.

Литература

1. *Tommila P.* Suomen sanomalehdistön alkuvaiheet // Suomen lehdistön historia I. Kuopio: Kustannuskiila, 1988.
2. *Tommila P.* Yhdestä lehdestä sanomalehdistöksi // Suomen lehdistön historia I. Kuopio: Kustannuskiila, 1988.
3. *Leino-Kaukiainen P.* Sensuuri ja sanomalehdistö Suomessa vuosina (1891–1905). Helsinki: SHS, 1984.
4. *Landgren Lars-Folke.* Kieli ja aate — politisoituva sanomalehdistö (1860–1889) // Suomen lehdistön historia I. Kuopio: Kustannuskiila, 1988.
5. *Hyyämäki L.* Suomalaiset ja suurpolitiikka. Venäjän diplomatia Suomen sanomalehdistön kuvastimessa (1878–1890). Helsinki: WSOY, 1964.

6. http://www.hel2.fi/Tietokeskus/julkaisut/pdf/24_06_09_Tilasto_16_Vuori.pdf.
7. *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб.: Европейский дом, 2005.
8. http://www.hel2.fi/Helsingin_kunnalliskertomukset//pdf/1890/1890_13.pdf; http://www.hel2.fi/Helsingin_kunnalliskertomukset//pdf/1888/1888_tabellbilagor.pdf.
9. *Hämäläinen V.* Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere: University of Tampere, 1974.
10. <http://digi.lib.helsinki.fi/sanomalehti/secure/browse.html?action=directory&id=2416>.
11. *Исупов К.Г.* Диалог столиц в историческом движении // Москва – Петербург: Pro et Contra. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 2000. С. 70–78.
12. *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918.
13. *Ekman T.* Suomen kaarti (1812–1905). Helsinki: Schildts, 2006.

Сокращения названий газет

FAT —	Finlands Allmänna Tidning
HBL —	Hufvudstadsbladet
HDBL —	Helsingfors Dagbladet
K-S —	Keski-Suomi
NP —	Nya Pressen
OWS —	Oulun Wiikko-Sanomat
PU —	Päivän Uutiset
RL —	Rauman Lehti
SanTamp —	Sanomia Tampereelta
ST —	Sanomia Turusta
SVL —	Suomen Virallinen Lehti
US —	Uusi Suometar
WBL —	Wasabladet
WT —	Wiborgs Tidning
WS —	Wiipurin Sanomat
ÅT —	Åbo Tidning
ÅU —	Åbo Underrättelser
ÖF —	Östra Finland

Лииса Бюклинг, доктор философии, исследователь,
Институт культур мира, Хельсинкский университет, Финляндия;
Вульфсон-колледж, Оксфордский университет, Великобритания
liisa.byckling@helsinki.fi

Современные русские пьесы в Русском театре Гельсингфорса в начале 1900-х гг. Цензура драматических произведений

Репертуар русского театра, драматическая цензура, Хельсинки, Россия.

Russian drama, Russian theatre, censorship, Helsinki, Russia.

Репертуар Русского казенного театра в Гельсингфорсе (осн. 1868 г., с 1880 г. — Александровский театр) состоял из тех же пьес, которые были представлены на российских сценах. Труппы, гастролировавшие в провинциальных городах России, а также приехавшие из Петербурга, подчинялись не только общим правилам драматической цензуры, но и решениям дирекции театра и армейского руководства. Как следует из архивных документов, внимание привлекли пьесы Леонида Андреева, инсценировки по произведениям А. Куприна и М. Арцыбашева. Пьесы Горького ставились успешно, иногда и вопреки цензуре.

The repertoire of the Russian State theatre in Helsinki (1868–1918) consisted of the general stock of plays in the Russian provincial and metropolitan theatres. Performances of the Russian touring groups were controlled not only by the Russian censorship, but also by the local theatre direction and officers of the Russian army. Archival documents illustrate how some decisions concerning the production of plays by Leonid Andreyev and Maxim Gorky, dramatizations of novels by A. Kuprin and M. Artsybashev came under close scrutiny.

Русский казенный театр в Гельсингфорсе (1868–1918 гг.) находился на особом положении среди других театров Российской империи. Предпосылок для деятельности Русского театра в Гельсингфорсе до 1918 г. было достаточно: в 1880 г. открылось новое здание

Александровского театра, в котором Русский театр работал до весны 1918 г., в городе и в гарнизонах имелось русское население, театр был устоявшейся организацией, и, самое главное, русское правительство выплачивало театру ежегодную субсидию [1, с. 23–44]. Субсидия составляла в зимний сезон 14 000–15 000 марок, или около 5000 руб. Постоянной русской труппы в Александровском театре не было. Почти ежегодно сменявшаяся труппа играла в течение короткого зимнего сезона от трех до четырех месяцев десятки спектаклей.

Гельсингфорс входил одновременно в две разные по величине и особенностям работы театральные зоны: в зону влияния культуры Петербурга и в зону широкой, охватывающей всю Российскую империю сети провинциальных театров. В Гельсингфорсе выступали многие петербургские актеры и гастролировавшие по России провинциальные труппы, так же как и итальянские и русские оперные артисты. В 1882–1918 гг. в Александровский театр приезжало около тысячи русских артистов драмы, оперы, оперетты, балета и эстрады.

Дирекция Русского Александровского театра была создана волей генерал-губернаторов из местных русских жителей, преимущественно из офицеров и чиновников, служивших в Гельсингфорсе, для наблюдения за антрепренерами. Непосредственным организатором театрального дела в провинции, а также в Гельсингфорсе, был антрепренер. Он получал здание бесплатно, нанимал труппу и распоряжался получаемыми сборами. Даже получив субсидию, антрепренер не имел никакой гарантии в том, что сборы окупят его затраты и обеспечат жалованье, назначенное нанятой труппе. «Каждое театральное дело неизбежно строилось на риске», — пишет О. М. Фельдман [2, с. 300]. В основном репертуар Русского театра в Гельсингфорсе состоял из тех же пьес, которые были представлены на столичных и провинциальных сценах. В зимний сезон в Гельсингфорсе Русский театр показывал около сорока представлений, а за три месяца игралось до ста разных пьес. В следующий сезон игрались уже новые спектакли.

Историк театра Ира Петровская пишет о репертуаре 1860-х гг., но ситуация не изменилась и на рубеже XIX–XX вв.: «В таких условиях обойтись только лучшими произведениями отечественной и зарубежной драматургии было невозможно. Сотни репертуарных пьес 1860-х гг. не нашли места в истории литературы, поскольку в них трудно обнаружить литературные достоинства. В то же время постановка многих из них становилась общественным событием» [3, с. 46].

Пестрота репертуара объяснялась многими причинами: провинциальные театры зависели от прибыли, которая обеспечивалась разнообразием репертуара.

Репертуар находился под надзором драматической цензуры, более придирчивой, чем цензура печати. Причины строгости цензуры исследователь объясняет так: «То, что круг театральных зрителей шире круга читателей толстых общественно-политических и литературных журналов, то, что благодаря игре актеров на сцене выявлялись идеи, которые остались бы незамеченными неискушенным читателем, заставляло контролировать репертуар со строгостью, значительно превышавшей строгость цензуры печати» [Там же, с. 38]. Таким образом, драматическая цензура в России имела особые правила и процедуру, отличные от цензуры литературных произведений. После цензурной реформы 1865 г. положение несколько облегчилось, когда драматическая цензура перешла во вновь учрежденное Главное управление по делам печати. Оно стало рассылать губернской администрации списки разрешенных и запрещенных пьес, как общее для всех руководство [Там же, с. 39]. Свой особенности были у цензуры в столицах и в провинции, хотя порядок цензурования пьес в провинции был формально таким же, как и общая театральная цензура. А. Я. Альтшуллер пишет: «Специальные параграфы цензурного устава и многочисленные циркуляры существовали лишь для национальных и народных театров. Однако на практике получилось так, что для провинциальных театров цензура оказывалась значительно строже, чем для столичной сцены. Пьесы, разрешенные для императорских театров, часто не могли получать доступа на сцену провинциального театра». Кроме того, многие спектакли запрещались местным начальством [4, с. 221–222].

Как мы увидим при анализе репертуара Русского театра в Гельсингфорсе, цензурные правила применялись по-разному в разное время.

«Устав» и «Договоры» Русского театра в Гельсингфорсе

Репертуар в Русском театре в Гельсингфорсе строился по тем же принципам, как и в других русских театрах Российской империи. Но имелись и отличия: труппы, гастролировавшие в провинциальных городах России, а также приехавшие из Петербурга, подчинялись, кроме общих правил драматической цензуры, также и решениям дирекции театра. Например, из архивного документа за 1896 г. следует, что в Гельсингфорсе соблюдали также указания циркуляров Министерства внутренних дел и Главного управления по делам печати с разрешениями и воспрещениями постановки пьес [5]. Как мы увидим из приводимых ниже документов и писем, дирекция театра соблюдала

общие правила цензуры, т. е. ежемесячно публикуемые [так в оригинале] в «Правительственном вестнике» списки пьес, разрешенных драматической цензурой к представлению.

Рассмотрим более подробно «Устав Русского театра в г. Гельсингфорсе» (1868), в котором были установлены полномочия дирекции театра и обязанности антрепренера и артистов [6]. По-видимому, для Гельсингфорса устав был составлен по образцу уставов русских провинциальных театров, уже устаревших. Как отмечает Фельдман, «печатные правила, выпускавшиеся почти каждой дирекцией и касавшиеся лишь вопросов дисциплины, уже в начале 60-х годов казались архаичными, пропитанными крепостническим духом» [2, с. 286]. Однако дирекция Русского театра в Гельсингфорсе соблюдала параграфы «Устава» в течение всей работы театра. Полномочия директоров под руководством генерал-губернатора определились в параграфе 1: «Управление русским театром в г. Гельсингфорсе в целом его составе, его помещением и имуществом, сосредоточивается в особой дирекции, находящейся под непосредственным наблюдением Генерал-губернатора Великого Княжества Финляндского, Графа Николая Владимировича Адлерберга и состоящей из директоров по приглашению Его Сиятельства».

В «Уставе» театра были особые параграфы, относящиеся к репертуару и обязанностям режиссера труппы. Приводим параграф 15: «Ни одна афиша, извещающая о предстоящем представлении, не может быть напечатана без предварительного разрешения дежурного директора, который дает это дозволение с ответственностью, подписывая лично проэскты [так в оригинале] афиш; на его же ответственности лежит наблюдение за точным исполнением цензурных правил о драматических представлениях, которыми он обязан неуклонно руководствоваться». Непосредственное соблюдение порядка возлагалось на ответственных лиц в параграфе 16: «Во время каждого театрального представления должны находиться дежурный директор и полицмейстер или назначаемый от него полицейский чиновник».

Как следует из «Устава», в обязанности режиссера труппы входило и составление репертуара, и соблюдение цензурных правил: «Инструкция Режиссеру Гельсингфорсского театра. (...) параграф 7: «[Режиссер] составляет двухнедельный репертуар, предположенных по игре пьес, представляет его дирекции, за три или более дня до означенного в нем первого спектакля и назначает репетиции и оповещает о них кого следует особыми записками». В параграфе 11 отмечено, что режиссер «ведет точный и полный каталог пьесам с указанием как вполне разрешенных для представлений, так и тех, в которых сделаны

цензурю пропуски и сокращения». Кроме того, режиссер был обязан познакомить директоров с пьесами и сообщать дирекции содержание предполагающихся к постановке пьес.

Помимо «Устава», деятельность антрепренера труппы актеров, приехавших в Гельсингфорс, оговорена в контракте, который антрепренер и директор Русского театра заключали до начала театрального сезона. В контракте договаривались об условиях бесплатной сдачи театра антрепренеру, уплате субсидии, составлении труппы, составлении репертуара и общем порядке в театре. Особое внимание было обращено на выбор репертуара в Русском казенном театре в городе, где русское население было в меньшинстве. В 1883 г. в контракте антрепренера актрисы Авдотьи Данилович был параграф 10: «При составлении репертуара, Я, А. Г. Данилович, обязуюсь соображаться с правилами цензуры и вместе с тем, имея в виду особое положение русского театра в Гельсингфорсе, где преобладает иноплеменное население — избегать всего того, что могло бы возбудить неприятные суждения» [7].

Те же условия повторялись в начале XX столетия. В контракте петербургского актера Сергея Витарского с дирекцией театра в сезон 1902/1903 г. был параграф 2: «...В течение вышеозначенного сезона обязываюсь ставить лучшие произведения драматического репертуара, для коих должен иметь собственные театральные костюмы. При составлении репертуара, кроме обязанностей соображать с правилами цензуры, я, Витарский, обязан иметь в виду особое положение русского театра в Гельсингфорсе, где преобладает иноплеменное население, а потому избегать всего того, что могло бы возбудить неприятные суждения. Самый же выбор пьес предоставляется мне, Витарскому, под мою личную ответственность, но Дирекция театра имеет право воспретить постановку таких пьес, которые, по ее мнению, неудобные, без объяснения причин такого запрещения» [8].

Большинство параграфов контракта остались неизменными. Например, в контракте на сезон 1917/1918 г. (не осуществился из-за политических изменений) антрепренера Зинаиды Малиновской и директора театра Дмитрия Скворцова, действительного статского советника, 17 декабря 1916 г. (ст. ст.) был параграф 13, в котором антрепренер обязан был предоставить репертуар на просмотр и утверждение дирекции за неделю до анонса, и он должен соблюдать в тексте пьесы изменения, сделанные дирекцией театра [9].

В Гельсингфорсе на выбор репертуара влияли и общие правила русской драматической цензуры, и местные правила в «Уставе». В следующем разделе нашей статьи рассматриваются решения дирекции театра и офицеров командного состава армии и флота по вопросам репертуара.

Пьесы Леонида Андреева и инсценировки повестей Александра Куприна в Русском театре Гельсингфорса

Рассмотрим судьбу некоторых пьес, связанных с эпохой первой русской революции и последовавшей за ней реакции.

Видное место в театральной жизни начала XX в. занимало творчество Леонида Андреева. Он был связан с демократическим направлением русской литературы и был членом горьковских «сред», участником сборников «Знание». Его пьесы привлекали внимание крупных режиссеров, К. С. Станиславского и В. Э. Мейерхольда. Приводим документы о разрешении и запрещении пьес Леонида Андреева в архиве Русского театра.

Две антирелигиозные пьесы Андреева — «Савва» и «Анатэма» — привлекли особенное внимание цензуры. Согласно положению о цензуре, принятому еще в 1865 г., запрету подвергались произведения, направленные против религии и церкви [10, с. 331].

Когда осенью антрепренер Зинаида Малиновская собиралась ставить пьесу Андреева «Савва» (1906), кажется невероятным, что она не знала об ее запрете в России, или, возможно, она предполагала, что в Финляндии не применялись русские цензурные правила. В этой пьесе ее главный герой Савва — анархист и «богоотступник». Савве современная жизнь кажется лживой во всех своих отношениях [11, с. 515]. Как увидим в случае с постановками пьес Горького, Малиновская отличалась смелостью в выборе репертуара.

Получив от антрепренера предварительный список репертуара, директор гельсингфорсского Русского театра Дидрихс послал в Главное управление по делам печати письмо от 13 ноября 1907 г., где он спросил, разрешен ли «Савва» Леонида Андреева к постановке. Ответ последовал 20 ноября 1907 г.: пьеса Андреева «не удобная к представлению на сценах» [12]. Вместо «Саввы» была поставлена другая пьеса Леонида Андреева «Жизнь человека» (21 ноября 1907 года и 15 декабря 1908 года). Аллегорическая пьеса была интересной новинкой прошлого сезона. Она дала возможность театральным экспериментам и была поставлена ведущими режиссерами — Мейерхольдом в Петербурге и Станиславским в Московском Художественном театре. Если «Жизнь человека» была принята как новое слово в русском театре, богоборческая пьеса «Савва» долго ждала выхода на сцену: она появилась в репертуаре только после отмены театральной цензуры. В декабре 1917 г. «Савва» был сыгран три раза в Гельсингфорсе петербургской труппой А. Нарова.

Новые затруднения с драмой Андреева постигли антрепренера в Гельсингфорсе в следующем сезоне 1909/1910 г. Философская дра-

ма «Анатэма» (1908) получила громкую известность после постановки в Московском Художественном театре. В сюжете драмы переплетены мотивы ранней христианской литературы и гностических учений. Анатэма — Сатана, главное действующее лицо драмы, — отвергает утвержденный миропорядок. Он проводит эксперимент с целью испытать и Бога, и человека; на какую меру добра и зла способен каждый из них. Церковная цензура быстро оценила подрывную силу пьесы Андреева. После того как она шумно прошла в нескольких театрах страны, она вскоре была запрещена к представлению [13, с. 68–69].

Когда решался вопрос о разрешении или запрете «Анатэмы», она готовилась к постановке в Гельсингфорсе, сообщили в журнале «Театр и искусство» осенью 1909 г. (№ 51, 1909). Но вскоре последовало известие о запрещении «Анатэмы». О запрещении писал корреспондент из Гельсингфорса в журнале «Театр и искусство» в марте 1910 г. Запрещение «Анатэмы» было одним из затруднительных условий работы в этом сезоне и одной из причин убытка, который антреприза Генбачева-Долина понесла. Но первой, очень важной причиной убытка являлось сокращение субсидии (от 15 000 до 11 000 фмк) [14, с. 227].

Временно ослабление цензуры с 1905 г. сказалось на репертуаре Александровского театра в Гельсингфорсе. Интересно следить за судьбой инсценировки повести А. Куприна «Поединок» (опубликована в сборнике «Знание» за 1905 год) в Александровском театре. По словам самого автора, канвой к повести служили «ужас и скука военной жизни» [15, с. 232]. Интересно, что инсценировка «Поединка» была поставлена в Александровском театре 27 января/5 февраля 1907 г.

Неудивительно, что через три года отношение к антимилитаристской повести Куприна изменилось. Следует отметить, что честь офицерства особенно брали под защиту в Русском театре в Гельсингфорсе, так как театр создавался на средства имперской казны как центр русской культуры для командного состава российских войск, дислоцированных в княжестве. «Именно образованная часть офицерства принимала самое живое участие не только в организации театра, но и в его последующей жизни», — пишет В. Суни [16, с. 201].

Сведения о запрете двух инсценировок по повестям Куприна «Поединок» и «Яма» в сезоне 1910/1911 г. содержатся в письме директора Александровского театра Д. Скворцова к генерал-губернатору Ф. А. Зейну в ноябре 1910 г. Письмо является ответом на письмо Зейна, где тот, видимо, спрашивал о порядке разрешения пьес в репертуаре театра: «В исполнение всего имею честь почтительно донести

Вашему Высокоблагородию, что объявление об имеющихся в списке, полученном с антрепризы пьесах, не является доказательством того, что все эти пьесы будут непременно поставлены. Обыкновенно за неделю до постановки определенного, предложенного антрепренером спектакля пьеса проверяется дирекцией и, в случае признания ее по местным условиям несоответственной, не разрешается к постановке, хотя бы она в рекламной афише была анонсирована в массе других. Так, распоряжением Дирекции с 21 ноября изъята из репертуара пьеса “Яма”, как “несоответственная по своей обстановке” [так в оригинале], равно и пьеса “Поединок”, признанная Дирекцией к постановке нежелательной, в виду ее предвзятого направления, хотя и она была дана в Александровском театре 27 января 1907 г.» [17].

Практика цензуры в Александровском театре подтверждает наблюдение историка русского театра: «Разрешение или запрещение всего репертуара в целом находилось в зависимости от произвола губернатора, полицеймейстера и других представителей местной власти» [4, с. 239].

Так как в архиве Русского театра в Гельсингфорсе имеется мало документов о цензуре, трудно установить, в силу каких распоряжений отношение к роману Куприна, весьма критически изображающему русских офицеров, изменилось после 1907 г. По имеющимся данным, цензура усилилась в 1910-е гг. Так, за 1913 г. в архиве театра хранится дело «О запрещении ставить на сцене театра пьесы, неблагоприятно отражающиеся на поддержании дисциплины в войсках и роняющие престиж офицера» [18]. Как отмечает один из исследователей, «решая судьбу той или иной пьесы, цензоры руководствовались положением о цензуре, принятым еще в 1865 г. и дополненным множеством циркуляров, изданных Главным управлением по делам печати. Все эти распоряжения, формально отмененные временными правилами о цензуре 24 ноября 1905 г., продолжали, однако, действовать и позже, как это видно из практики театральной цензуры в 1905–1907 годах» [10, с. 331].

По соображениям защиты моральных ценностей было запрещено к постановке другое сочинение Куприна — инсценировка повести «Яма» (1909). Куприн ставил перед собой высокую цель — помочь обществу очиститься от проституции. В дирекции Александровского театра пьесу сочли неудобной, так как спектакли посещались русскими военными с семьями.

Возвращаемся к драме Леонида Андреева. Приводим дискуссию о социально-бытовой пьесе «Дни нашей жизни» (1908), которая,

так же как "Gaudeamus" (1909), по словам Т. Родиной, рисует «жизненную пошлость, бессмысленную растрату сил, юности, чистоты, обе отражают тоску по более идеальным и красивым человеческим отношениям». Публика принимала эти пьесы охотно, особенно «Дни нашей жизни» [13, с. 69].

Сценическая история «Дней нашей жизни» (опубликована в сборнике «Знание» за 1908 год) сложная. В Петербурге она пользовалась успехом: в сезон 1908/1909 г. в Новом театре она была сыграна более семидесяти раз. Мнения о «Днях нашей жизни» резко расходились. Александр Блок отзывался о пьесе отрицательно: «...Плоская фотография, наглый пессимизм». Но критик Александр Кугель видел в ней трагедию повседневности: «Человеческая потенция, возможность героев пьесы гораздо выше и лучше, и чище, и красивее того, во что обращают их дни нашей жизни». Любопытно отметить в связи с судьбой пьесы в Гельсингфорсе, что московское начальство усмотрело в пьесе стремление противопоставить студенчество офицерству и «возбудить в публике сочувствие, с одной стороны, к так называемому интеллигентному пролетариату и враждебное отношение, с другой стороны, к офицерской среде». Следовательно, в Москве подпоручик Миронов был обращен в штатского [19, с. 355].

В Гельсингфорсе, на волне успеха пьесы в том же сезоне 1908/1909 г., «Дни нашей жизни» были показаны труппой Малиновской с участием известной молодой актрисы Е. А. Полевицкой [20]. В эти годы Полевицкая завоевала репутацию первоклассной драматической актрисы и потом прославилась в Москве.

Однако через четыре года в Гельсингфорсе, в среде русского командного состава «Дни нашей жизни» встретили уже более строго, и выдвигались аргументы, повторяющие доводы московского начальства. После спектакля труппы петербургской актрисы Марии Трояновой пьесу «Дни нашей жизни» 17 ноября 1912 один из армейских командиров, барон А. Ф. Бринкен послал письмо-протест генерал-губернатору Зейну, желая защитить престиж офицеров и охранить семьи офицеров от теневых сторон жизни. Бринкен писал: «В этой пьесе попадают такие места: 1) Вдова офицера, получающая ничтожную пенсию, торгует своей дочерью и продает ее офицеру, который ее и уводит. 2) Офицер, не желая пьянствовать один, приглашает к себе для компании студентов. <...> Принимая во внимание, что главную массу публики Александровского театра составляют офицеры с семьями, матросы и нижние чины, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, не признаете ли возможным установить какие-либо меры, дабы подобные пьесы, неблагоприятно отражающиеся

на поддержании дисциплины в войсках и роняющие престиж офицера, не появлялись на сцене местного театра. Барон А. Ф. Бринкен» [21].

Ответ генерал-губернатора неизвестен. Однако на представлении в ноябре 1913 г. пьеса Андреева заинтересовала не только русскую публику, но и местную финскую. Примечательно, что пьеса «Дни нашей жизни» шла с успехом в финских театрах. Об интересе финских зрителей к русскому спектаклю — довольно редком явлении — писали в петербургском журнале «Театр и искусство». «Уже на открывшей сезон 1912/1913 г. премьеры “Дней нашей жизни” Леонида Андреева, поставленных труппой М. Э. Трояновой, присутствовало много финнов и шведов, большая часть которых или совсем не понимала по-русски, или понимала очень плохо» [22]. Речь шла не о премьеры сезона, а о второй постановке труппы 17 ноября, но сам факт присутствия финской публики на русском спектакле примечателен. Следует отметить, что пьеса «Дни нашей жизни» пользовалась успехом в театрах Финляндии в 1910–1920-е гг. Вторую социально-бытовую пьесу Андреева “*Gaudeamus*” («Старый студент») играла труппа Трефилова в декабре 1910 г.

Как следует из приведенных документов, в Гельсингфорсе создавалась аналогичная с русской провинцией ситуация, а также и с ситуацией в столицах. На наш взгляд, выбор репертуара осуществляли хотя и по правилам русской цензуры, но часто без закономерностей, почти произвольно. Важнейшим критерием разрешения пьесы являлось соответствие требованиям морали и чести граждан, особенно офицеров.

Инсценировки романов М. Арцыбашева «Санин» и «Закон дикаря»

В одном известном нам случае попытка военного начальства запретить пьесу была основана на полном неведении о тексте предполагаемого представления. Так случилось с инсценировкой нашумевшего романа Михаила Арцыбашева «Санин».

Согласно договору, антрепренер предлагал дирекции список предполагаемых к постановке пьес. Так, антрепренер С. Трефилов заявлял в письме к дирекции 22 ноября/5 декабря 1910 г. (всего только за день до первого спектакля!): «Предполагается к постановке пьесы: Во вторник 23 ноября “*Gaudeamus*” (“Старый студент”) Л. Андреева. В пятницу 26 ноября “Как жить” из романа Арцыбашева “Санин” и “Забубенная головушка” Кареева». Как видно из этого письма Тре-

филова, его труппа собиралась играть не только современный репертуар, но и классику: на 5 декабря был назначен «Гамлет» [23].

Естественно, что эти сведения о репертуаре труппы Трефилова стали известны чиновникам канцелярии генерал-губернатора и армейскому начальству. Это следует из «секретного письма» директора канцелярии к директорам Русского театра от 27 ноября 1910 г. (ст. ст.): «Начальник Штаба 22 Армейского корпуса препроводил переписку по возбужденному военным начальством вопросу о запрещении к постановке в местном театре пьес “Санин” Арцыбашева и “Поединок” Куприна ввиду их тенденциозного направления, затрагивающего достоинства офицеров русской армии. Вполне разделяя приведенное мнение военных властей, Генерал-Губернатор приказал об изложенном поставить Вас в известность, с донесением о последующем. Директор Канцелярии» [24].

Директор Александровского театра Д. Скворцов прочел инсценировку романа Арцыбашева и ответил начальнику штаба перед спектаклем: «Не вдаваясь в оценку художественной стороны переделки, в смысле нравственности не нахожу ничего в них предосудительного и даже склонен считать ее поучительной и освежающей при кошмаре современных самоубийств». Скворцов излагал сюжет пьесы и писал, указав на ее разрешение к постановке: «Действие протекает в помещицкой среде, военных нет, фамилий из романа “Санин” тоже нет. Пьеса цензурованная и разрешенная к постановке (Правительственный Вестник. 1910 г. № 182)» [25]. Вопрос был решен, и, благодаря осведомленности директора театра, «Санин» был показан в Александровском театре 26 ноября/9 декабря под названием «Как жить?».

В тот же день Скворцов писал генерал-губернатору Зейну, выясняя особые театральные условия, при которых не все намерения антрепренера осуществились по первоначальному плану. Как уже отмечалось, из этого письма следует, что сочинения Куприна подвергались цензуре: «В исполнение всего имею честь почтительно донести Вашему Высокоблагородию, что объявление об имеющихся в списке, полученном с антрепризы пьесах, не является доказательством того, что все эти пьесы будут непременно поставлены. Обыкновенно за неделю до постановки определенного, предложенного антрепренером спектакля пьеса проверяется дирекцией и, в случае признания ее по местным условиям несоответственной, не разрешается к постановке, хотя бы она в рекламной афише была анонсирована в массе других. Так, распоряжением Дирекции с 21 ноября изъята из репертуара пьеса “Яма”, как несоответственная по своей обстановке, равно и пьеса “Поединок”,

признанная дирекцией к постановке нежелательной, в виду ее предвзятого направления, хотя и она была дана в Александровском театре 27 января 1907 г.» [26].

Пророческим оказалось мнение Скворцова (основанное на опыте театральной жизни) о том, что «объявление об имеющихся в списке, полученном с антрепризы пьесах, не является доказательством того, что все эти пьесы будут непременно поставлены»: назначенный на представление в декабре «Гамлет» так и не был поставлен; вместо него шла пьеса модного французского драматурга В. Сарду.

Переписка по поводу разрешения пьес снова возникла в Гельсингфорсе, когда предлагали к постановке пьесы, затрагивающие достоинства офицеров русской армии и флота. В «Финляндской газете» о цензуре, естественно, ничего не писали, но в Петербурге в журнале «Театр и искусство» местный корреспондент из Гельсингфорса сообщал о театральных делах. В сезоне 1913/1914 г. материальный успех труппы Марии Трояновой был хорошим, но «в смысле постановки пьес дела обстоят не очень хорошо». Корреспондент писал: «Выбор репертуара позволяет тоже желать лучшего, хотя тут вина антрепризы умаляется вмешательством администрации — взяты, например, с репертуара “Частное дело”, “Моряки”, а приготовленную на 14 ноября пьесу “Золото” не позволили ставить в Царский день, и ее пришлось наспех заменить заграничным фарсом “Нож моей жены”» [27]. О том же писали и в московском журнале «Рампа и жизнь» (1913, № 48). По всей вероятности, популярная драма В. И. Немировича-Данченко «Золото» (1895) не подходила торжественному настроению царского дня: она была сатирической картиной современного общества. В этом случае дирекция театра и командный состав русской армии выступали с большой осторожностью.

Цензура усилилась в начале Первой мировой войны. Следующие архивные документы о цензуре относятся к сезону 1915/1916 г. и свидетельствуют о том, как осуществили «фактическую цензуру» драматического представления в Гельсингфорсе. Речь идет о драме «Закон дикаря» (1915) Арцыбашева. Скандально прославленный автор романа «Санин» Арцыбашев представлял «физиологическую драму», содержанием которой было столкновение неуправляемых людских инстинктов, чаще всего «яркого мужского начала» с изначально порочным женским естеством, характеризует исследователь этот жанр новой драмы [28, с. 485].

В Петрограде в этом сезоне «Закон дикаря» имел скандальную славу в театре известной актрисы Лидии Яворской [19, с. 404]. Естественно, что антрепренер Александровского театра Николай Шухмин

захватил нашумевшую новинку в свой репертуар в Гельсингфорсе. После представления Шухминым директору театра Скворцову репертуарного плана, в который вошла пьеса «Закон дикаря» в ноябре 1915 г., Скворцов, познакомившись с пьесой (она была издана в Москве в 1915 г.) и знавший о ее постановке в Петрограде, решил принять предохранительные меры. Скворцов писал В. Ф. Побоевскому (видимо, армейскому командиру): «В ближайшем будущем предположено поставить во вверенном мне театре прилагаемую пьесу Арцыбашева “Закон дикаря”. Принимая во внимание, что в ней значительная роль отведена лицу офицерского звания, при несколько исключительной обстановке всей пьесы, имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать почтить меня отзывом, не встречается ли с вашей стороны препятствий к постановке этой пьесы на сцене Александровского Русского театра. К изложенному обязываюсь сокупить, что эта пьеса беспрепятственно идет в Петрограде, и лично я особых оснований к устранению ее со здешней сцены не усматриваю» [29].

По прочтении пьесы Арцыбашева В. Ф. Побоевский обратил внимание на неуважительное отношение автора к офицерам и, поработав с карандашом над текстом пьесы, несколько сократил его. О своей «редактуре» Побоевский писал Скворцову в следующий день и возвращал исправленный текст пьесы: «Ознакомившись с пьесой “Закон дикаря”, я нахожу, что она может быть поставлена на сцене Александровского Русского театра, если в ней сделать две небольшие купюры, а именно во втором акте, на стр. 27, выпустить две строки, зачеркнутые мной синим карандашом, и в 5 акте, на стр. 3, вычеркнуть вовсе несколько слов и заменить их, может быть, так, как наметил тоже синим карандашом. Я нахожу, что выражения эти, допущенные автором, несправедливы и обидны в отношении офицеров» [30].

Итак, армейское руководство пользовалось правом охранять честь офицеров, включая и сцену Александровского театра. По следующим документам видно, как осуществлялся контроль за сценическим истолкованием пьесы непосредственно во время представления. В Гельсингфорсе, так же как и в провинции, отсутствовала так называемая “фактическая” театральная цензура, созданная в 1901 г. с целью контроля за сценическим истолкованием пьес; эту функцию выполняли здесь полицейские чины, зачастую ничего не понимавшие в театре» [4, с. 251]. Функцию контролера за текстом и исполнением в Гельсингфорсе выполняли офицеры, не только члены дирекции театра, но и армейское руководство, желающее защитить честь русской армии. В Гельсингфорсе «Закон дикаря» разрешили с исключениями в тексте, дополнительно к тем купюрам, с которыми ей дали разрешение к постановке в Петрограде.

Видимо, антрепренер рассчитывал на второе представление нашу-мевшей пьесы Арцыбашева. Это следует из письма Скворцова: перед премьерой пьесы 8/21 января 1916 г. он послал Побоевскому два бесплатных билета в первый ряд партера «на случай, если бы Вам или Вашим знакомым угодно было посетить Театр и, ввиду возможности вторичной постановки пьесы, высказать свое мнение под впечатлением наблюдения за реальным ходом пьесы» [31]. Пьеса «Закон дикаря» шла второй раз 16/29 февраля 1916 г.

Что касается другой пьесы Арцыбашева «Война» (1914), то она не получила разрешения к постановке до отмены театральной цензуры в 1917 г. Антивоенная пьеса выражала отношение Арцыбашева к мировой войне, которую он назвал «катастрофой всей культурной работы человечества [альманах «Война», 1914], но с фаталистической точки зрения “борьбы за существование” писатель отстаивал “войну до победного конца”» [15, с. 115]. В Москве пьеса Арцыбашева «Война» была снята по приказанию военных властей в сезон 1914/1915 г. Только после отмены цензуры в 1917 г. она была поставлена в Гельсингфорсе (сезон 1917/1918 г.).

Как было отмечено, в основном репертуар Русского театра в Гельсингфорсе складывался из тех же пьес, которые попали и на столичные сцены. Но имелись и отличия. Русскому театру в Гельсингфорсе разрешались не все произведения, появившиеся в столицах. Строго определялся репертуар в праздничные дни (царский день). Особенно следили за пьесами, затрагивающими честь русской армии.

Пьеса С. Юшкевича «Король»

Серьезные общественные вопросы затрагивали и другие пьесы начала века, в особенности драматургов группы «Знание». В Гельсингфорсе были поставлены пьесы С. Найденова, С. Юшкевича и Е. Чирикова.

Посмотрим, как сложилась сценическая судьба пьесы Сергея Юшкевича «Король» (опубликована в 1906 г. в сборнике «Знание»). Через три месяца после публикации она была запрещена к представлению. Здесь показана борьба рабочих-забастовщиков с капиталистом Гросманом, владельцем крупной мукомольной фабрики, причем руководителем рабочих является сын хозяина. Конфликты пьесы поднимаются на уровень политических споров, столкновения идеологических позиций. На сцене люди разных социальных групп, разных интересов. С трудом пьеса прошла цензуру [13, с. 61]. В рапорте цензора заявлялось: «Такого рода пьесу нельзя ни в коем случае разрешать к представлению, так как даже при

переделке этой пьесы путем одних исключений или смягчений резких мест можно всегда ожидать, что ее используют с агитаторской целью» [32, с. 256]. В 1907 г. пьесе разрешили с исключениями в тексте. Несмотря на разрешение, «Король» был запрещен в императорском Александринском театре в Петербурге; пьеса была поставлена только по просьбе ведущей актрисы театра Марии Савиной.

Несмотря на запрет в императорском театре, в декабре 1907 г. «Король» шел в казенном театре Гельсингфорса, но с измененным финалом. Кто приложил «красный карандаш» к тексту пьесы, неизвестно. Вероятно, опасения возникли после недавнего Свеаборгского восстания (1906 г.) по поводу изображения мятежа и рабочего движения. Спектакль в Александровском театре был «исключительно интересным, и актеры прекрасно играли», писал критик Владимир Лебедев в «Финляндской газете». Пьеса имела успех, особенно второй акт, который режиссер Висковский поставил великолепно. Здесь «происходит сходка рабочих, раздаются горячие речи о тирании капитала, звучит объединяющий призыв всемирного рабочего братства» [33].

Пьеса шла с купюрами, как следует из заметки журнала «Театр и искусство» (1908, № 6). В заметке писали: «Конец изменен по приказу начальства: Король — Гросман в финале умирает». Видимо, такой финал подчеркивал опасность центрального конфликта отцов и детей (по мнению Лебедева), а также предупреждал о вредности забастовок, устраиваемых «товарищами», так как старик Гросман, «король» по капиталу и власти, не выдержал насилия над собой и поджога своей мельницы бунтовщиками и умер от удара. Как уже было отмечено, к Русскому театру в Гельсингфорсе применялись и общие в империи правила, и особые решения, которые диктовались мнениями местного военного начальства и чиновников.

После Февральской революции предварительная цензура была отменена. Осенью 1917 г. труппа Нарова включила в репертуар Гельсингфорсского театра ранее запрещенные пьесы. В сезон 1917/1918 г. были показаны «Савва» Л. Андреева, «Черные вороны» В. Протопопова, «Павел I» Д. Мережковского, «Царь Иудейский» К. Романова, «Война» Арцыбашева и «Яма» Куприна.

Как действовала цензура в Териоки, на финской территории вблизи Петербурга

В среде русских артистов и критиков сложилось мнение, что в Великом княжестве театры пользовались исключительными правами ставить

запрещенные в России пьесы. Летом 1907 г. театр актера В. Гардина в курортном городе Териоки (ныне — Зеленогорск) вблизи Петербурга известный критик А. Кугель называл «театральным порто-франко». Но вряд ли можно согласиться с мнением историка театра, что «на территории Финляндии не действовали правила русской цензуры и можно было напечатать любую напечатанную пьесу» [19, с. 339].

В. Гардин в воспоминаниях дает более точные сведения о попытках пробить запрещенные пьесы к постановке в Териоки. Иногда это ему удавалось, но когда летом 1907 г. он попытался, после неудачи в Петербурге, поставить пьесу «Враги» Горького в Летнем театре в Териоки, финская полиция запретила спектакль [34, с. 187–188]. Причиной запрета был, естественно, запрет пьесы к постановке в России. В другой книге воспоминаний Гардин рассказывает о том, как после объявленных спектаклей по запрещенным пьесам «Ткачи» немецкого драматурга Г. Гауптманна и «Саломея» Оскара Уйяльда было дано распоряжение об аресте, о чем Гардина предупредил финский чиновник териокской полиции, и артист успел выехать в Гельсингфорс [35, с. 82].

Репертуар русских театров на территории Финляндии подчинился правилам цензуры в Российской империи с некоторыми исключениями. Особо строго за репертуаром следили в Русском казенном театре Гельсингфорса.

Первые представления драматургии Максима Горького в Русском Александровском театре

В 1900-е гг. пресса проявляла большой интерес к творчеству Горького, появилось много рецензий о его произведениях. «Самое существенное значение в жизни провинциального театра эпохи первой русской революции имели пьесы великого пролетарского писателя Горького», — пишет историк театра А. Я. Альшутлер.

«Огромный успех горьковских спектаклей в годы Первой русской революции часто побуждал антрепренеров из-за “кассовых” соображений настойчиво обращаться за разрешением постановок пьес Горького. Пьесы Горького наверняка обеспечивали полный сбор, они могли поддержать пошатнувшиеся дела любой антрепризы» [4, с. 235, 249]. Как известно, первые пьесы сразу были переведены на иностранные языки и с успехом ставились за рубежом.

В Гельсингфорсе в 1900–1917 гг. выходила официальная русская газета — «Финляндская газета». В отличие от русской провинциальной прессы, в «Финляндской газете» о Горьком, его жизни и творчестве

было запрещено писать, но постановкам его пьес уделялось много места. О редакторской политике русской прессы, в частности «Финляндской газеты», пишет финский исследователь Тайми Торвинен [36, р. 241–258]. Рецензии в «Финляндской газете» появлялись без подписи, таким образом, они были «от редакции» и представляли линию газеты, но выражали и частное мнение критики. Рецензентом был Владимир Петрович Лебедев (1869–1939), поэт, прозаик и переводчик. В 1900–1910 гг. Лебедев был ближайшим сотрудником, а в 1907, 1909–1910 гг. — редактором «Финляндской газеты». Наряду с театральными рецензиями, этнографическими и историческими статьями он помещал здесь переводы произведений финских и шведских беллетристов [15, с. 296].

Рецензии Лебедева впервые приводятся нами, они представляют несомненный интерес.

Анализ всех горьковских спектаклей не входит в задачу нашей статьи, рассмотрим только некоторые спектакли начала века. Творчество Горького было впервые представлено на сцене Гельсингфорса зимой 1902 г. инсценировкой романа «Фома Гордеев». Драма в шести действиях и семи картинах В. Евдокимова была сыграна труппой известной петербургской актрисы Надежды Васильевой 13/26 февраля 1902 г. в бенефис Муравлева. Театр был полон. Кроме Муравлева, в труппе были и другие духовно близкие Горькому актеры. Пьеса была поставлена и исполнена «весьма старательно и в общем удачно», и артисты заслужили похвалу за исполнение ролей. В сезон 1901/1902 г. в труппу Васильевой входили некоторые талантливые артисты, среди них был Д. И. Басманов, провинциальный артист и антрепренер. Басманов с увлечением сыграл роль Николая Ежова, который, по мысли автора, должен был явиться представителем правды, мысли и знания, едва ли не прообразом самого автора [37].

«Фома Гордеев» открыл двери Горькому в театрах Финляндии. С 1903 г. последовали постановки «Мещан» и «На дне» не только в Русском театре, но и на финском и шведском языках на сценах Гельсингфорса, а также и в других городах Финляндии.

После публикации первой пьесы Горького «Мещане» (1902) и ее премьеры в Московском Художественном театре интерес к ней все более усиливался, и антрепренеры упорно стремились добиться разрешения пьесы. «Мещане» были разрешены к постановке на сценах провинциальных театров «по ходатайству в каждом отдельном случае». 12 октября 1902 г. Главное управление по делам печати разослало губернаторам новый циркуляр, всячески настаивая на ограничительных мерах по отношению к пьесе в провинциях [4, с. 237]. Тем не менее с начала мая 1902 г. «Мещане» ставились во многих городах России, а через полгода,

в самом начале 1903 г., — в Гельсингфорсе. Есть сведения о том, что первая постановка «Мещан» в Финляндии состоялась в Выборге труппой С. А. Катарского еще до октября 1902 г. Катарский, в следующем сезоне уже антрепренер Елецкого театра, представил полицеймейстеру афиши на постановку этой пьесы в Перми и в Выборге [Там же, с. 238].

О спектакле в Александровском театре критик Владимир Лебедев писал в рецензии, в которой сочеталась «официальная» оценка «модного» писателя, «певца босяков», сомнения о его драматургическом таланте с неподдельным интересом к темам и типам пьесы: «Собственно говоря, это вещь совершенно несценичная, потому что в ней совсем нет никакой обычной драматической завязки. Все дело вертится на “умных” разговорах за обеденным или чайным столом». Тем не менее пьеса, не завлекая зрителя сценическими эффектами, заставляла заинтересоваться ею и подумать над ней.

В заключение Лебедев отметил, что пьеса М. Горького принадлежит к «новым пьесам», так же как и пьесы Чехова. Следует отметить, что в 1899 г. все главные пьесы Чехова были поставлены в Гельсингфорском Русском театре. «Это — “драмы души”, где все построено на смене чувств и ощущений, переживаемых действующими лицами» [38].

Сезон 1905/1906 г. был настоящим «горьковским сезоном» в Александровском театре. Труппа петербургского актера Сергея Трефилова показала пять пьес — «Дачники», «На дне», «Дети солнца», «Мещане», «Варвары» — и инсценировку «Трое». Осенне-зимний «горьковский сезон» проходил в русле нормальной театральной работы: Русский театр показал не меньше шестидесяти пьес. За три месяца (14 ноября 1905 — 25 февраля 1906 г.) было дано сорок три представления, из них двадцать девять драм, было сыграно много одноактных комедий и фарсов. Как уже отмечалось, в таких условиях обойтись только лучшими произведениями отечественной и зарубежной драматургии было невозможно¹.

¹ В течение сезона труппа Трефилова дала не только драмы Горького и писателей его группы, С. Найденова и Е. Чирикова, а также пьесы А. Островского, А. Сумбатова, Е. Дубельд, Ф. Сологуба, А. Косоротова. Были поставлены одноактные пьесы и комедии В. Базарова, И. Коньча, Смолякова, С. Трефилова, фарсы М. Балущкого, И. Мясницкого, А. Биссона, А. Крюковского, А. Залесова, Г. Максимова, Д. Ленского, И. Щеглова, В. Казанского, С. Ленни, А. Лангера, В. Туношенского, О. Метенера, С. Сабурова, И. Булацела, Л. Иванова, показали и «Обозрение Гельсингфорса». Были поставлены современные пьесы А. Чехова, И. Потапенко, А. Суворина, В. Бярятинского, И. Коньча, В. Трахтенберга, А. Свирского, В. Евдокимова. Из классиков шли комедии Гоголя, а также «Гамлет» и «Шейлок» («Венецианский купец») Шекспира, первый акт Шиллера «Дона Карлоса». Из современных западных авторов были представлены Э. Золя, Г. Зудерманн, Г. Бар. В сезон 1905/1906 г. гастролеровали две труппы петербургской оперетты и два артиста балета Мариинского театра.

На фоне развлекательного репертуара выделились пьесы Горького: «С нарастанием революционных событий интерес к произведениям Горького все более и более увеличивается» [4, с. 245]. Деятельность Горького и представления его пьес вызывали громкие отклики. В Гельсингфорсе «Дачники» были сыграны 10/23 ноября 1905 г. труппой петербургского антрепренера Сергея Трефилова при полном зале публики. Четвертая пьеса Горького «Варвары» (1905) была поставлена в Русском театре Гельсингфорса через шесть месяцев после того, как она была разрешена к постановке цензурой драматических сочинений, в декабре 1906 г. Новые постановки доказали, что творчество Горького прочно вошло в русскую литературу и театр.

Запрещенная драма «Последние» в Гельсингфорсе

«В период политической реакции пьесы Горького или вовсе выпадают из репертуара, как это происходит с пьесами об интеллигенции (“Дачники”, “Дети солнца”), или оттесняются на второй план (“Мещане”, “На дне”)» [39, с. 67–68]. Что же касается новых горьковских пьес, то некоторые из них прямо запрещаются цензурой, ибо говорят о страхе власти перед революцией и о неизбежности нового революционного взрыва; такая пьеса была «Последние». Судьба новых произведений Горького была трудной, пишет Т. М. Родина и сообщает, что драма «Последние» (1908) решительно запрещается к постановке в России (в 1910 г. она идет на немецком языке в театре известного режиссера Макса Рейнгардта в Берлине) [12, с. 53].

Несмотря на запрет, «Последние» были поставлены в Гельсингфорсе в феврале 1909 г. труппой З. А. Малиновской. Бывшая артистка Императорских театров, энергичный антрепренер Зинаида Малиновская держала антрепризу в Гельсингфорсе в течение двух зимних сезонов 1908/1910 гг. В те годы Малиновская работала и в других казенных театрах России: в сезон 1907/1908 г. она держала антрепризу в Виленском и Оренбургском казенных театрах. В 1908–1910 гг., одновременно с Александровским театром, она руководила и другим казенным театром — в Вильне. Муж Малиновской, актер Вронченко-Левицкий, вел дела в Гельсингфорсе в ее отсутствие. В труппу входили талантливые опытные артисты, а также молодые, в частности будущая знаменитость русской сцены Полевицкая.

Пьесу «Последние» Малиновская впервые поставила в Ташкенте в 1908 г., еще до ее запрета к постановке. Каким образом Малиновской удалось обойти запрещение горьковской пьесы в Гельсингфорсе,

неизвестно, но она сумела, видимо, «пробить» ее в силу первой постановки в России и повторить эту постановку. Объявление о спектакле «Последние» появилось в «Финляндской газете» в день спектакля 25 января/7 февраля 1909 г.

Несмотря на привычную и почти «обязательную» отрицательную критику драматургии Горького в русской официальной газете, Лебедев дал пьесе высокую оценку, так как она произвела на него сильное впечатление. «Можно сказать, что в этой вещи Горький более чем в других пьесах считается с некоторой последовательностью действия, даже что-то похожее на фабулу пьесы. Но главный интерес лежит, конечно, в свойственной автору меткой и живой отделке типов, благодаря чему от пьесы веет какой-то самодовлеющей цельностью. Центральный тип — бывший полицеймейстер Иван Коломийцев, личность, изображенная автором в чрезвычайно густых тонах». Эту отрицательную роль с большим старанием и с достаточным успехом исполнил ведущий актер труппы Тройницкий: «При ярком, хотя не особенно тонком внешнем облике, г. Тройницкий, по нашему мнению, мало вник в душевную глубину данного персонажа. У артиста Иван Коломийцев часто был комичен, когда на самом деле он — чисто трагическое лицо». Возможно, играть полицеймейстера перед избранной военной публикой в Гельсингфорсе оказалось нелегко.

Критик перечислял всех артистов, оценивая исполнение роли. Из большого числа исполнителей назовем только впоследствии известную петербургскую актрису Е. Полевицкую, которая начала свою карьеру в провинции: «Прелестная Вера — г-жа Полевицкая, рассыпавшая искорки воодушевленной игры по всей роли. Сцены с околоточным Якоревым были проведены превосходно». В заключении критик писал: «Пьеса Горького понравилась публике. Это интересная вещь и сыграна у нас очень интересно» [40].

Последней горьковской пьесой, поставленной в Гельсингфорсе в начале XX в., была «Васса Железнова» (1910, сборник «Знание», СПб.; в том же году пьеса вышла отдельной книгой в Берлине). Главная героиня — владелица паровой компании. Характер Железновой весьма сложный и для исполнительницы далеко не легкий, писал Вл. Лебедев. В Гельсингфорсе «Васса Железнова» была представлена 31 января/13 февраля 1912 г. труппой артистов под управлением Владимира Генбачева-Долина в бенефис Н. А. Зотиковой. Публика собиралась на спектакль в ограниченном числе. Критик писал о пьесе, которая рассказывает о распаде семьи, исходя из убеждения, что «Горький, как известно, весь свой талант изоощряет исключительно почти на типах отрицательных, ненормальных, больших, безвольных

или до мозга костей нравственно испорченных». По мнению критика, «автор выставляет Железнову, обладающую крупным характером, но с исковерканными моральными понятиями, не останавливающуюся ни перед чем, даже тяжким преступлением, лишь бы достигнуть намеченной цели». Бенефициантка прекрасно справилась с тяжелой ролью: «Железнова в исполнении г-жи Зотиковой явилась живой, со всеми ее недостатками, преступной совестью, но и с теми добрыми началами, которые вложены Творцом в душу каждого человека». Спектакль прошел удачно. Среди других актеров «хорош был Прохор Железнов, брат Вассы, в исполнении артиста Императорских театров г. Лукашевича» [41].

Русский Александровский театр в Гельсингфорсе активно представлял современную русскую драматургию, несмотря на запреты, и местные критики положительно отзывались о ней. Актуальные темы в произведениях Леонида Андреева, писателей группы «Знание» и, в частности, драмы Горького нашли отклик в сердцах и исполнителей, и зрителей. Иногда актеры давали смелые и оригинальные сценические образы, которые, возможно, стали известными и финским зрителям, которые видели те же пьесы на своем родном языке. Несмотря на то что цензурование пьес для Александровского театра в Гельсингфорсе велось в тесной связи с правилами театральной цензуры и особыми правилами казенных театров, а также и членами местной дирекции и офицерства, репертуар театра был достаточно разнообразным и актуальным.

Литература

1. *Бюклинг Л.* Из истории Русского театра в Гельсингфорсе // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей. СПб., 2011. Вып. 6.
2. *Фельдман О. М.* Провинциальный театр. История русского драматического театра: В 7 т. Т. 5: 1862–1881 / Ред. колл.: Ю. А. Дмитриев, Т. М. Родина, О. М. Фельдман, Е. Г. Холодов (главный редактор), Т. К. Шах-Азизова. М.: Искусство, 1980.
3. *Петровская И.* Театр и зритель провинциальной России. Л.: Искусство, 1979.
4. *Альтшуллер А. Я.* Провинциальный театр в период первой русской революции // Первая русская революция и театр: Статьи и материалы. М.: Искусство, 1956.
5. *Дело* Дирекции Александровского русского театра № 95. С циркулярами Министерства внутренних дел и Главного управления по делам

печати с разрешениями и воспрещениями постановки пьес. Начато 16.4.1896. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 95.

6. *Устав* Русского театра в г. Гельсингфорсе. Гельсингфорс, в Типографии Финского Литературного общества, 1868 г. 29 стр. Национальная библиотека Финляндии.

7. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 59.

8. *Контракт* Сергея Витарского с дирекцией театра, 14.5.1902. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 147.

9. *Контракт* З. Малиновской и Д. Скворцова, 17.12.1916 г. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 418.

10. *Цинкович В.* Рапорты театральной цензуры в годы первой русской революции. Первая русская революция и театр. М., 1956.

11. *Муратова К. Д.* Леонид Андреев — драматург // История русской драматургии. Вторая половина XIX — начало XX века, до 1917 г. Л.: Наука, 1987.

12. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 214.

13. *Родина Т. М.* Репертуар. История русского драматического театра: В 7 т. Т. 7 / Ред. колл.: Ю. А. Дмитриев, Т. М. Родина, О. М. Фельдман, Е. Г. Холодов (главный редактор), Т. К. Шах-Азизова. М.: Искусство, 1987.

14. *Театр* и искусство. № 10. 7 марта 1910.

15. *Лукин В. М., Лебедев В. П.* Русские писатели (1800–1917): Биографический словарь: В 5 т. Т. 3. М.: Большая рос. энцикл., 1994.

16. *Суни Л. В.* Рецензия на книгу Л. Бюклинг: *Yuckling Liisa, Keisarinajan kullisseissa. Helsingin Venäläisen teatterin historia (1868–1918)*. Helsinki: SKS, 2009 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 1 (114).

17. *Письмо* Д. Скворцова — Ф. А. Зейну, 30.11.1910 (ст. ст.). Донесение. На №: о 1534. Секретно. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 273. Л. 44.

18. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Дело № 15/1913. Д. 363.

19. *Фельдман О. М.* Театральная жизнь. История русского драматического театра: В 7 т. Т. 7: 1898–1917 / Ред. колл.: Ю. А. Дмитриев, Т. М. Родина, О. М. Фельдман, Е. Г. Холодов (главный редактор), Т. К. Шах-Азизова. М.: Искусство, 1987.

20. *Финляндская газета*. 17/30.12.1908.

21. *Командир* 22-го Армейского корпуса Барон А. Ф. Бринкен — Ф. А. Зейну, Финляндскому Генерал-губернатору. Гельсингфорс, 21 ноября 1912 г. № 6046. г. Копия. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 363.

22. *Театр* и искусство. 1913, № 9.

23. *С. Трефилов*. 22.11.1910 (ст. ст.) — Дирекции Русского театра. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 273. Л. 41.

24. *Канцелярия* Генерал-губернатора — Директорам Русского театра. Письмо из Канцелярии Финляндского Генерал-губернатора I отделение — Господину вр. и. д. Директора Гельсингфорсского Александровского театра. 25.11.1910. № 1534. Секретно. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 273. Л. 42.

25. *Справка* по Канцелярии Александровского Русского театра. О переделке романа «Санин». РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 273. Л. 43.

26. *Вр. и. д.* Директора Александровского театра Д. Скворцов — Г. Финляндскому Генерал-губернатору. 30.11.1910 (ст. ст.). Донесение. На №: о 1534. Секретно. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 273. Л. 44.

27. *Театр* и искусство. 1913. № 50.

28. *Бабычева Ю.В.* «Новая драма» в России начала XX века // История русской драматургии. Вторая половина XIX — начало XX в. Л.: Наука, 1987.

29. *Вр. и. д.* Директора театра Д. Скворцов — Его Превосходительству В. Ф. Побоевскому. 28.11.1915 (ст. ст.). РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 405.

30. *В. Ф. Побоевский* — Д. Скворцову. 29.11.1915 (ст. ст.). РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 405.

31. *Вр. и. д.* Директора театра Скворцов — Его Превосходительству В. Ф. Побоевскому, январь 1916 г. РГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 406.

32. *Альтишуллер А.Я.* Театр прославленных мастеров: Очерки истории Александринской сцены. Л.: Искусство, 1968.

33. *Финляндская газета.* 1/14.12.1907.

34. *Гардин В.Р.* Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1952.

35. *Гардин В.Р.* Жизнь и труд артиста. М.: Искусство, 1960.

36. *Torvinen T.* Venäläiset lehdet Suomessa // Erityisesti Finljandskaja gazeta. Venäläiset Suomessa (1809–1917). Toim. Pauli Kurkinen. Helsinki: SHS, 1984.

37. *Финляндская газета.* 8.2./1.3.1902, 26.

38. [Без подписи. Вл. Лебедев]. *Финляндская газета.* 24.12.1902/6.1.1903, 194.

39. *Данилов С.* К сценической истории ранних пьес Максима Горького // Первая русская революция и театр: Статьи и мат-лы. М.: Искусство, 1956.

40. [Без подписи]. *Финляндская газета.* 27.1/9.2.1909.

41. [Без подписи]. *Финляндская газета.* 2/15.2.1912, 18.

Николай Георгиевич Рогулин, кандидат исторических наук,
доцент кафедры источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
nrogulin@mail.ru

Санкт-Петербург в судьбе финляндцев, состоявших на российской службе в начале XX в.¹

Санкт-Петербург, Финляндия, образование, государственная служба

St. Petersburg, Finland, professional training, career

В статье на основе архивных материалов рассмотрена роль столицы империи в профессиональной подготовке и карьере 365 граждан Финляндии, служивших в военных и гражданских ведомствах России.

In the article, based on archival materials, is considered the role of the capital of the empire in professional training and the career of 365 citizens of Finland serving in military and civil departments of Russia.

В Российском государственном историческом архиве [1–3] хранятся сведения о гражданах Великого княжества Финляндского, состоявших на правительственной службе в России в 1910 г. Списки финляндских граждан представлялись министерствами и ведомствами в канцелярию Совета министров в конце 1910 — начале 1911 г. В соединении с данными, собиравшимися в 1908 г. [4], и сведениями, отложившимися в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота [5; 6], эти материалы позволяют получить представление о положении финляндцев, связавших свою судьбу с империей. Они также дают возможность проследить (пусть и не в полной мере) их карьеру, начиная с момента получения образования.

Всего в списках министерств и ведомств содержались сведения о 678 гражданах Великого княжества. Однако непосредственно на территории империи финляндских граждан было значительно меньше. Из общего числа следует исключить 257 человек, служивших в Финляндском округе Почтово-телеграфного ведомства; 10 человек,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 10–01–00632 а/Ф.

проходивших по Министерству народного просвещения, но преподававших в учебных заведениях Великого княжества (прежде всего, в Выборге); 5 офицеров Военного ведомства, служивших уездными воинскими начальниками в городах Финляндии, и 3 переводчиков Финляндского жандармского управления.

Всего, согласно представленным спискам, в министерствах и ведомствах на территории Российской империи в конце 1910 — первой половине 1911 г. служило 365 человек, имевших права финляндского гражданства, из них 348 мужчин и 17 женщин.

Почти половина финляндцев — 178 человек — состояла на службе в армии и флоте, и для них Санкт-Петербург был, прежде всего, местом получения образования. Перечень учебных и военно-учебных заведений, в которых проходили общую и профессиональную подготовку офицеры и генералы — граждане Великого княжества Финляндского, отражает перемены, происходившие в системе военного образования России во второй половине XIX в.

До этого времени военная подготовка велась в кадетских корпусах, где учащиеся получали как общее, так и специальное военное образование, и выпускались в войска. В рамках общей военной реформы Д. А. Милютина были упразднены два кадетских корпуса, остальные были разделены на военные училища и военные гимназии. Из специальных классов кадетских корпусов были образованы военные училища с чисто военной организацией. Первым таким училищем стало Константиновское в Санкт-Петербурге, преобразованное из кадетского корпуса в 1859 г. В 1864 г. существовало уже 3 военных училища: 1-е Павловское и 2-е Константиновское в Санкт-Петербурге (преобразованное в 1894 г. в Константиновское артиллерийское училище) и 3-е Александровское в Москве. В 1864 г. в столице из Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров создано Николаевское кавалерийское училище. Кроме того, с 1849 г. существовало специальное Михайловское артиллерийское училище.

Из общих классов кадетских корпусов были созданы военные гимназии с общеобразовательным курсом и полувоенной организацией. Исключение составили Пажеский Его Величества корпус и Финляндский кадетский корпус, сохранившие как общие, так и специальные классы и по-прежнему выпускавшие офицеров в гвардию и армию.

Ввиду того, что военные училища и 2 корпуса не могли обеспечить подготовку нужного количества офицеров для армии, были учреждены 14 пехотных и кавалерийских юнкерских училищ, в том числе в 1869 г. — Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище. В 1882 г. военные гимназии были снова реорганизованы в кадетские корпуса с сохранением в основном общеобразовательных программ обучения.

Возникновение новых и реорганизация старых военно-учебных заведений нашли отражение в том, как получали профессиональную подготовку представители разных возрастных групп военнослужащих: генералы и штаб-офицеры, обер-офицеры в чинах капитанов (ротмистров) и штабс-капитанов (штабс-ротмистров) и младшие обер-офицеры (поручики, подпоручики и корнетты).

Из 43 человек, составляющих первую группу (8 генералов, 22 полковника и 13 подполковников), 63 % получили первый офицерский чин после окончания военного училища, 28 % — Финляндского кадетского корпуса и 9 % — Пажеского корпуса. Столичные военные училища окончили 26 человек из 27, а по степени популярности училища распределялись следующим образом:

- Павловское военное училище — 8;
- Константиновское военное училище — 4;
- Михайловское артиллерийское училище — 4;
- Николаевское инженерное училище — 4;
- Николаевское кавалерийское училище — 4;
- Военно-топографическое училище — 1;
- Пехотное юнкерское училище — 1.

Высшее военное образование получили 13 представителей этой группы, причем генерал-лейтенант А. Р. Бонсдорф после Михайловской артиллерийской академии окончил еще и Геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду. Именно этой академии отдавалось предпочтение штаб-офицерами и генералами:

- Николаевская академия Генерального штаба — 8;
- Михайловская артиллерийская академия — 3;
- Александровская военно-юридическая академия — 2;
- Николаевская инженерная академия — 1.

У представителей второй группы, включающей чины 8-го и 9-го классов по Табели о рангах (армейские капитаны, ротмистры, штабс-капитаны и штабс-ротмистры), сохраняются тенденции получения офицерских чинов после окончания военного училища (66 %) и Финляндского кадетского корпуса (25 %). Пажеский корпус закончил один человек.

Расширилась география военных училищ, хотя на первом месте по-прежнему стояли столичные военно-учебные заведения, которые окончили 20 из 42 офицеров. Но среди них по числу выпускников вперед вышло Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище:

- Пехотное юнкерское училище — 9;
- Павловское военное училище — 3;

Михайловское артиллерийское училище — 3;
Константиновское военное училище — 2;
Константиновское артиллерийское училище — 1;
Николаевское инженерное училище — 1,
Николаевское кавалерийское училище — 1.

Иной вид путь к получению первого офицерского чина приобретает у поручиков, подпоручиков и корнетов. Никто из них не поступал сразу в военные училища. 42 % прошли через кадетские корпуса, считая и общие классы Финляндского кадетского корпуса. 50 % младших обер-офицеров вначале обучались в гражданских учебных заведениях.

Из 34 выпускников военных училищ 20 человек обучались в столице:

Павловское военное училище — 9;
Пехотное юнкерское училище — 3;
Николаевское кавалерийское училище — 3;
Михайловское артиллерийское училище — 2;
Константиновское артиллерийское училище — 2;
Артиллерийское училище — 1.

В это число входит и упомянутое одним из выпускников «артиллерийское училище», так как в это время в России подобных училищ было только два — Михайловское и Константиновское. На первом месте в столице по привлекательности вновь можно видеть Павловское военное училище.

Пажеский корпус, в котором выделялись специальные вакансии для уроженцев княжества, окончили 9 человек, служивших в 1911 г. в Военном ведомстве, хотя реально роль этого учебного заведения была более значительной. Только за период 1870–1891 гг. из Пажеского корпуса вышло 22 финляндских гражданина [7].

В общей сложности через кадетские корпуса, военные училища и академии столицы прошло 82 человека, или 56,5 % всех финляндцев, служивших в 1911 г.

Представленные военным ведомством списки не позволяют говорить обо всем прохождении службы гражданами Великого княжества, так как преимущественно содержат сведения только о занимаемой должности. Однако и имеющейся информации достаточно для некоторых выводов.

Обращает на себя внимание число финляндцев в гвардейских частях. В 1911 г. на разных должностях и в разных полках их было 24 человека, или 17 % от общего числа. Другими словами, каждый шестой финляндец служил в элитных воинских частях российских вооруженных сил. 20 из них служили в столице или ее пригородах.

Восемь финляндцев служили в 1-й гвардейской пехотной дивизии:

- в Преображенском полку — подпоручик Густав Карлович Крögerус;
- в Семеновском полку — полковник Эрнест Лаврентьевич Левстрем; подпоручик Евгений Вальдемар Унович Эльвенгрен;
- в Измайловском полку — полковник Георгий Иванович Лескинен; подпоручик Александр Мортимерович Брофельдт; подпоручик Борис Мортимерович Брофельд; подпоручик Гаральд Рафаилович фон Гартман;
- в Егерском полку — капитан Владимир Владимирович Эллерс.

Три финляндца служили в гвардейской стрелковой бригаде, расквартированной в Царском Селе: полковник Дмитрий Карлович Седергольм (начальник хозяйственной части лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка), подпоручик Сергей Александрович Блофиельд (младший офицер того же полка) и полковник барон Яльмар Федорович фон Хелленс (командир 2-го батальона лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка).

Лейб-гвардии Уланским Его Величества полком командовал генерал-майор Карл-Густав Эмиль Карлович Маннергейм, а одним из эскадронных командиров был ротмистр Николай Николаевич Ав-Мейнандер. В лейб-гвардии Уланском Ея Величества полку помощниками командира по хозяйственной и строевой части были полковники Артур Вальфридович и Рафаэль Вальфридович Споре. Поручик Оскар Карлович Вилькман служил в лейб-гвардии Драгунском полку, а поручик Вели-Гунар Эмилевич фон Гогенталь — в лейб-гвардии Запасном кавалерийском полку.

В лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде служили подпоручики Борис Викторович и Георгий Викторович Гедлунды. Третий брат, Александр Викторович Гедлунд, был поручиком гвардейской конно-артиллерийской бригады [8]. Выпуск в гвардейские полки означал не только безупречную родословную, но и получение на экзаменах так называемого «гвардейского» балла — не менее 10 в среднем по всем предметам.

Список, представленный Морским ведомством, содержит сведения о 34 гражданах Великого княжества Финляндского, в том числе 30 офицерах и адмиралах и 4 гражданских чиновниках.

Морские учебные заведения были сосредоточены в Санкт-Петербурге, и нет ничего удивительного в том, что подавляющее большинство лиц, служивших в Морском ведомстве, обучались в столице. Только два окончили высшие учебные заведения в Гельсингфорсе.

21 человек окончил Морской кадетский корпус, причем у шестерых он назван «Морским училищем», т. е. названием, существовавшим в 1864–1891 гг. Пятеро учились в Техническом училище Морского

ведомства (один заканчивал его уже как Морское инженерное училище императора Николая I). Остальные 6 человек окончили Николаевское инженерное училище, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище, Санкт-Петербургский университет, Военно-медицинскую академию, Кронштадтскую гимназию и Школу писарей и содержателей Морского ведомства.

Два офицера получили высшее военное образование. Капитан 2-го ранга Густав Константинович фон Шульц окончил Александровскую военно-юридическую академию, а инженер-подполковник Федор Карлович Авелан — Николаевскую инженерную академию.

Говоря о числе финляндских уроженцев, находившихся на службе в Морском ведомстве и непосредственно связанных с Петербургом, следует упомянуть 90 мастеровых и служащих Обуховского завода [5. Л. 36–40 об.]. В 1910 г. о них не упоминали, так как формально они не относились к числу состоящих на государственной службе.

Из 61 гражданина Великого княжества Финляндского, служивших в министерстве внутренних дел, непосредственно в столице в 1910 г. служило 13 человек, занимавших самые различные должности. Обращает на себя внимание фигура полковника Михаила Фридриховича фон Котена, представителя известнейшей дворянской семьи. По семейной традиции он получил военное образование, окончив Полоцкий кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Перейдя в корпус жандармов, М. Ф. фон Котен в 1910 г. занимал должность начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка Санкт-Петербурга [3. Л. 298 об., 299].

Действительный статский советник Вольдемар Францевич фон Френкель был членом Попечительского совета приюта принца П. Г. Ольденбургского. В Почтово-телеграфном ведомстве состояли статский советник Александр Оттович Седергрэн и титулярный советник Карл Карлович Седерваль, хотя, возможно, число почтово-телеграфных чиновников, непосредственно работавших в столице, было больше, но списки указывают только должность, а не место службы.

Три финляндца, значившиеся в Санкт-Петербургском градоначальстве, занимали низшие должности: один был околоточным надзирателем, другой — шлюпочным мастером при Петровской брандвахте речной полиции, а третий — машинистом пожарной команды. Остальные, значившиеся в Министерстве внутренних дел, были чиновниками в различных управлениях.

18 человек из числа служивших в министерстве заканчивали столичные учебные заведения. Прежде всего, это касается военных,

служивших источником кадров уездных и земских начальников. Полковник Аксель Карлович Энкель после обучения в Финляндском кадетском корпусе был выпущен в артиллерию, окончил Николаевскую академию Генерального штаба, а затем перешел на службу в Министерство внутренних дел, где вначале был мировым посредником, после чего занял должность начальника Лечхумского уезда Кутаисской губернии. Начальник Туккумского уезда Курляндской губернии, статский советник Густав Алексеевич Левинг также вначале прошел военную службу, окончив 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию и Николаевское кавалерийское училище. Уроженец Тверской губернии Владимир Христофорович Бойе-Ав-Геннес происходил из известной военной семьи. Окончил 1-й Кадетский корпус и Павловское военное училище, служил в лейб-гвардии Семеновском полку и, выйдя в запас с чином поручика, в 1910 г. занимал должность земского начальника 6-го участка Бежецкого уезда Тверской губернии.

Среди чиновников и служащих Министерства внутренних дел были выпускники Санкт-Петербургского университета, Училища правоведения, Военно-медицинской академии и даже Петербургской духовной семинарии. 4 женщины, служившие почтово-телеграфными чиновниками, окончили Шведское училище св. Екатерины.

Из 46 финляндцев, состоявших в 1910 г. в Министерстве финансов, 29 человек служили в центральных учреждениях министерства непосредственно в столице, из них не менее 12 учились в петербургских учебных заведениях. Еще 4 человека служили в разных губерниях, но учились в столице.

Два статских советника, Алексей Карлович Энгман и Лев Петрович Берг, получили образование в элитном Императорском Александровском лицее, что неудивительно, ибо оба были потомственными дворянами.

Удивительна карьера статского советника Эрнеста Карловича Грубе, происходившего из семьи купца. Окончив семь классов классической гимназии Карла Мая в Санкт-Петербурге, он за 8 лет службы побывал на должности управляющего Петербургской конторой Государственного банка, а в 1911 г. в возрасте 44 лет был чиновником особых поручений 5-го класса.

Шесть служащих министерства (не считая офицеров Отдельного корпуса пограничной стражи) были профессиональными военными и заканчивали столичные военно-учебные заведения. Действительный статский советник Владимир Вильгельмович Ликандер окончил Николаевскую Морскую академию, статский советник Александр Владимирович Жданов в силу семейной традиции (он был сыном генерал-

лейтенанта) окончил курс 2-й военной гимназии и Николаевского кавалерийского училища. Еще один статский советник — Евгений Иванович (Фридрихович) Тигерстедт — после Финляндского кадетского корпуса окончил Николаевскую академию Генерального штаба, а надворный советник Антон-Рейнгольд Рейнгольдович Нассокин и титулярный советник Карл Рафаилович фон Гартман были выпускниками Пажеского корпуса. Лейтенант запаса флота Николай Николаевич Нордман обучался в Морском корпусе.

3 чиновника: коллежский советник Георгий Александрович Сопетов, надворный советник Иван Андреевич Раутиан и коллежский асессор Владимир Генрихович Гинце — имели университетское образование.

Исключительно высоким образовательным уровнем отличались 16 финляндских граждан и гражданок, служивших по Министерству народного просвещения. Из 14 мужчин шестеро окончили Санкт-Петербургский университет (у приват-доцента университета, надворного советника Карла Фридриховича Тиандера указано «магистр по кафедре западно-европейских литератур»), по одному — Академию художеств и Санкт-Петербургский учительский институт.

Варвара Алексеевна Петрова окончила Саратовскую женскую гимназию с правом на звание домашней наставницы по русскому языку и арифметике и Высшие женские курсы по историко-филологическому отделению.

Самой крупной фигурой среди финляндцев, числившихся по Министерству народного просвещения, был знаменитый хирург Герман Федорович Цейдлер, вся жизнь которого была связана с Петербургом, начиная с учебы в гимназии К. Мая. В 1910 г. за плечами Г. Ф. Цейдлера было 23 года службы, работа главным врачом Обуховской городской больницы. К моменту составления списков финляндских граждан он занимал должность экстраординарного профессора Санкт-Петербургского женского медицинского института с чином статского советника.

Еще два статских советника — Николай Фридрихович Лоренц и Дмитрий Дмитриевич Бочаров — также служили в столице. Первый преподавал рисование в реальном училище К. Мая, а второй историю в реальном училище Богинского. Карьера Д. Д. Бочарова была наиболее успешной: он достиг чина статского советника за 12 лет государственной службы. Для сравнения Н. Ф. Лоренц прослужил 22 года.

Для служащих Министерства путей сообщения основным учебным заведением был Институт инженеров путей сообщения Императора Александра I, который окончили 5 из 7 чиновников-финляндцев, имевших высшее образование. Коллежский секретарь Иоганн-Оскар

Густавович Линдквист окончил Технологический институт Императора Николая I со званием инженера-технолога.

На государственной службе по Министерству юстиции в 1910 г. состояло 11 граждан Великого княжества Финляндского. Большинство чиновников имели университетское образование. Четверо окончили Санкт-Петербургский университет, по одному — Московский, Новороссийский и Александровский в Гельсингфорсе. Титулярный советник, граф Борис Георгиевич Бург получил образование в элитном Императорском Александровском лицее. Тот факт, что среди финляндцев, служивших в Министерстве юстиции, не было выпускников престижного Училища правоведения, объясняется, прежде всего, их сословным происхождением, ибо в училище принимали только детей потомственных дворян.

Младшие служители обучались в петербургских учебных заведениях: канцелярский служащий 1-го департамента Сената Виктор Густавович Лигов окончил три класса училища при Шведской евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, а чертежник Леонид Эдуардович Пейсти прошел курс трех классов Санкт-Петербургской Портовой школы.

С Петербургом в 1910 г. была связана служба большинства финляндцев, причем 6 человек, числясь по Министерству юстиции, служили в Сенате. Статский советник Алексей Яковлевич Альфтан значился «состоящим за обер-прокурорским столом в Департаменте герольдии Правительствующего Сената», одновременно исполняя обязанности редактора 2-го департамента министерства юстиции. Виктор Густавович Лигов был канцелярским служащим 1-го департамента; Леонид Эдуардович Пейсти служил младшим чертежником. Еще трое значились «причисленными к Министерству юстиции» с откомандированием в структуры Сената.

Коллежский секретарь Анатолий Александрович Сно значился исполняющим обязанности помощника старшего нотариуса — старшим кандидатом на должности по судебному ведомству при Санкт-Петербургском окружном суде.

Число граждан Финляндии, служивших в Министерстве торговли и промышленности, было невелико. В списках упомянуто лишь 10 фамилий, из них двое были рабочими. 6 человек, имевших высшее образование, получили его в Санкт-Петербурге: трое окончили университет, двое — Технологический институт, один — Горный институт. Помощник лесничего А. В. Волков окончил Лисинское лесное училище — среднее специальное учебное заведение, существовавшее до 1888 г. в с. Лисино Санкт-Петербургской губернии. Литейщик К. П. Мельцев обучался в Кронштадтском Лютеранском церковном училище.

Из 10 финляндцев, состоявших на службе в Главном управлении землеустройства и земледелия, специальное образование имели 5 человек, причем трое окончили Императорский Лесной институт в Санкт-Петербурге. Кроме них в столице учился «младший надзиратель за казенными землями и оброчными статьями Шушинского уезда Елисаветпольской губернии», подполковник Н.-Е.А. Старк (в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии и Николаевском инженерном училище), а также служившие в центральном аппарате Главного управления губернский секретарь Анатолий Матвеевич Соловьев и коллежский регистратор Василий Евдокимович Петров, окончившие реальное училище.

Среди 7 граждан Великого княжества, служивших в Министерстве Императорского двора, можно видеть как представителей финской аристократии и потомственного дворянства, так и лиц недворянского происхождения.

К первым относятся барон Константин Алексеевич Рамзай. Его отец Аксель-Леонид Рамзай, сын генерала от инфантерии барона Э.А. Рамзая, окончил Пажеский корпус, дослужился до чина полковника и по выходе в отставку состоял при Министерстве внутренних дел. В 1880 г. переименован в статские советники, в 1881 г. был вице-губернатором Сувалкской губернии. Принял православие с именем Алексей. Затем в должности шталмейстера Императорского двора управлял г. Павловском. Его сын Эдуард-Константин-Иоган-Аксель также окончил Пажеский корпус, 7 лет служил офицером, затем перешел в министерство иностранных дел и, прослужив еще 7 лет, — в Церемониальную часть Министерства Императорского двора. В зрелом возрасте Эдуард-Константин-Иоган-Аксель крестился и служил по гражданским ведомствам уже с православным именем Константин Алексеевич. В начале 1911 г. в звании камергера Двора Его Императорского Величества с чином статского советника состоял секретарем 6-го класса Церемониальной части.

Схожая карьера была и у другого представителя финского дворянства Александра Севастьяновича фон Эттера. Начав по семейной традиции с военной карьеры, он окончил Пажеский корпус и 12 лет служил в лейб-гвардии Преображенском полку, после чего перешел на гражданскую службу. В 1911 г. имел чин статского советника и числился «состоящим при Ея Императорском Высочестве Великой Княгине Марии Павловне в звании Камергера Двора Его Императорского Величества» [З. Л. 30 об., 31].

Потомственный дворянин Великого княжества Финляндского Федор Борисович Нордман вначале пошел по стопам отца, адмирала

Б. Д. Нордмана, и воспитывался в Морском училище. Позже выдержал экзамен на производство в офицеры во 2-м военном Константиновском училище и провел на военной службе 19 лет, дойдя до чина гвардии штабс-капитана. Перешел на гражданскую службу в Министерство Императорского двора с переименованием в коллежские асессоры и с 13 декабря 1897 г. служил в Капитуле Российских императорских и царских орденов, занимая к 1911 г. должность помощника делопроизводителя 7-го класса с чином коллежского советника.

В Министерстве иностранных дел финляндцев было только четверо (еще один значился «состоящим в ведомстве»), из них двое были на дипломатической работе, а коллежские асессоры Александр Эдуардович Нюман и Константин Эдуард Андреевич Гранстрем, выпускники Санкт-Петербургского университета, служили в самом министерстве делопроизводителями.

С Петербургом по службе были связаны 4 из 5 граждан Финляндии, значившихся в Ведомстве учреждений императрицы Марии. Камергер Императорского двора, действительный статский советник граф Александр Владимирович Армфельт заведовал округами Санкт-Петербургского воспитательного дома, коллежский секретарь Иван Балтазарович Герберц был почетным членом Санкт-Петербургского совета детских приютов. Непосредственно в учебных заведениях работали 2 человека: коллежский секретарь гражданский инженер Бруно Эдуардович Гаупт-Фогель был архитектором в Санкт-Петербургском Павловском институте, а статский советник Карл Александрович Перре — дежурным воспитателем и преподавателем в классах младшего возраста Императорского Александровского лицея.

Из 4 финляндских граждан, работавших в Государственном контроле, только Михаил Федорович Брун имел высшее образование (Санкт-Петербургский университет) и классный чин титулярного советника, занимая должность младшего ревизора Временной ревизионной комиссии «для проверки отчетности в военных расходах, вызванных войной с Японией». Два чиновника Санкт-Петербургской контрольной палаты служили по найму, также как и Иван Михайлович Сакин, состоявший чиновником контроля Николаевской железной дороги.

Наконец в Ведомстве православного исповедания Святейшего Синода единственным гражданином Великого княжества Финляндского был канцелярский служитель 2-го разряда Николай Александрович Фрейман.

Приведенные в табл. 1 цифры показывают роль Санкт-Петербурга в жизни граждан Финляндии, связавших свою судьбу с Россией.

Таблица 1

**Обучение и служба в Санкт-Петербурге
граждан Великого княжества Финляндского**

Ведомство	Обучение	Служба	
		В 1910 г.	В прошлом
Военное ведомство	82	32	2
Министерство финансов	17	26	
Министерство внутренних дел	18	13	4
Морское ведомство	30	3	
Министерство народного просвещения	8	6	
Министерство юстиции	8	6	
Министерство торговли и промышленности	7	5	1
Ведомство учреждений Императрицы Марии	6	7	
ГУ землеустройства и земледелия	6	5	
Министерство Императорского двора	5	6	
Министерство путей сообщения	6	5	
Министерство иностранных дел	4	3	
Государственный контроль	1	4	
Св. Синод		1	
Всего	198	122	7

Можно видеть, что 54 % финляндских граждан, состоявших на государственной службе, прошли обучение в столичных учебных заведениях. Из гражданских учебных заведений наиболее популярным был Санкт-Петербургский университет (21 выпускник), из военно-учебных заведений — Павловское военное училище (21 выпускник) и Николаевская академия Генерального штаба (18 выпускников). Особняком стоит Морской корпус (25 выпускников), как единственное военно-учебное заведение, готовившее строевых офицеров флота.

Многие из 198 финляндцев учились в двух, а иногда и трех столичных учебных заведениях. Для военных это были кадетский корпус, военное училище и военная академия, для гражданских лиц — гимназия или реальное училище и университет или институт. В общей сложности в материалах о службе граждан Финляндии упомянуто 56 высших, средних и начальных учебных заведений столицы.

В 1910 г. непосредственно в Петербурге служили 122 уроженца Финляндии, еще 7 человек служили в нем прежде, переехав затем в другие регионы империи.

Источники

1. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 106. Статистические сведения о числе финляндских уроженцев, проживающих в пределах России, и о роде их занятий. Ч. 1.

2. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 107. Статистические сведения о числе финляндских уроженцев, проживающих в пределах России, и о роде их занятий. Ч. 2.

3. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 343. Статистические сведения о числе финляндских уроженцев, проживающих в пределах России, и о роде их занятий.

4. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 713. Представления губернских статистических комитетов и разных ведомств о наличии финляндских уроженцев на службе в государственных учреждениях и учебных заведениях России.

5. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 225. О сборе сведений о числе уроженцев Финляндии, состоящих на службе в Морском ведомстве.

6. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 277. О гражданах Великого княжества Финляндского, состоящих на правительственной службе по Морскому ведомству, и о русских должностных лицах, не имеющих финляндского гражданства, но знающих шведский или финский языки.

Литература

7. *Фрейман О. Р.* Пажи за 185 лет: Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгам, 1894–1897. Вып. 1–10.

8. *Общий* список офицерским чинам Российской Императорской армии. Составлен по 1 января 1909 г. СПб., 1909. Стлб. 159.

Олег Витальевич Мякинин,
сотрудник сектора документальной подготовки выставок
Государственный Эрмитаж, Россия
helgim@yandex.ru

Людмила Константиновна Рябова, кандидат исторических наук,
доцент кафедры источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
ludmilar@mail.ru

Позиция правых сил в отношении «финляндского вопроса» на страницах газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.)¹

Петербург, «финляндский вопрос», автономия, правые силы, газета
«Окраины России»

St.-Petersburg, right forces in Russia, newspaper Okraini Rossii

В статье показана позиция правых сил в Российской империи начала XX в. по «финляндскому вопросу», нашедшая отражение на страницах петербургской газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.).

In the article is considered the reflection of the policy of the right forces in Russian empire towards “Finland question” on the newspaper “Okraini Rossii” (1906–1912).

В годы первой русской революции Финляндию, Польшу, Украину и Кавказ охватила волна национально-освободительного движения, что крайне обострило национальный вопрос в Российской империи. Освещение национальной политики, проводимой правительством на окраинах, занимало одно из центральных мест на страницах периодических изданий практически всех политических сил дореволюционной России. Особенно много места этой теме, в том числе в отношении Финляндии, отводилось в правой прессе.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 10–01–00632 а/Ф.

В полной мере позиция правых сил по «финляндскому вопросу» в Российской империи нашла отражение на страницах еженедельной газеты «Окраины России», издаваемой в Петербурге в 1906–1912 гг. Задача этого издания сводилась к освещению жизни окраинных территорий во всех ее проявлениях и формированию общественного мнения по поводу проводимой правительством окраинной политики. Весь период своего существования газета придерживалась этой направленности. «Окраины России» внимательно следили за происходившими событиями в Великом княжестве Финляндском и Прибалтийском крае, за положением дел на Украине, в Виленском крае и Царстве Польском, за изменениями на Кавказе и Юге России. Также на страницах газеты нашли отражение события, имевшие место в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Газета распространялась как по подписке, так и через розничную торговлю в Петербурге и Москве, в Киеве, Вильне и Варшаве и с 1907 г. имела сотрудников и корреспондентов на всех окраинах, в том числе и в Гельсингфорсе. Она выходила один раз в неделю, и за год выпускалось 52–53 номера объемом не менее 16 страниц.

Инициатива издания газеты «Окраины России» с целью «тщательного изучения окраин для содействия укреплению в них русских начал и русской государственности» принадлежала создателю и руководителю особого Окраинного отдела Русского собрания, А. М. Золотареву и профессору права Н. Д. Сергеевскому. Среди организаторов газеты был также член первого Совета Русского собрания, генерал М. М. Бородин, а с 1907 г. и П. А. Кулаковский [1]. Участники издания состояли в различных консервативно-монархических партиях и организациях, в силу чего «Окраины России» являлись голосом всех правых сил страны в отражении национальной политики правительства на окраинах. Можно отметить тесную связь «Окраин России» с Русским собранием, из особого Окраинного отдела которого она и вышла. В этой связи примечателен еще один факт — временная, как предполагалось, приостановка издания «Окраин России» совпала с прекращением выпуска «Вестника Русского собрания» в 1912 г. Спустя два года после своего появления газета явилась инициатором создания Русского окраинного общества, печатным органом которого она и стала.

Первый номер еженедельника «Окраины России» вышел 5 марта 1906 г. В нем это издание было заявлено как политическая, общественная и литературная газета. Уже титульная страница первого номера газеты содержала информацию о концепции и целях нового еженедельного издания и сообщала, что «Окраины России» будут издаваться совместными силами и пожертвованиями «кружка русских

людей». Среди ближайших авторов и сотрудников газеты, членами редакционного комитета и активными участниками в ней были, помимо уже упоминавшихся лиц, профессора А. С. Будилович, И. И. Булатов, П. Г. Бывалькевич, В. Ф. Дейтрих, Н. А. Зверев, Н. Л. Мордвинов, А. Ф. Риттих, князя А. А. Ширинский-Шихматов, Б. М. Якунчиков и другие. Издателем был избран П. А. Кулаковский и редактором — П. Г. Бывалькевич, которые оставались на этих постах бессменно в течение всех семи лет выхода газеты.

В газете особо отмечалось, что на ее страницах будет отражаться голос тех, «кто крепко стоит за целостность России, любит величественную историю Русского государства, верует в будущность Российской империи и дорожит ее единством, пользой, честью и славой. Интересы и нужды русских людей, живущих на окраинах, и инородцев, преданных России, найдут в ней защиту» [2]. Читателям сообщалось о тех вопросах, которые будут преимущественно освещаться на страницах газеты. Планировалось публиковать: руководящие статьи по окраинным вопросам политического, экономического и исторического характера; обозрение фактов и явлений государственной и общественной жизни, главным образом, имеющих отношение к положению окраин; обозрение русской и иностранной печати; краткие обозрения выдающихся событий в России и за границей; библиографию и указатель книг и статей преимущественно по окраинному вопросу; корреспонденции и т. д.

Во вводной статье первого номера, озаглавленной «О задачах и целях», редакция выражала обеспокоенность за территориальное единство страны. В частности в ней говорилось о том, что в «тумане политической смуты, которая охватила наше Отечество, резко выделяется стремление нарушить государственное единство России». Основной целью газеты называлось привлечение общественного внимания к проблеме государственного единства, ставилась задача «раскрыть глаза общественности», как представлялось ее издателям, на опасность отторжения окраинных территорий [Там же].

В этой же статье указывалось на определенное стремление «внутренних врагов» предоставить полную государственную обособленность от России для Финляндии, Польши и Кавказа. «Окраины России» рассчитывали вести борьбу, прежде всего, «печатным словом», с помощью просветительской работы, направленной на отстаивание государственных интересов и сохранение территориальной целостности Российской империи.

Вслед за вводной статьей в первом номере была помещена статья издателя «Окраин России» П. А. Кулаковского, писавшего под псевдонимом «П. К.», «Значение русского племени в России». Здесь он

сформулировал основополагающие идеи о России как государстве и о положении окраин в нем. По сути, это было выражением той официальной линии, которой издание намерено было неукоснительно придерживаться в своих публикациях. Сделанные П. А. Кулаковским выводы, определявшие позицию газеты, сводились к трем основным положениям.

«1) Россия — государство в одном территориальном целом. Русский народ и по историческому праву, и по численности, и по фактической силе дает ей свой облик и народный характер. Россия есть государство русское и по характеру, и по имени, и по задачам своей истории.

2) Окраины являются необходимыми для русского государства, и каждое их обособление, каждое ослабление их связи с центром государства отзовется лишь новыми тяготами, ложащимися на народ-хозяина, на центр и главную массу населения, вызывает и вызовет необходимость нового напряжения сил русского народа.

3) Окраины России находятся в таком положении, что должны стремиться к теснейшему сближению с центром России не только в силу экономических и географических условий своего положения, но и в силу самосохранения и спасения своего народного облика. Ни одна из них существовать самостоятельно не может, ибо станет или добычей более сильного соседа, или погибнет во взаимной борьбе мелких соперничающих в ней сил и народностей» [3].

К 1912 г., когда издание «Окраин России» было приостановлено, она смогла объединить значительный круг лиц, разделявших позицию газеты, и первоначальный кружок «участников» вырос до 70 человек. Среди них, как писал П. А. Кулаковский в своем «Слове к читателям» в последнем сдвоенном номере, были «и один из представителей высшего духовенства, немало лиц гражданских и военных высшего положения в государстве, представители русской аристократии, несколько профессоров, общественных деятелей, публицистов, купцов», и особо отмечалось, что «между ними не было капиталистов» [4]. При этом П. А. Кулаковский особо подчеркивал, что «органы подобного характера не преследуют никаких материальных целей и даже не представляют отражения взглядов какой-либо одной политической партии», что это орган «кружка единомышленников во взглядах на окраины и их отношения к целому нашего государства» [Там же].

Переходя к анализу газетных публикаций, нужно отметить, что авторы статей и лица, которые принимали активное участие в издании газеты, в большинстве своем были отличными специалистами в том или ином вопросе в области национальной политики. Авторские публикации многих из них соответствовали уровню серьезных научных

исследований, благодаря чему они оказывали существенное влияние на общественное мнение по национальному вопросу в России.

Российско-финляндские отношения занимали особое положение на страницах газеты среди других окраинных вопросов. Этому способствовала как непосредственная географическая близость беспокойного Великого княжества Финляндского к Петербургу, так и то, что автономия княжества к началу XX в. уже достигла угрожающего целостности Российской империи предела, с уже сформировавшимися внутренними институтами своей особой финляндской государственности. В этой связи нужно отметить, что в позиции газеты динамика развития «финляндского вопроса» нашла наибольшее свое проявление.

Анализ содержания материалов «Окраин России», касающихся «финляндского вопроса», позволяет выделить три главных направления в его отражении на страницах газеты: обращение к истории Великого княжества Финляндского в составе Российской империи; обсуждение проблемы определения государственно-правового статуса Великого княжества Финляндского; освещение общественно-политической стороны «финляндского вопроса».

Истории российско-финляндских взаимоотношений уделялось повышенное внимание на страницах газеты за весь период издания «Окраин России». На протяжении всех семи лет выхода газеты внимание читателей акцентировалось на истории вопроса публикацией статей различных авторов, писавших об истории возникновения Финляндии, о ее шведском периоде, об истории включения ее в состав Российской империи по итогам русско-шведской войны 1808–1809 гг. Однако наиболее яркое освещение истории «финляндского вопроса» наблюдалось в публикациях 1909 г. — года празднования столетнего юбилея присоединения Финляндии к Российской империи. Эти ретроспективные обзоры носили характер не столько историко-просветительский, сколько были направлены на укрепление русского национального самосознания.

В публикациях по освещению истории российско-финляндских отношений в большом количестве печатались материалы, описывающие военные действия в ходе русско-шведской кампании 1808–1809 гг. Значительное внимание к действиям русской армии в этой войне объяснялось стремлением напомнить современникам, что за обладание Финляндским краем Россией была заплачена очень высокая цена — жизни русских солдат. А это, по мнению авторов газеты, ни в коем случае нельзя было забывать политическим деятелям при обсуждении «финляндского вопроса». Основной же задачей этих публикаций было усиление патриотических чувств русских людей,

привлечение их внимания к всевозрастающей угрозе потери финляндской окраины, завоеванной русским оружием. В этой связи весьма примечательными представляются доводы историка Ю. Н. Данзас, писавшей в «Окраинах России» под псевдонимом «Наш» [см.: 5, с. 252]. В статье под заголовком «1809–1909» Ю. Н. Данзас оценивала 1809 г. как один из поворотных пунктов русской истории. Тогда Россия, победоносно завершив свою последнюю войну за владычество на Балтике, переносит свою северо-западную границу «от края до края заветного побережья, за пределы финляндских губерний, столько раз орошенных русской кровью». Именно такой ценой произошло решение вопроса, «ставшего неотложным после неожиданного перенесения столицы и с ней центра тяжести русского государства к устьям Невы» [6]. В статье «Долг перед прошлым» Ю. Н. Данзас отметила различное отношение русских и финляндцев к войне 1809–1909 гг. В частности, автор пишет, что «в России часто не умеют идеализировать даже победы! По отношению к финляндской войне 1808–1909 гг. для многих и поныне не ясно, какое громадное, решающее значение имела в русской истории эта война, завершившаяся присоединением к русской державе всей береговой полосы Балтийского моря, определяющей естественную северо-западную границу Империи». Отношение же в Финляндии к этой войне Ю. Н. Данзас определила следующим образом: «Для финляндцев война 1808–1909 года давно стала национальной эпопеей, благодаря пламенным патриотическим стихам Рунеберга, и воспетые им национальные герои никогда не умрут в памяти народной. Горячая, страстная любовь к родине сумела одухотворить и идеализировать даже грустную для патриотического сознания историю поражений и окончательного завоевания. И эта любовь создает целые поколения борцов за лучшее будущее; эта идеализация поражения создает мстителей за прошлое» [7]. В этой же статье, подводя итоги столетнему периоду пребывания Финляндии в составе Российской империи, автор с горечью констатировала: «Сто лет после заключения Фридрихсгамского мира мы на месте финляндских губерний, поступивших в державное обладание Российской Империи, видим автономное государство, готовое к полному отпадению от России. Точно рухнули в пропасть усилия десяти веков укрепиться на Балтийском побережье, точно смыта с финляндских скал вся русская кровь» [Там же].

Публикацией статей подобного характера «Окраины России» привлекали внимание также и к военно-стратегическому фактору — возможности превращения финляндской территории в театр будущей войны. «Надо трезво и ясно смотреть на вещи, а следовательно — нельзя не осознавать, что с кем бы мы ни воевали, Финляндия, при современном ее

поведении, всегда будет иметь весьма важное значение с точки зрения обороны государства» [8]. Газета постоянно подчеркивала неоспоримую важность территории Великого княжества Финляндского для защиты столицы империи Санкт-Петербурга.

Большое число исторических материалов, помещавшихся в газете, посвящалось политике российского самодержавия в Финляндском крае. В этих публикациях давалась сравнительно-критическая оценка государственной политики, начиная с Петра Великого и завершая современным для газеты периодом царствования Николая II. Чаще других на страницах газеты «Окраины России» публиковались статьи о политике Александра I, что вполне объяснимо. Именно к этому времени обращалась финляндская сторона для подтверждения своей особой государственности, дарованной княжеству Александром I. В этом отношении примечательна статья «Финляндский вопрос», открывающая рассмотрение российско-финляндских взаимоотношений на страницах газеты «Окраины России». Она была напечатана сразу после вводной статьи первого номера газеты в 1906 г., подчеркивая тем самым центральное место, которое было отведено в «Окраинах России» в рассмотрении окраинной политики именно «финляндскому вопросу». Как ответ на ссылки финляндцев на то, что Александр I сохранил Финляндии прежнюю, еще шведскую форму правления, отвечающую нормам самостоятельной государственности, в этой статье приводились сравнительные характеристики управления краем Россией и Швецией. Несмотря на завоевание Финляндии Александром I, говорилось в статье, «внутренний смысл этого движения был очень скоро потерян, и завоеванная Финляндия начала шаг за шагом приобретать признаки отдельной, самостоятельной государственности» [5]. Рассматривая политику Александра I по отношению к завоеванной новой окраине империи, «Окраины России» замечают, что для «Финляндии было сохранено ее прежнее внутреннее устройство, ее особая администрация, права личной свободы, прежние права поземельной собственности, гражданское право, старое уголовное уложение, существовавшая воинская повинность, действовавшие судопроизводство и судоустройство и т. п. А главное — предоставлено, хотя и не вполне, отдельное, местное законодательство» [Там же]. Таким образом, в газете заключается, что Финляндия, будучи только завоеванной, получила «то, что принято называть широким внутренним самоуправлением». Эти привилегии уже тогда вызвали сильный протест в русском обществе, особенно в среде декабристов. В частности, приводится мнение П. И. Пестеля, который находил, что «Финляндия не только должна быть лишена привилегированного положения *status in status*,

но и должна быть слита с Россией обрусительными мероприятиями». Далее переходя к рассмотрению последующей окраинной политики русских государей, в статье «Финляндский вопрос» говорится, что Николай I в этом отношении «не сделал ни шагу вперед». В период царствования Александра II было установлено периодическое собрание сеймов, и, как отмечается в статье, «в его время финляндцы сделали наибольшие успехи в деле создания своей государственности». В начале же царствования Александра III Финляндии были предоставлены «новые конституционные права, например, право локций, т. е. законодательного почина». В конце же царствования Александра III проявился «поворот в сторону ясной объединительной политики, которая решительно продолжалась при ныне царствующем Императоре вплоть до убийства генерал-губернатора Н. И. Бобрикова. С прошлого года все дело было торопливо брошено. Началось отступление по всем пунктам, и манифестом 22 октября 1905 г. почти все сделанное было зачеркнуто и разом уничтожено» [Там же].

Продолжая освещение истории «финляндского сепаратизма», «Окраины России» предлагали вниманию читателей также статьи ретроспективного характера известного специалиста, много писавшего по «финляндскому вопросу» генерала М. М. Бородкина, бывшего ближайшим сподвижником генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрикова. Так, М. М. Бородкин, рассматривая историю столетнего пребывания Финляндии в составе Российской державы, отметил, что первые пятьдесят лет протекли нормально. Финляндия признавала себя провинцией, не задумывая нарушать единства России. «После шестидесятих годов все стало меняться, и она начала стремиться к неосуществимой цели и полна протестов по каждому государственному шагу Империи» [9]. Причины этому М. М. Бородкин, видел, прежде всего, в национальных особенностях русского управления окраиной, поскольку русские — «самый бессистемный народ в Европе», а «наши администраторы искали себе популярности среди финского населения политикой уступок и поблажек. Эти администраторы — полная противоположность иностранным, которые, прежде всего, заботились о том, чтобы понравиться своим, на родине». Так, М. М. Бородкин отмечал, что «один генерал-губернатор с большим трудом вводит русский язык в сенат, другой разрешает финляндцам самовольно удалить его. Один изгоняет из края представителей сопротивления русскому правительству, другой представляет их кандидатами в сенат». Главную причину создавшегося положения автор видит в «политике колебаний», неизбежным последствием которой он называет «падение престижа русской власти» [Там же].

Таким образом, развитие «финляндского сепаратизма» в «Окраинах России» представлялось в газете следствием, прежде всего, бессистемности управления Финляндским краем, который за сто лет пребывания под властью России получил мощный стимул для своего расцвета как экономического, так и политического, но, прежде всего, расцвета культурного. Столь пристальное внимание к прошлому российско-финляндских отношений было обусловлено современным газете состоянием «финляндского вопроса», когда Великое княжество Финляндское за годы революции 1905–1907 гг. превратилось в практически самостоятельное государство. Публикацией исторических материалов газета «Окраины России» пыталась обнажить ошибки прошлого в управлении краем с целью избежать их в поиске путей разрешения вопроса.

Следующая довольно объемная группа материалов по «финляндскому вопросу», публикуемых на страницах петербургской газеты, касалась проблемы определения государственно-правового статуса Великого княжества Финляндского, поскольку, как было замечено в газете, юридическое положение княжества с момента его присоединения к России не имело четкого документального оформления.

В марте 1809 г., еще до заключения Фридрихсгамского мирного договора со Швецией, Александр I в Борго на собрании представителей четырех сословий Финляндии дал торжественное обещание не нарушать религии, коренных законов, прав и преимуществ, которыми пользовались подданные княжества по конституциям еще шведского периода правления. Вокруг этого обещания, данного Александром I финляндским сословиям, и разгорелся спустя сто лет спор российских и финляндских специалистов права. В финляндской общественности к рубежу XIX–XX вв. приняла четкие очертания теория «особого финляндского государства», базировавшаяся на данном обещании соблюдать действовавшие в княжестве коренные законы. В 1888 г. была опубликована работа автора многочисленных статей о Финляндии и двухтомного исследования «Покорение Финляндии» К. Ф. Ордина, переведшего на русский язык сочинение финляндского сенатора Лео Мехелина «Конституция Финляндии», в котором впервые освещались конституционные права Финляндии. Публикация на русском языке труда Л. Мехелина спровоцировала полемику в российском и финляндском обществе вокруг «финляндского вопроса».

В ответ на теорию финских юристов об «особом финляндском государстве», лишь находящемся в союзе с Российской империей и не входящем в ее состав, газета «Окраины России» начала 1910 г. публикацией статьи профессора государственного права, крупного специалиста

по русскому государственному праву, написавшего две диссертации по европейскому административному праву, Н. О. Куплеваского «Справка о мнениях 25-ти русских ученых, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской Империи» [10]. Для объективности своей «справки» Н. О. Куплеваский дал точные ссылки на работы профессоров, специалистов права. Автор отмечал, что сознательно не стал приводить суждения по этому вопросу известных политических деятелей, писателей — приверженцев «бобриковской» системы управления краем, таких, как, например, генерал М. М. Бородин, К. Ф. Ордин. Благодаря этому «приему» читатель получал определенное представление о позиции большинства известных и авторитетных русских специалистов права по «финляндскому вопросу».

Из «справки» следовало, что в вопросе о правовом статусе Велико-го княжества Финляндского в русской юридической мысли были и противники, и сторонники теории «особой финляндской государственности», причем явное большинство ученых принадлежало к первой группе. По мнению Н. О. Куплеваского, из 25 русских ученых-специалистов права, взгляды только пятерых «оказываются благоприятными для притязания финляндских публицистов», а труды сторонников теории «особого финляндского государства» относятся к тому времени, «когда по истории этих отношений как ученая, так и обыкновенная публика была или в полном неведении, или черпала свои сведения из одного только источника — проф. Л. Мехелина» [Там же].

Для большей убедительности сделанного замечания Н. О. Куплеваский приводит пример из своего собственного опыта. Когда он занялся исследованием данного вопроса, то, прежде всего, обратился к уже появившимся работам А. Градовского и А. Романовича-Славатинского. Это, по его словам, были скорее краткие замечания, в которых заключения выводились без достаточной мотивировки, на основании какого-либо одного признака. Представление о том, что Финляндия есть самостоятельное государство и находится с Российской империей в реальной унии, составлялось, например, на том основании, что в Финляндии есть сейм. Также для того, чтобы исследование было более обстоятельным, Н. О. Куплеваский стал искать специальные монографии, посвященные этому вопросу, и нашел только одну — монографию профессора Л. Мехелина — “*Precis du droit public du Grand-Duché de Finland*”. Н. О. Куплеваский отметил, что Л. Мехелин в своем очерке, говоря о Фридрихсгамском трактате, умолчал о статье IV, которая буквально гласит: «Губернии сии (финляндские) переходят в собственность и державное обладание России и к ней навсегда присоединяются», а привел

из этого трактата только статью VI, содержащую несколько благоприятных для Финляндии выражений». И поскольку Н. О. Куплеваский, как он сам отметил, «не был знаком с текстом самого трактата, то об этой IV статье я узнал гораздо позже от профессоров международного права». И поэтому первоначально Н. О. Куплеваский считал Великое княжество Финляндское особым государством [11].

Таким образом, исходя из вышеизложенных замечаний, профессор Н. О. Куплеваский сделал предположение, что и эти ученые — защитники теории «особого государства», находились в том же положении, в каком оказался и он, за исключением отчасти профессора В. Сергеевича, которому, по крайней мере, содержание ст. IV Фридрихсгамского трактата в 1883 г. было известно; он эту статью цитирует [Там же].

Анализ материалов «Окраин России», касающихся определения государственно-правового статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, позволяет резюмировать основные положения по данному вопросу, излагаемые в газете:

1) Финляндия была и остается инкорпорированной в состав Российской империи провинцией или областью;

2) Финляндия односторонними актами русской верховной власти наделена весьма широкими правами и имеет свою областную конституцию;

3) Российская империя имела право определять компетенцию местных учреждений Финляндии и может как расширять эту компетенцию, так и сужать ее, если эта компетенция наносит империи существенный вред или грозит существенным вредом в будущем.

Подводя итоги обзора материалов «Окраин России», касающихся определения государственно-правового статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, нужно отметить высокий научный уровень публикаций, освещающих юридическую сторону «финляндского вопроса», попытки дать научно обоснованные доказательства несостоятельности доводов финляндской стороны в защиту теории «особой финляндской государственности», прежде всего, с точки зрения юридической науки. Необходимо также заметить, что наибольшее количество публикаций правового характера на страницах газеты отмечается в 1910 г., что вполне объяснимо. Именно в этом году в Государственной Думе шло обсуждение законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения.

Основной же массив публикаций, отражавших «финляндский вопрос» на страницах газеты, имел общественно-политический характер. В этих публикациях наиболее полно были представлены взгляды

участников еженедельника «Окраины России». Позиция газеты в «финляндском вопросе» была выражена еще в первом номере «Окраин России» 1906 г., в котором был опубликован перечень первоочередных задач для разрешения вопроса. Этот перечень необходимых мероприятий был озаглавлен как «Русская объединительная программа по отношению к Финляндии» [12]. Программа «Окраин России» по «финляндскому вопросу» заключала в себе следующие задачи:

«1. Назначение на высшие ответственные должности по финляндскому управлению таких лиц, которым не были бы чужды интересы русского государства и русского народа.

2. Признание равноправности русских людей в Финляндии с местными гражданскими: по службе государственной и общественной, по имуществу, в сфере политической и профессиональной деятельности, одним словом, предоставление русским в Финляндии тех же самых прав, которыми финляндцы беспрепятственно пользуются во всей России.

3. Уравнение Финляндии с прочими частями империи в несении тягостей общегосударственных расходов и повинностей.

4. Подчинение общегосударственного законодательства всероссийской Государственной думе и Государственному совету, при участии представителей финляндского народа, и определение предметов этого законодательства вне зависимости от усмотрения финляндского сейма.

5. Недопущение образования отдельной финляндской армии или иных финских войсковых частей.

6. Введение государственного языка в делопроизводство высших правительственных установлений.

7. Возвращение к общей русской монете, введенной императором Александром I и уничтоженной Александром II.

8. Подчинение русской правительственной власти, сверх почты и телеграфа, также железных дорог и лоцманского ведомства, в видах обеспечения существенных государственных и стратегических интересов.

9. Соединение рельсовых путей и движения русских и финляндских железных дорог.

10. Снятие таможенной черты, отделяющей Финляндию от прочих частей империи, в качестве, будто бы, особого государства.

11. Наблюдение русской правительственной власти за учебным делом и особое попечение о русских училищах и об интересах православных приходов в Финляндии» [Там же].

Данная программа определила характер публикаций по «финляндскому вопросу» на годы вперед. Освещение российско-финляндских отношений на протяжении всех семи лет издания газеты в полной мере

соответствовало заявленным задачам в «Русской объединительной программе по отношению к Финляндии».

«Окраины России» с пристальным вниманием следили за деятельностью финляндских генерал-губернаторов. Особенно жесткой критике в газете подверглась деятельность князя И. М. Оболенского и его преемника Н. Н. Герарда, управлявшего Финляндией в либеральном духе. В статье «Н. Н. Герард основывает финляндское государство» автор, писавший под псевдонимом “Норман”, обвинил Н. Н. Герарда в небрежном отношении к русским в Финляндии, в неотстаивании интересов России, а наоборот, в укреплении финляндской автономии. Норман подвергал критике Н. Н. Герарда за то, что он управляет краем не самостоятельно, а по советам «своего постоянного финляндского суфлера Мехелина» [13]. В другой статье «Гельсингфорс» корреспондента «Окраин России», писавшего под псевдонимом «Русский учитель», Н. Н. Герард был обвинен в попустительстве сокращению русских школ и в снижении их субсидирования из финляндской казны [14].

Со страниц «Окраин России», в течение всех лет издания, постоянно поднимался вопрос об уравнивании российских подданных в крае с правами финляндского гражданства, причем «Окраины России» отмечали сильное противодействие политике российского правительства в Финляндии. По этому поводу в газете говорилось, что «враги и противники единства империи выдвигают обвинение в попытке насильственного обрусения финляндцев, в стремлении подавить местную культуру, уничтожить язык» [3]. Подобные обвинения в газете характеризовали как ложь и злостную выдумку. В опровержение газета заявляла, что во всех мероприятиях за последние годы царствования Александра III и до 1905 г. «добросовестному исследователю решительно невозможно отыскать ни малейшего намека на лишение финнов их этнографических, национальных и культурных особенностей» [Там же]. Таким образом, по мнению «Окраин России», поднятый Россией «крестовый поход» против финляндской культуры, существовал только в фантазии финляндских политиков.

В этой связи нельзя не отметить обширную полемику русской и европейской общественности по «финляндскому вопросу», отразившуюся в статьях издателя газеты, историка, филолога-слависта, профессора П. А. Кулаковского «Финляндский вопрос и чужое вмешательство» [14] и «Заявление немецких профессоров по финляндскому вопросу и протесты против него русских обществ и ученых» [15]. Первая статья П. А. Кулаковского была ответной реакцией «Окраин России» на сделанное немецкими учеными заявление по «Финляндскому вопросу». П. А. Кулаковский отмечал, что заявление является плодом

стараний финляндских сенаторов, что Лео Мехелин, «злой дух Финляндии», давно пытался придать российско-финляндским отношениям характер международных. Автор заметил, что «вожди финляндского сепаратизма давно прибегали к обработке “общественного мнения” в Западной Европе, подражая в этом отношении полякам, которые умели искусно поддерживать у нас какой-то суеверный страх перед мнением западноевропейским. Но выражение: “А что скажет Европа?” имело, быть может, некогда свое значение, а теперь оно уже равносильно фамусовскому восклицанию: “Ах, Боже мой, что скажет княгиня Марья Алексеевна!”» [14].

После «разоблачения» идеи финляндских сепаратистов вывести «финляндский вопрос» на международную арену П. А. Кулаковский столь же бесцеремонно приступил к разгрому возвания немецких профессоров. Издатель газеты обращает внимание на то, что после обстоятельного, хотя и весьма сжатого, обзора Н. О. Куплеваским мнений видных русских специалистов права о юридическом статусе Финляндии в составе Российской империи становится вполне очевидным, что с точки зрения юридической науки на Финляндию можно смотреть только, как на «завоеванную Россией провинцию» и «все, что может иметь общегосударственное значение, конечно, не может подлежать какой-либо компетенции финляндского сейма, — это ныне дело Государственных Думы и Совета» [Там же].

Не скрывая своего раздражения, П. А. Кулаковский обрушился с критикой на немецких ученых: «Если немецким профессорам этого непонятно, то жаль, что в их научной подготовке существует такой пробел точных знаний, что они роняют добрую славу немецких ученых, которые прежде говорили лишь о том, что хорошо знают, и молчали о том, чего не знают» [Там же]. Весьма показательным для возникшей в 1910-е гг. в российской публицистике темы о российском национализме является поворот, примененный автором статьи, к еврейскому вопросу. Автор пишет, что немецких профессоров «нужно поучить. <...> Впрочем, в наш век, когда в коллегиях германских университетов заседает уже много евреев, можно сомневаться в успехе самой строгой, точной и основательной научной аргументации» [Там же]. Далее автор отметил, что за попытками финляндцев придать международный характер разногласиям, возникшим между Россией и Финляндией, весьма внимательно следят поляки, испытывающие теперь «удивительно нежные чувства к Финляндии». И в силу этих обстоятельств, по мнению П. А. Кулаковского, заявление «некоторой группы немецких профессоров» по «финляндскому вопросу» было недопустимым прецедентом. По мнению автора статьи, можно было

бы не обратить внимания на это «произведение немецко-еврейских гелертеров», но «тут интересна лишь первая в наше время попытка прибегнуть вновь к старому средству, иногда оказывающему свое действие на Россию, ее правительство и часть общества: “а что скажет Европа?”» [Там же].

Такой же резкой и эмоциональной оказалась вторая статья П. А. Кулаковского «Заявление немецких профессоров по финляндскому вопросу и протесты против него русских обществ и ученых». Этой статьей начинался 5-й выпуск газеты за 1910 г., а публикация только протестов русской общественности растянулась по 20-й выпуск включительно.

Обвинив в первой статье современную немецкую научную школу в несостоятельности судить о данном вопросе, П. А. Кулаковский объяснил это, прежде всего, предвзятостью мнения и, особенно, возросшим еврейским фактором в германской научной мысли. Подготовив, таким образом, мнение читателя, он в следующей статье привел уже сам текст заявления немецких профессоров и подверг его еще большей критике. В связи с необходимостью раскрытия доводов издателя «Окраин России» П. А. Кулаковского, а также для получения представления о точке зрения западной, в частности германской, общественности на российско-финляндские отношения, представляется целесообразным привести сам текст сделанного немецкими учеными заявления по «финляндскому вопросу». Итак, по данным «Окраины России», в берлинских газетах *Taegliche Rundschau*, *Berliner Tageblatt* и *Vossische Zeitung* было помещено заявление в пользу притязаний Финляндии, подписанное 65 немецкими учеными от 1 января 1910 г., следующего содержания:

«Предпринятые за последнее время русским правительством против Великого Княжества Финляндского меры имеют столь чрезвычайный характер и значение, что они неминуемо должны были вызвать в каждом культурном и правовом государстве самое мучительное внимание и антипатию.

Мы далеки от желания вмешиваться во внутреннюю политику России. Но существующее между Российским правительством и Финляндским народом разногласие затрагивает также и общие интересы Европы и даже всех культурных государств. Император Александр I приобрел (*erwarb*) Финляндию, заявив вместе с тем, что он хочет дать Финляндии самостоятельное существование, в качестве соединенного с великим русским государством государства (*Staat*), — заявление, на которое ссылались и при заключении Фридрихсгамского мирного договора, и коим Швеция отказалась от Финляндии. Если, таким образом, господствующее между Россией и Финляндией разногласие

и не таково, чтобы его следовало передать на обсуждение международного третейского суда, то, во всяком случае, и улаживание его согласно праву немаловажно для доверия, с которым должно относиться к международному праву: ибо территориальное приобретение, которое указанным образом опиралось и на согласие населения завоеванной страны, при чем и формальный договор о передаче напоминал об обещании, данном завоевавшей страной, не является приобретением, которое давало бы завоевавшему государству право взять обратно раз данное уверение без нарушения этим международного права.

Нижеподписавшиеся полагают, что они выражают убеждение широких немецких кругов, высказывая, ввиду угрожающей ныне самостоятельности Финляндии опасности, следующее:

1. По почти что единогласному мнению самых выдающихся правоведов среди всех цивилизованных народов Император Александр I в 1809 г., при соединении Финляндии с Россией, признал за Финляндией положение государства (Staat), особого от русского государства (Staat). Уничтожение, или же одно посягательство на эту политическую самостоятельность Финляндии, было бы равносильно нарушению торжественно данных уверений и отмене считавшегося во время нескольких поколений неприкосновенным правопорядка.

2. Мы глубоко сожалели бы о неизбежной, при потере политической самостоятельности, гибели особой финляндской культуры, так как эта путем тяжкого труда и собственными силами достигнутая культура составляет очень ценное звено всей современной культурной жизни.

3. Мы не можем допустить мысли, чтобы русское общество и прежде всего законные представители русского народа положили начало внутреннему строительству политической жизни своей родины занесением руки к явному нарушению конституции и духовному уничтожению дельного и постоянно лояльного народа» [15].

Комментируя текст «заявления», П. А. Кулаковский, прежде всего, обращает внимание на «несерьезность и легкомысленность» тона заявления немецких ученых, столь не свойственный заслуживающей уважения немецкой научной школе. Автор подчеркивает, что заявление исходит от именно немецких ученых, «ибо в перечне подписей нет ни одного члена не немецких коллегий» [Там же]. Далее следует более критическое рассмотрение списка подписавших воззвание. Автором делается акцент на нескольких, по его мнению, «несомненно еврейских фамилиях», что придает этому воззванию «специфический характер». Продолжая анализ списка ученых, П. А. Кулаковский отмечает, что некоторые из них являются узкими специалистами в своей

области, далекой от внешнеполитических вопросов, например, зоология или сравнительная грамматика, и, следовательно, не имеют никакого права на самостоятельность суждений в данном вопросе. Исходя из этого, автор делает вывод: «Все эти лица притянуты, так сказать, за волосы к участию в этой выходке — *sit venia verbo!* — школьниково-шалунов» [Там же].

Таким образом, по мнению П. А. Кулаковского, данное воззвание абсолютно не отражало действительное отношение немецкой общественности к российской политике в Финляндии. После столь критического рассмотрения списка немецких ученых, подписавших данное воззвание, автор дал не менее критический анализ самого текст заявления. Первое, на что П. А. Кулаковский обратил внимание, было то, что в тексте заявления упорно повторялось слово “*erwerben*”, что в переводе автора статьи означает «приобрести, добыть», и это, по его мнению, говорило о том, что немецкие ученые подписали заявление, не ознакомившись предварительно с полным текстом Фридрихсгамского мирного договора, в связи с чем не смогли увидеть истинного его смысла. Исходя из этого довода, П. А. Кулаковский констатировал: «теряется уважение к немецкой учености, к немецкой честности...». Особое же недоумение у автора вызвали выводы заявления немецких ученых, в частности положение о том, что Финляндия признавалась с самого ее покорения Россией государством со своими государственными учреждениями. Данное утверждение П. А. Кулаковский оценил как невежественное, аргументируя это следующим образом: «Ведь, если немецкий ученый собирается судить о таком простом вопросе, была ли завоевана Россией или нет Финляндия, то ему даже не нужно изучать русский язык для знакомства с историческим фактом, а можно прибегнуть и к тексту перевода, но перевода авторитетного, критически проверенного. Где же хваленая ученая добросовестность и точность немецкой науки?...» [Там же]. Затем П. А. Кулаковский комментирует обеспокоенность немецких профессоров по поводу неизбежной гибели особой финляндской культуры, которая, по их мнению, была достигнута благодаря лишь собственным силам и тяжкому труду финляндцев. В связи с этой обеспокоенностью он заметил: «Но какую такую *особую* культуру создали финляндцы? То, что в этой стране существует известный порядок, известная зажиточность некоторых классов, известная маленькая литература и много всяких газет и листовок — так это разве особая культура?» [Там же]. Таким образом, из данного возражения видно, что П. А. Кулаковский испытывал глубокие сомнения в искренности немецких ученых, придававших особое значение финляндской культуре, составляющей, по их мнению, «очень ценное звено всей современной культурной жизни».

Самым же характерным для значения данного заявления П. А. Кулаковский считал его последний пункт. Здесь автор статьи увидел явное обращение немецких профессоров к членам российских государственных учреждений с целью убедить их воспротивиться осуществлению прав России урегулировать отношения с одной из ее окраин. П. А. Кулаковский определил заявление немецких ученых как первую такого рода попытку, за которой «несомненно, последуют еще разные “заявления” со стороны не только западноевропейцев, а даже, быть может, и славян, в роде поляков и, пожалуй, части чехов, но и кто знает? — со стороны группы русских родичевского типа» [Там же]. Здесь автор выразил беспокойство, не послужат ли эти заявления предлогом для каких-либо откликов в политической сфере. В связи с этим П. А. Кулаковский бросил призыв громче и сильнее протестовать против этой «выходки» немецких профессоров, чтобы голоса протеста раздавались со всей России.

Вслед за призывом П. А. Кулаковского газета «Окраины России» открыла цикл публикаций протестов русской общественности, продолжавшийся с 5-го по 20-й номер газеты в 1910 г. Свои протесты на заявление немецких ученых прислали:

1. Советы: Русского собрания; Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III; Славянского благотворительного общества; Русского окраинного общества; Союза Русского народа и Союза Архангела Михаила.

2. Всероссийский национальный клуб.

3. Профессора Новороссийского университета.

4. Профессора Императорского университета св. Владимира в Киеве.

5. Киевский клуб русских националистов.

6. Профессора Юрьевского университета.

7. Киевский отдел Русского собрания.

8. Киевский губернский отдел союза Русского народа.

9. Русское общество в Варшаве.

Таким образом, можно констатировать, что на призыв П. А. Кулаковского откликнулись практически все основные правомонархические и националистические организации Российской империи, что, в свою очередь, указывает на авторитет газеты «Окраины России» как голоса правых сил в национальном вопросе.

Все опубликованные «протесты» выражали абсолютную солидарность со статьей П. А. Кулаковского. Из их содержания следовало, что заявление немецких ученых признавалось плодом антирусской деятельности финляндских сепаратистов, извративших факты российско-финляндских отношений. Во всех «протестах» русской правдой общественности прослеживается острое неприятие выводов немецких

ученых. Опротестовывалось утверждение об особой государственности Финляндии. Опровергалось убеждение о возможной гибели особой финляндской культуры, которая достигла своего расцвета лишь благодаря покровительственной политике России по отношению к своей финляндской провинции.

Лейтмотивом этих документов проходило убеждение в том, что данное заявление нарушало все нормы международного права и «международного приличия». И самый главный вывод, который был сделан, сводился к тому, что «финляндский вопрос» — внутреннее дело Российской империи, вследствие чего подобные воззвания назывались неуместным и дерзким вмешательством во внутреннюю политику России.

В газете «Окраины России» особо пристальное внимание было обращено на политику российского правительства, проводимую по отношению к Финляндскому краю. В течение всех семи лет на страницах газеты нашли отражение все мероприятия правительства по решению «Финляндского вопроса». В публикациях газеты подробно освещалась деятельность созданного при Совете министров Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского, в составе которого были и участники газеты Н. Д. Сергеевский и М. М. Бородкин, а также постоянный автор публикаций по «финляндскому вопросу» В. Ф. Дейтрих.

Как уже было сказано, наибольшее количество материалов, касавшихся внутривнутриполитических мероприятий по отношению к Финляндии, было опубликовано на страницах газеты в течение 1910 г., что было обусловлено ожиданием закона о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. Таким образом, в 1910 г. в преддверии принятия Государственной Думой данного законопроекта «Окраины России» создавали общественное мнение по «Финляндскому вопросу» публикацией статей, определяющих положение Финляндии в составе России как нераздельной ее части, не обладающей никакой юридически подтвержденной особой государственностью. В связи с этим Высочайший манифест о передаче на рассмотрение Государственной Думе и Государственному совету данного законопроекта, изданный Николаем II 14 марта 1910 г., признавался в «Окраинах России» началом в разрешении «финляндского вопроса», который «державною волей Русского Самодержца сдвинут с мертвой точки, на которой он пребывал уже много лет, и, по крайней мере, с юридической стороны вскоре получит свое разрешение» [16]. Таким образом, Манифест 14 марта 1910 г. давал долгожданное правыми силами определение четкой и ясной политической воли империи в данном вопросе. После издания Высочайшего Манифеста в газете

«Окраины России» начинается публикация цикла статей, подробно разъясняющих внесенный на рассмотрение в Государственную Думу «финляндский» законопроект. В. Ф. Дейтрих, член Государственного совета, один из участников особой комиссии, разработавшей данный законопроект, пояснял: «Он осуществляет ту мысль, что в едином государстве законы общего значения, т. е. такие, которые касаются всего государства, или интересов всех граждан, могут и должны получать свое бытие лишь в общегосударственных законодательных учреждениях». И далее было замечено, что «законы, издаваемые в местном порядке, очевидно, должны находиться в подчиненном положении к изданным в общем порядке» [Там же].

После публикации текста законопроекта военный юрист, историк Финляндии, генерал М. М. Бородкин в статье «Объяснительная записка к финляндскому законопроекту» [17] вывел основные положения проекта:

1) Финляндия, являясь нераздельной частью единого Российского государства, пользуется во внутренних своих делах лишь областным самоуправлением, основные начала и пределы которого определяются общим законодательством империи;

2) Основные государственные законы имеют в Финляндии такую же обязательную силу, как и в других частях государства. Изданные для Финляндии особые местные основные законы имеют силу только в отношении внутренних ее дел;

3) внутренними делами Финляндии почитаются местные дела, ни в чем не касающиеся других частей империи, ибо в силу статьи 2-й Основных государственных законов, лишь по этим делам Финляндии управляется особыми установлениями на основании особого законодательства. Прочие касающиеся Финляндии дела, кроме внутренних, подлежат разрешению впредь, как и ныне, в порядке, установленном общим законодательством империи. Мнение сейма по делам, по коим он будет запрошен, может иметь исключительно совещательное значение;

4) для лучшего обеспечения пользы Финляндии и ознакомления с ее нуждами, в состав Государственного совета и Думы вводятся представители от населения Финляндии;

5) изданные в общем порядке законы отменяют и изменяют законы, изданные в особом порядке, но не могут быть отменены или изменены последними.

М. М. Бородкин определил, что цель законопроекта была в обеспечении «на финляндской окраине неотъемлемых прав и жизненных интересов России, однако вовсе не задается планами ни нарушения

внутренней автономии Финляндии, ни денационализации финнов, ни посягательства на их культуру» [Там же].

Дальнейшие публикации газеты «Окраины России» по «финляндскому вопросу» уделяли пристальное внимание прохождению законопроекта в Государственной Думе и Государственном совете. В этой связи была опубликована речь, произнесенная председателем Совета министров П. А. Столыпиным перед членами Государственной Думы, в которой он указал на основные моменты «финляндского вопроса». После принятия 26 мая 1910 г. законопроекта в Государственной Думе он был передан 31 мая на обсуждение в Государственный совет, где уже к 17 июня был принят. По этому поводу в газете «Окраины России» только вскользь упоминалось о том, что в Государственном совете неожиданно оказались выступления против законопроекта, что объяснялось тем, что в «среде нашей бывшей высшей бюрократии всегда бывало не мало космополитиков», и отмечалась, что к чести Государственного совета таких лиц среди его членов оказалось немного, и законопроект прошел значительным большинством [18]. Таким образом, прерогатива общеимперского законодательства над местными финляндскими законами получила юридическое оформление, в чем газета усматривала заслугу, прежде всего, П. А. Столыпина, который «первый сказал прямое, правдивое слово о Финляндии, установил верный государственный взгляд на нее». Столь же высоко был оценен вклад в разрешение «финляндского вопроса», сделанный комиссией в составе Дейтриха, Мясоедова, Якунчикова, Корево, Бородинкина во главе с их председателем Харитоновым, которые «документально, ясно, со всех сторон осветили финляндский вопрос и сделали его достоянием и русского общества» [Там же]. Этот законопроект был определен как «продолжение дела Петра Великого, но не завершение», которое газета связывала лишь «с возвращением Выборга и его уездов, в смысле подчинения и их внутренней жизни законам единой, нераздельной России».

После принятия в Государственной Думе и Государственном совете закона 17 июня 1910 г. публикации, посвященные рассмотрению «финляндского вопроса» на страницах «Окраин России», приобретают периодический характер, отражая, в основном, современное газете положение дел в Финляндии. Тем не менее, и после 1910 г. «финляндский вопрос» в этом издании воспринимался в качестве далеко еще не разрешенного, но получившего правовое оформление, необходимое для дальнейшего проведения политики правых сил, направленной на отстаивание государственных интересов Российской империи в Великом княжестве Финляндском.

Источники

1. *От редакции* // Окраины России. 1912. 26 мая.
2. *О задачах и целях* [от редакции] // Окраины России. 1906. 5 марта.
3. *Кулаковский П. А.* Значение русского племени в России // Окраины России. 1906. 5 марта.
4. *Кулаковский П. А.* Слово к читателям // Окраины России. 1912. 22–29 декабря.
5. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1957. Т. 2.
6. *Наш* [псевдоним]. 1809–1909 // Окраины России. 1909. 3 января.
7. *Наш* [псевдоним]. Долг перед прошлым // Окраины России. 1909. 3 января.
8. *Нат* [псевдоним]. К столетию зимнего вторжения наших войск в Швецию // Окраины России. 1909. 14 марта.
9. *Бородкин М. М.* [б. н.] // Окраины России. 1909. 17 января.
10. *Куплеваский Н. О.* Справка о мнениях 25-ти русских ученых, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской Империи // Окраины России. 1910. 2–9 января.
11. *Куплеваский Н. О.* [б. н.] // Окраины России. 1910. 25 января.
12. *Русская объединительная программа* по отношению к Финляндии // Окраины России. 1906. 5 марта.
13. *Норман [псевдоним].* Н. Н. Герард основывает финляндское государство // Окраины России. 1906. 12 марта.
14. *Кулаковский П. А.* Финляндский вопрос и чужое вмешательство // Окраины России. 1910. 23 января.
15. *Кулаковский П. А.* Заявление немецких профессоров по финляндскому вопросу и протесты против него русских обществ и ученых // Окраины России. 1910. 30 января.
16. *Дейтрих В. Ф.* Начало в разрешении «финляндского вопроса» // Окраины России. 1910. 20 марта.
17. *Бородкин М. М.* Объяснительная записка к финляндскому законопроекту // Окраины России. 2010. 27 марта.
18. *Окраины России.* 1910. 19 июня.

Сергей Григорьевич Кащенко, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
kgs2004@yandex.ru

Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян на территории «исторической» Ингерманландии. К вопросу о трансформации структуры наделов и платежей¹

Реформа 1861 года, Ингерманландия

Reform of February 19, 1861, Ingermanland

Статья посвящена изучению проблем реализации реформы 19 февраля 1861 г. на территории Ингерманландии. Внимание уделено важнейшим показателям, определявшим состояние крестьянского хозяйства, — размерам наделов и величине повинностей в пользу помещиков, а также анализу до- и послереформенной структуры наделов и платежей, характера ее трансформации в ходе реформы в зависимости от уровня хозяйственного развития, географических особенностей уездов, формы эксплуатации.

The article is devoted to the study of problems related to the implementation of the reform of February 19, 1861, in Ingermanland. Attention has been focused on the most important indicators of the state of peasant farming: the size of allotments, and the size of obligations to the serfowners. Attention is also focused on analyzing the pre- and post-reform structure of allotments and payments, the character of their transformation during the course of the reform, depending upon the level of economic development, the geographic characteristics of districts, and the form of exploitation.

В российской историографии реформы 1861 г. на протяжении многих десятилетий особое внимание уделялось вопросам изучения

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 10–01–00632 а/Ф.

экономических последствий отмены крепостного права в бывшей помещичьей деревне. В большей степени они затрагивали крестьянские хозяйства, и в этом случае на первый план выходили проблемы, связанные с трансформацией структур наделов и платежей².

Современные исследования, проводимые в этом направлении, базируются на компьютерном анализе больших массивов уставных грамот, входящих в дела о выкупе земельных наделов временнообязанными крестьянами³, хранящихся в Фонде 577 Российского государственного исторического архива (далее — РГИА). Широко используются и документы губернских по крестьянским делам присутствий, отложившиеся в ряде областных архивов.

Следует отметить, что в настоящее время в ряде научных центров России и Финляндии (следует упомянуть университеты Санкт-Петербурга, Хельсинки, Турку, Восточной Финляндии) проявляется интерес к детальному изучению экономики приграничных северо-западных районов Российской империи, среди которых выделяется территория «исторической» Ингерманландии, входившая в середине XIX в. в состав Петербургской губернии. В этой связи ситуация в аграрном секторе столичной губернии в середине XIX в. становится важным объектом для исследования.

Изучение результатов реформы сталкивается со сложностью экономических взаимоотношений помещиков и крестьян, неоднозначностью процессов, происходивших в ходе отмены крепостного права. Документы с трудом поддаются статистическому анализу без применения современных информационных технологий. Ситуация изменилась в связи с завершением создания баз данных на основе материалов Фонда 577 РГИА (выкупные дела крестьян Санкт-Петербургской губернии) и документов Фонда 190 Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Губернское по крестьянским делам присутствие).

Данные были обработаны с использованием статистических пакетов программ. Некоторые результаты, имеющие отношения к территории Ингерманландии, представлены в настоящей статье.

Главное внимание уделено изучению структур крестьянских наделов и платежей, определению особенностей их деформации, произошедшей в ходе реформы, ее зависимости от уровня развития хозяйства отдельных волостей и уездов, экономико-географических особенностей, сложившихся здесь социально-экономических отношений.

² Статья является расширенной версией доклада, сделанного автором в Университете Хельсинки в 2011 г.

³ Подробнее об уставных грамотах, составлявшихся в помещичьих имениях в 1861–1863 гг., см.: [1, с. 60–70].

***

К середине XIX в. северная часть столичной С.-Петербургской губернии, где находилась территория Ингерманландии, располагалась на обширном пространстве, ограниченном рекой Наровой, берегами Финского залива и Ладожского озера.

В целом в состав губернии в середине XIX в. входили подстоличный Петербургский, расположенные рядом Царкосельский, Шлиссельбургский, Петергофский⁴, несколько более отдаленный от столицы Ямбургский, а также Лужский, Новолодожский, Гдовский уезды. В настоящей статье будет рассмотрена экономическая ситуация в помещичьей деревне первых пяти уездов, включающих земли т. н. «исторической» Ингерманландии.

Петербургский уезд на севере граничил с Выборгской губернией, находившейся в это время в составе Великого княжества Финляндского, а также соседствовал с Царкосельским, Шлиссельбургским и Петергофским уездами. Этот сравнительно небольшой по площади уезд играл значительную роль в политической, экономической и культурной жизни губернии.

Шлиссельбургский уезд располагался в северо-западной части Ингерманландии. Нева делила его на две части, заметно отличавшиеся по географическому положению, составу населения и социально-экономическим характеристикам. Центральную часть района занимал Царкосельский уезд. Территория Петергофского уезда на севере ограничивалась побережьем Финского залива. Ямбургский уезд располагался в западной части Ингерманландии, гранича по реке Нарове с Эстляндской губернией.

Почва и климат в «ингерманландских» уездах, как, впрочем, практически на всей территории столичной губернии, не способствовали развитию земледельческих занятий местного крестьянства. Тем не менее в Петербургском уезде весьма скудные почвы его северной части кормили население пяти волостей (Коркиомяжской, Лемболовской, Кюлиятской, Осинорощинской, Вартемяжской), составлявших своеобразную земледельческую зону. Следует заметить, что здесь проживало значительное число финских крестьян.

В этом же уезде важную роль играли «промысловые» волости, в основном обслуживающие столицу. Так, во второй половине XIX в. современники выделяли особый «дачный» район, занимавший части Муринской, Парголовской, Стародеревенской и Полюстровской волостей, и «фабрично-ремесленный», включавший Александровскую,

⁴ В 1848 г. Ораниенбаум утратил статус уездного города, и административные уездные учреждения были переведены в Петергоф.

Московскую, Рыбацкую, Усть-Ижорскую и оставшуюся часть Полюстровской волости.

В «дачном» районе крестьяне занимались извозом, вывозили из города нечистоты, выращивали и продавали овес и овощи, продукты животноводства, «состояли в услужении» и практически весь летний период сдавали горожанам строения под дачи.

В «фабрично-ремесленном» районе местные крестьяне подрабатывали на предприятиях сами и отправляли на заработки детей, сдавали жилье рабочим, доставляли сырье и вывозили готовую продукцию. Известно, что по степени развития различных видов промышленности уезд существенно выделялся в губернии: на расположенных здесь фабриках и заводах работало свыше 15 000 рабочих, стоимость продукции оценивалась в 19 млн руб. (в то время как на остальные 7 уездов приходилось около 24 млн руб.)⁵.

В «заневской» части Шлиссельбургского уезда значительные территории в эти годы совершенно не культивировались. Земледелие здесь было возможно только на небольших участках земли с применением мелиорации. В южной части уезда, в местностях, прилегающих к Неве, и в районах вблизи столицы, хозяйство можно было вести с использованием удобрений, вывозимых из города. Большие площади занимали в этой части уезда дровяные леса.

В Царскосельском уезде выращивались «серые хлеба» и картофель. Здесь было сравнительно много крупных по губернским меркам городов и поселков, функционировала развитая транспортная система, что позволяло наладить сбыт молочных продуктов, овощей и ягод, сена и овса. Были распространены извоз и «дачный промысел», крестьяне часто находились в «личном услужении» у состоятельных горожан, а крестьянки (особенно в финских семьях) за плату брали на «выкормление» питомцев, детей из Петербургского воспитательного дома. Многие находили работу на петербургских заводах и фабриках.

Во многом похожей была ситуация в соседнем Петергофском уезде. В самом Петергофе число горожан существенно выросло летом за счет дачников и «воспитанников всех военных учреждений С.-Петербурга». Сдача домов считалась главным «источником благосостояния местных жителей».

Между тем, сельское население уезда преобладало над городским. Кроме традиционного русского и финского крестьянства здесь встречались немецкие колонисты. Русских в уезде было менее половины, здесь проживало около 17 000 финнов, 9500 води и ижоры.

⁵ Подробные данные о распространении промышленности в губернии приведены в табл. 1 Приложения.

Петергофские крестьяне издавна занимались земледелием, но своим хлебом население себя не обеспечивало. Близость столицы и ряда городов привели к распространению неземледельческих занятий крестьян. Зажиточные, в основном зимой, занимались извозом, бедные работали на петербургских и кронштадтских заводах и фабриках.

Ямбургский уезд относился к «земледельческо-промышленным». Собираемого здесь хлеба не только хватало для прокормления местных жителей, но он шел также на винокурение и частично сбывался через Нарву. На уровень сельского хозяйства оказывали влияние более прогрессивные формы земледелия соседних прибалтийских губерний. Кроме традиционных для региона «серых хлебов» и картофеля здесь выращивались на продажу овощи, фрукты и ягоды. В С.-Петербург отправлялась и молочная продукция.

Часть населения уезда занималась рыболовством, лесными промыслами, лоцманством. Крестьянки за определенную плату брали на воспитание детей.

По данным 10-й ревизии, обработанным известным российским статистиком А. Тройницким [2, с. 40], крестьянское население помещичьих имений Ингерманландии, составляло 50 454 души м. п. тяглых крестьян и 2872 души м. п. дворовых. По уставным грамотам численность тяглого крестьянского населения составляла 56 280 душ м. п., дворовых насчитывалось 2043 человека⁶. Это свидетельствует о репрезентативности сохранившихся архивных документов.

Если сравнить численность помещичьих «ингерманландских» крестьян с общим количеством крепостных в губернии, то оказывается, что тяглых крестьян здесь было 47,1% от всего количества крепостных, а дворовых — 51,7%. Оставшиеся три уезда: Новоладожский, Гдовский и Лужский — были весьма крупными (по губернским меркам) и по числу крепостных даже несколько превосходили пять «ингерманландских».

Более развернутое представление о численности «сельских сословий» в губернии дает нам табл. 2, приведенная в Приложении.

Для того чтобы оценить уровень социально-экономического развития региона в середине XIX в., можно проанализировать цифры,

⁶ Расхождение объясняется тем, что в созданную нами базу данных попали и крестьяне некоторых особых категорий, освобождение которых иногда также происходило на основании «Положений» 19 февраля 1861 г. Однако помещичьи эти крестьяне считаться не могут и далее в нашей статье рассматриваться не будут. В частности, в числе таких имений оказалось Павловское дворцовое имение великого князя Константина Николаевича, где уставная грамота была составлена в августе 1861 г.; имения, принадлежавшие великой княгине Елене Павловне.

характеризующие распространение различных форм эксплуатации в помещичьей деревне. Подробные сведения о распространении различных форм эксплуатации в помещичьей деревне Ингерманландии приведены в нашей работе, посвященной анализу крестьянских наделов [3, с. 93].

На рассматриваемой нами территории около четверти помещичьих крестьян исполняли барщину, а остальные, примерно в одинаковых пропорциях, состояли на оброке и смешанной повинности.

В центральной части региона (Петербургском, Царскосельском и Шлиссельбургском уездах) доля оброчных крестьян превышала уровень 40–50%. В основном это было связано с широким распространением разнообразных промыслов и развитием здесь товарно-денежных отношений.

Следует отметить также, что в ряде уездов губернии важную роль играли смешанные формы эксплуатации. Показательным в этом плане стал Петергофский уезд. Это свидетельствует о разнообразии хозяйственных отношений, сложившихся между местными помещиками и их крепостными.

С продвижением на запад, к границе с Эстляндией, численность барщинных заметно возростала, приближаясь к 38% в Ямбургском уезде. Здесь располагались помещичьи хозяйства, использовавшие традиции и агротехнические приемы соседних прибалтийских губерний. В этих условиях ведение барщинного хозяйства оказывалось выгодным для помещиков. Однако этот уезд нельзя назвать типичным для столичной губернии.

***

Одним из наиболее важных сюжетов, связанных с вопросами реализации крестьянской реформы, является изучение размеров крестьянских наделов накануне и после 1861 г., степени трансформации сложившейся структуры наделного землепользования. Этот вопрос был детально рассмотрен в статье, посвященной крестьянским наделам в Ингерманландии [3, с. 85–102]. Поэтому остановимся только на важнейших выводах.

В ходе исследования были рассчитаны средние размеры крестьянских наделов до и после реформы для отдельных уездов (и их частей) (см. табл. 3 Приложения), а также для различных категорий крестьян, проживавших в них. Оказалось, что на эти размеры сильное влияние оказывал фактор расположения имения ближе или далее 25 верст от столицы. Отдельно рассматривались показатели, включающие

и исключают данные по т. н. «фабричным обществам» и имению коменданта Петропавловской крепости⁷.

Расчеты показали, что наименьший средний размер надела до реформы (3,66 десятины на душу м. п.) наблюдался в Петербургском уезде.

Если временно исключить из рассмотрения «фабричных» и «комендантских» крестьян, то можно сказать, что размеры наделов в крепостной деревне Ингерманландии устойчиво увеличивались при продвижении от центра к периферии.

Такая ситуация объясняется высокой ценностью земли в непосредственной близости от столицы. При этом в силу повсеместного распространения здесь промыслов, ориентированных на обслуживание города, небольшие наделы использовались под огороды, усадьбы и покосы и гораздо реже — в качестве пашни.

В периферийном Ямбургском уезде, при сравнительно развитом земледелии, наделы были существенно больше, чтобы прокормить крестьянское население.

Следует отметить и заметные различия в средних размерах дореформенных наделов для групп крестьян, исполнявших различные виды повинностей.

При этом в промысловых оброчных селениях крестьяне обычно мало занимались земледелием и имели небольшие наделы, уступавшие по размерам наделам барщинных крестьян, теснее «привязанных» к земле.

В земледельческих оброчных селениях средний размер надела превосходил тот же показатель для барщинных, так как здесь со своих наделов оброчные кормили не только себя, но и своих владельцев.

Таким образом, размеры наделов крестьян варьировались весьма широко. Они зависели от формы эксплуатации, характера занятий, качества наделов, а иногда и просто от произвола помещиков.

⁷ Значительное число крестьян, приписанных в Петербургском уезде к фабрикам и заводам, было освобождено в соответствии со специальным постановлением от 28 июня 1861 г. Положение этих крестьян было отлично от положения основной массы крепостных. При этом, например, численность крестьян «Ведомства Александровской мануфактуры» составила 11,5% от всего крестьянского населения уезда, и при совместном проведении расчетов общая картина сильно изменялась. Вследствие этого имело смысл рассматривать ситуацию дважды: с учетом и без учета «фабричных» крестьян.

В Шлиссельбургском уезде находилось крупное имение, которым за службу пользовался комендант С.-Петербургской крепости. Статистики-современники событий считали их крепостными. Вместе с тем, как оказалось, положение этих крестьян было гораздо предпочтительнее положения остальных помещичьих крестьян. Как и в случаях с «фабричными» обществами, здесь было разумно провести отдельные расчеты.

После реформы средние размеры крестьянской земли уменьшились, при этом степень сокращения варьировалась в различных уездах. Менее всего, на 17,8%, сократились средние размеры крестьянских наделов в подстоличном Петербургском уезде. Это во многом определялось небольшой величиной дореформенного надела. Дорогая земля и так уже находилась в пользовании крестьян в минимальных размерах, а отрезка пятой ее части (пусть и небольшой в абсолютном выражении) значила здесь никак не менее, чем более значительное сокращение наделов на окраинах губернии. Примерно столько же земли (22,5%) было отрезано у шлиссельбургских крестьян. Отметим, однако, сильное искажающее влияние на общую уездную картину, оказывавшее владением коменданта Петропавловской крепости, крестьяне которого находились на более льготных условиях.

Более значительным сокращение было в Ямбургском, Царско-сельском и Петергофском уездах, где было отрезано до трети, а иногда и более, площади крестьянских наделов.

Закономерностью стало многократное (в 10–20 раз) превышение размеров отрезки крестьянских земель над ее прирезкой. Последняя обычно составляла 1–2% и встречалась у 10–20% бывших крепостных.

Весьма существенны изменения, произошедшие в структуре наделов в ходе реформы. Значительно сократился диапазон вариации наделов (практически исчезли крупные наделы), произошла группировка размеров наделов в каждом из уездов вокруг величин высшего для этого уезда размера надела.

Такая ситуация объясняется механизмом наделения крестьян землей, осуществлявшегося в соответствии с Местным положением⁸.

Усреднение пореформенных наделов указывает на частичное стирание различий в крестьянском землепользовании. Новая структура наделов явилась в дальнейшем исходной точкой для послереформенной дифференциации в среде ингерманландских крестьян.

⁸ В тех случаях, когда крестьянские наделы превышали установленный в уезде высший размер, помещик имел право сократить их до этого размера. Если крестьянские наделы до реформы попадали в интервал от низшего (составлявшего одну треть от высшего) до высшего размера, они обычно сохранялись, если же были меньше низшего, могла произойти прирезка.

При наделении крестьян высшим размером надела помещик мог требовать от них и высший размер оброка. Если же наделы устанавливались более высшего размера, то все равно поднять оброк было нельзя. Таким образом, наделение сверх высшего размера в экономическом отношении было для помещика в подавляющем большинстве случаев нецелесообразным. Если же в имениях, не имевших особых экономических выгод, у крестьян были малые наделы малоплодородной земли, меньше высшего размера, то их специально увеличивали до этой «нормы» с целью получения максимальных платежей.

Отметим, что наибольшие потери в земле понесли не крестьяне Ингерманландии, а бывшие крепостные трех периферийных уездов губернии (Гдовского, Лужского, Новолодожского), где отрезки составили 36–39 %. В этих уездах в пользовании крестьян находились до реформы обширные наделы малоплодородной земли, которые также сокращались до размеров высшего надела.

Отсталые, не развитые в промышленном отношении, Гдовский и Лужский уезды в эти годы получили, пожалуй, наиболее сильное потрясение. Множество крестьянских хозяйств, потерявших более трети земли, не смогли перестроиться, стали недоимочными, что и сделало впоследствии столичную губернию одной из самых недоимочных в России.

В целом, реформа 1861 г., освободив крепостных, дала им возможность распоряжаться своей личностью, рабочими руками и средствами и в то же время, нанесла заметный удар по землепользованию, который оказался далеко не равнозначным по силе для различных групп крестьян. Новая деформированная структура наделов стала исходной точкой, от которой крестьянское хозяйство пошло по пути постреформенного развития.

***

Параллельно с сокращением крестьянских наделов на территории Ингерманландии шел процесс изменения платежей.

Для начала рассмотрим ситуацию в Петербургском уезде, которая представляется нам наиболее интересной.

На всей территории столичной губернии дать систематическую денежную оценку барщине и издельной части смешанной повинности для подавляющего большинства имений не представляется возможным. Однако мы имеем достоверные данные о размерах денежных повинностей в оброчной деревне. Здесь можно рассчитать средние значения платежей, а также распределения величин повинностей на душу м.п. и на десятину удобной земли.

В Петербургском уезде до реформы в среднем на ревизскую оброчную душу платежи составляли 8 руб. 55 коп. При этом различия в размерах платежей в разных имениях были весьма заметны. Около 44 % крепостных платили 2–3 руб. с души м.п. Примерно 30 % крестьян — 8–9 руб. В то же время свыше 16 % уплачивали оброк в 19–20 руб., а примерно 6 % — свыше 20 руб.

Небольшие оброки платили крестьяне селений, ранее приписанных к Императорской Александровской мануфактуре, а «по упразднении оной» находившихся в ведении Опекунского совета.

Как правило, платежи крестьян, принадлежавших различным учреждениям⁹, были значительно ниже выплат в помещичьих селениях. Положение в этих селениях нельзя назвать традиционным, однако проживавшие здесь крестьяне составляли значительный процент от всего населения оброчной деревни. Можно отметить, что обычно наделы и платежи этих крестьян не менялись в ходе реформы.

Иная ситуация сложилась в близлежащих к Петербургу имениях, принадлежавших частным владельцам. Несмотря на микроскопические размеры наделов, часто состоящих из одной усадебной земли, платежи крестьянам до реформы устанавливались весьма большие. Примером может служить Лахтинская вотчина А. А. Стенбок-Фермора [4]. В двух ее селениях крестьяне имели около 0,3 десятин удобной земли на душу, а платили по 43 руб. с тягла (в среднем по 20 руб. с души).

После реформы структура крестьянских платежей изменилась. Для местности, в которой находился уезд, были установлены два высших размера платежей (они соответствовали двум высшим размерам надела), равные 10 и 12 руб. с души. Примем также во внимание, что на основании ст. 170 «Местного положения» крестьяне не могли облагаться оброком выше того, какой они платили до реформы.

После освобождения распределение платежей менее 10 руб. с души практически не изменилось. Помещики их не снижали, а повысить не могли. Примерно пятая часть крестьян стала платить 12-рублевый размер оброка. В среднем в оброчной деревне произошло сокращение платежей на душу до 7 руб. 05 коп., т. е. на 17,6 %.

При этом новые платежи бывших оброчных крестьян оказались ниже, чем в среднем по уезду (8,78 руб.). Так, крестьянам, состоявшим до реформы на смешанной повинности, в основном устанавливался высший размер платежей (средний размер платежей — 11,52 руб.). Петербургские помещики в этих случаях могли устанавливать для них высшие размеры платежей, так как, не приводя точной оценки стоимости выполняемых работ, было легко «доказать», что до реформы крестьянские повинности превышали этот размер. Подтверждением сказанному служит то, что никто из этих крестьян не платил после реформы менее 10 руб. В пореформенной барщинной деревне средний размер платежей составил 8,73 руб.

Для уезда были характерны попытки ряда помещиков, владевших подстоличными имениями, поднять размеры платежей более установленного по «Местному положению» высшего размера. При этом

⁹ Процесс освобождения крестьян в таких селениях регламентировался особым постановлением от 28 июня 1861 г.

широко использовались ст. 173 и особенно ст. 174 «Местного положения»¹⁰.

Для регулирования процесса повышения платежей с августа 1864 г. материалы с его обоснованием должны были быть предоставлены в Министерство финансов, а выкупная сумма согласовывалась с Министерством внутренних дел.

Иногда попытки поднять платежи заканчивались успешно для помещика, однако в ряде случаев они получали отказ.

Так, не удалось поднять оброки до 20 руб. с души в имении Волконских-Шишмаревых (деревня Новая). Дело было возвращено из Главного выкупного учреждения, поскольку предлагаемый 20-рублевый оброк превосходил уже не только «высший» размер, но и дореформенную оценку повинностей. Только 2 сентября 1864 г. с «высочайшего разрешения» в имении была установлена величина оброка в 16 руб. [Там же. Л. 6 об.].

Таким образом, в ходе реализации реформы практически параллельно шло сокращение величины крестьянских наделов, и размеров повинностей. Сопоставить эти процессы можно, рассчитав величину повинностей на десятину удобной земли. Понятно, что до реформы этот показатель рассчитывался только в оброчной деревне.

Для Петербургского уезде до реформы средний размер оброка, приходившегося на десятину, был равен 2,64 руб. Причем реальная, не усредненная картина была весьма пестрой. Встречались платежи в 0,6–0,8 руб. и свыше 3 руб.

После реформы платежи оброчных, составлявшие менее 3 руб., сохранились. Средний размер платежей практически не изменился и составил 2,63 руб.¹¹

¹⁰ По ст. 173 Губернскому по крестьянским делам присутствию предоставлялось право по ходатайству помещика повысить оброк (не более чем на один рубль), если крестьяне наделялись пойменными лугами, или если селение находилось не далее 5 верст от города с населением не менее 20 000 человек или имеющего «значительную торговую пристань». Оброк мог быть повышен на эту сумму и тогда, когда в самом селении была пристань, крестьяне могли заниматься рыбной ловлей, или если помещик «докажет, что крестьянам предоставлены такие выгоды и удобства, которые могут служить справедливым основанием к возвышению оброка». Ст. 174 с разрешения Присутствия позволяла помещику поднимать оброк еще выше без указания высшего размера повышения «в селениях, находящихся не далее двадцатипятиверстного расстояния от столиц и занятых дачами», а также в богатых промышленных селениях с обширной торговлей, фабричной промышленностью, «статьями... приносящими значительный доход». По этой статье можно было повысить оброк и в тех имениях, где «особенно ценные поемные луга составляют значительную и притом главную по ценности своей часть крестьянского надела».

¹¹ Для сравнения: средние размеры платежей на десятину в бывшей барщинной деревне составили 3,55 руб., у крестьян, находившихся ранее на смешанной повинности, — 3,33 руб., в целом по уезду — 2,92 руб.

Из этого можно сделать вывод о том, что сокращение наделов и платежей в целом в оброчной деревне Петербургского уезда шло практически «синхронно», не ухудшая положения крестьян.

В пореформенном распределении платежей в расчете на десятину обращают на себя внимание два интервала. Отметим, что в Петербургском уезде были установлены два «высших» размера наделов и два соответствующих им высших размера оброка.

От 2,4 до 2,6 руб. платили 35,1 % крестьян. Это становится понятным, если учесть, что при высшем размере надела в 4 десятины высший размер платежей составлял 10 руб. В таком случае на десятину удобной земли приходилось 2 руб. 50 коп.

В случае, если высший размер платежей составлял 12 руб. при 3,25-десятинном наделе, на десятину удобной земли приходилось 3 руб. 69 коп. платежей. В интервале, включающем эту величину (от 3,6 до 3,8 руб. на десятину), находились платежи 12,8 % крестьян.

Таким образом произошла нивелировка, усреднение крестьянских наделов и платежей. Значительная часть крестьян получила «высший размер» надела за «высший» же размер платежей.

Следует, однако, отметить, что селения Петербургского уезда, особенно те, которые находились вблизи столицы, были настолько непохожи, что средние статистические показатели часто не дают адекватного представления о реальных процессах¹².

Интересно сгруппировать данные в зависимости от близости расположения от столицы. В первую группу можно объединить имения, находившиеся ближе 25 верст от города, во вторую — имения, расположенные вне этой зоны. Исключим при этом из рассмотрения «фабричные» селения.

В окрестностях столицы преобладала оброчная форма эксплуатации, в то время как в земледельческих, более удаленных от города, волостях крестьян, состоявших на чистом оброке, практически не было (была отмечена только одна оброчная деревня с населением в 26 душ). Здесь господствовали комбинированные формы эксплуатации: либо смешанная повинность, выполняемая всеми крестьянами селения, либо были распространены деревни, где часть крестьян состояла на барщине, часть — на оброке и часть — на смешанной повинности.

Можно отметить также, что при примерно равной в двух группах общей численности крепостных, дворовых под столицей было в несколько раз больше, чем на окраинах уезда.

У нас имеются данные о дореформенных платежах оброчных крестьян в окрестностях столицы. Средний размер оброка составил здесь

¹² Подробнее об этом см.: [1, с. 121–128].

12,94 руб. на душу м. п. и 3,19 руб. на десятину. Важно обратить внимание не только на высокие размеры платежей на душу м. п. (в некоторых волостях эти платежи были выше), но и на то, что величина платежей, приходившихся на десятину удобной земли, в этой части уезда была наибольшей в губернии (в несколько раз превосходила аналогичный показатель для целого ряда других уездов).

Во 2-й группе дореформенные платежи крестьян не анализировались в связи с практическим отсутствием оброчных крестьян.

После реформы платежи оброчных крестьян в 1-й группе на душу м. п. сократились до 10,03 руб. (на 22,5%), а в пересчете на десятину удобной земли возросли до 3,36 руб. (на 5,3%).

В целом же для всех категорий крестьян в пореформенной петербургской деревне платежи составили в 1-й группе 11,69 руб. с души и 4,06 руб. с десятины (последняя цифра является наивысшим показателем в губернии). Во 2-й группе платежи были значительно меньше (9,85 руб. и 2,46 руб. соответственно).

Сравнение показателей внутри 25-верстной зоны и вне ее показывает значительные различия, существовавшие в волостях, непосредственно примыкавших к столице и расположенных на удалении, особую ситуацию, которая сложилась в крепостной деревне пригородной зоны.

В Царскосельском уезде ситуация с платежами было несколько иной.

До реформы в оброчной царскосельской деревне средний размер оброка на душу м. п. составлял 11 руб. 36 коп. Платежи эти варьировались в весьма широких пределах: от 5–6 до 18–19 руб. Высокие дореформенные оброки были связаны здесь с выгодным географическим расположением уезда, развитием промыслового хозяйства и наличием существенных дополнительных заработков крестьян.

После реформы размеры платежей оброчных крестьян уменьшились весьма заметно. Средний размер оброка составил у них 9,42 руб. с души, т. е. сократился на 17,1%.

Платежи оброчных крестьян, плативших менее до 8–9 руб. с души, мало изменились. Однако практически исчезли крупные платежи, размеры которых превышали 10 руб. с души (что являлось «высшим» размером оброка после реформы, который уплачивался за «высший» размер надела в 4 десятины). Более 85% оброчных стали платить по 9–10 руб. Царскосельские помещики были вынуждены учитывать статьи «Местного положения», запрещавшие поднимать оброк выше максимума, но постарались «подтянуть» его к 10 руб.

Средний размер платежей у барщинных крестьян после реформы составил 9,88 руб., свыше 80% крестьян платили после реформы по 10 руб. Поскольку у барщинных крестьян денежную оценку

повинностей произвести было весьма трудно, помещики практически всегда устанавливали высший размер платежей.

В целом по уезду средний размер составил 9 руб. 64 коп., по 10 руб. с души платили почти 70 % крестьян.

Рассчитаем теперь средние размеры платежей, приходившихся на 1 десятину удобной земли. До реформы в оброчной деревне эти платежи были равны 1 руб. 64 коп., а после реформы — 2 руб. 49 коп., т. е. увеличились на 51,5 %. Эта цифра аккумулирует процессы, которые происходили в уезде, показывает направление трансформации структуры крестьянских наделов и платежей. Царскосельский уезд в этом отношении является по-своему уникальным на территории Ингерманландии. Столь крупное увеличение платежей в расчете на десятину удобной земли объясняется особой ситуацией, сложившейся в ряде крупных оброчных имений уезда. Так, например, в крупном майоратном имении князя П. Л. Витгенштейна, состоявшем из 6 деревень с 696 душами м. п., сокращение площадей крестьянской земли составило около 60 %, при этом помещик не только не сократил, но даже попытался поднять размер оброка [5; 6].

Из распределения пореформенных платежей (в расчете на 1 десятину) видно, что от 2,4 до 2,6 руб. на 1 десятину платили 70 % крестьян. Это становится понятным, если учесть, что при размере надела в 4 десятины и платеже в 10 руб. с души на 1 десятину приходится 2 руб. 50 коп. Средний размер платежей на 1 десятину в целом по уезду составил 2 руб. 49 коп.

Рассмотрим платежи помещичьих крестьян Петергофского уезда. В среднем до реформы оброчный крестьянин платил здесь 13 руб. 85 коп. с души. До реформы платежи не опускались ниже 10–11 руб. Большинство оброков составляли 10–15 руб. с души, однако более 13 % крестьян платили свыше 20 руб.

После реформы средние размеры платежей оброчных сократились на 29,5 %. Для 86,8 % оброчных крестьян был установлен высший размер — 10 руб. В целом по уезду такие платежи были установлены для 87 % петергофских крестьян.

До реформы в оброчной деревне на десятину удобной земли приходилось в среднем 2 руб. 48 коп. оброка, после реформы этот показатель увеличился на 3,6 %. В целом по уезду он стал равным 2 руб. 56 коп. При этом после реформы у 85 %, петергофских крестьян размеры платежей в расчете на десятину лежали в интервале от 2,4 до 2,6 руб.

В Шлиссельбургском уезде размеры платежей оброчных варьировались до реформы в весьма широких пределах: от 2–3 руб. на душу до 18–19 руб.

Самые скромные платежи были установлены в имении коменданта С.-Петербургской крепости. И до и после реформы крестьяне платили здесь по 2 руб. 85 коп. с души [7].

В других имениях уезда платежи не опускались ниже 5 руб. на душу. Средний их размер в оброчной деревне составил 8 руб. 25 коп. серебром на душу м. п.

После реформы положение изменилось. В Шлиссельбургском уезде, так же как и в Петербургском, ряд селений находился от столицы на расстоянии ближе 25 верст. Для таких селений высший размер платежей составил по Положению 12 руб. с души. Основная же часть крестьянского населения проживала в местности, более удаленной от столицы, для которой был назначен высший размер надела в 5 десятин, а высший размер оброка — 10 руб. Этот сказалося на пореформенной ситуации.

Так, свыше половины крестьян после реформы платили в качестве оброка по 10–11 руб. с души (фактически по 10 руб.), а около 13 % — по 12–13 руб. Картина выглядела бы еще рельефнее, если бы не то влияние, которое оказывало на распределение платежей имение коменданта С.-Петербургской крепости.

Для оброчных крестьян мы имеем возможность сопоставить структуру платежей как до реформы, так и после нее. Здесь видно, что платежи менее 10 руб. с души практически сохранились, а более высокие были сокращены до высшего размера. Средний размер платежей в оброчной деревне сократился на 17,1 % и составил 6 руб. 84 коп.

Рассчитаем величину платежей на 1 десятину удобной земли. Если до реформы на 1 десятину в оброчной деревне приходилось 0,88 руб. платежей, то после реформы это количество практически не изменилось, сокращение составило всего 2 коп.

Несколько иной была ситуация в барщинной деревне. Средний размер платежей после реформы составил здесь 9 руб. 39 коп. на душу, на 27 % больше, чем у оброчных. Если же рассматривать платежи в расчете на 1 десятину земли, то здесь картина еще более рельефна. В барщинной деревне они были равны 2 руб. 89 коп., что более чем в 3 раза превышало аналогичный показатель у оброчных. Похожая ситуация сложилась в селениях, крестьяне которых состояли на смешанной повинности.

При рассмотрении такого неоднородного по своей структуре уезда, каким является Шлиссельбургский, большой интерес представляет сопоставление двух зон, присутствующих здесь: подстоличной, расположенной на расстоянии менее 25 верст от С.-Петербурга (1-я группа селений), и остальной части уезда (2-я группа). К анализу сложившейся там ситуации мы и переходим далее.

Если исключить из рассмотрения «комендантских» крестьян и сгруппировать селения по зонам, можно видеть, что и дореформенное состояние, и пореформенная ситуация в помещичьей деревне выглядели более напряженно, чем это представлялось ранее. Так, для имений 1-й группы средний размер дореформенного надела оказался заметно меньшим, равным только 4,57 десятин на душу (один из самых низких показателей в губернии), а для 2-й группы — 5,98 десятин (т. е. примерно столько же, сколько и в других близлежащих от столицы уездах). После реформы и без того малый средний размер надела в 1-й группе сократился до 3,38 десятин (на 25,6%), а во 2-й группе — до 4,87 десятин (на 18,6%).

Для 1-й группы средний размер дореформенных платежей на душу м. п. оказывается не слишком высоким (8,86 руб.), однако при этом следует иметь в виду, что средний размер надела до реформы у оброчных в этой группе оказывается крайне малым (1,78 десятин на душу м. п.). Это определило исключительно высокие средние размеры платежей, приходящихся на 1 десятину удобной земли (4,99 руб. — высший показатель в губернии). Здесь, однако, следует помнить, что в 1-й группе оброчных селений, в которых земля была точно измерена до реформы, было немного (там проживало всего 312 человек). По сути дела, здесь имеет место малая выборка, делать какие-либо широкие обобщения для столь незначительного числа крестьян было бы неправомерно.

Для 2-й группы величина дореформенных платежей в расчете на душу была равна 12,38 руб., а в расчете на 1 десятину — 1,96 руб.

После реформы платежи оброчных крестьян в 1-й группе составили в расчете на душу 8,05 руб. и в расчете на 1 десятину — 3,29 руб. Во 2-й группе платежи оброчных стали равны 9,76 и 1,99 руб. соответственно. Для всех селений 1-й группы пореформенные платежи составили на душу 11,02 и 3,26 руб. соответственно. Платежи во 2-й группе были заметно меньше: 9,82 и 2,02 руб.

Посмотрим теперь, как изменились в ходе реформы повинности ябургских крестьян. Средний дореформенный размер платежей составил в оброчной деревне 14 руб. 92 коп.

Распределение показывает, что малые платежи здесь практически отсутствовали. При этом примерно треть наделов находилась в интервале от 11 до 12 руб. с души. Характерной особенностью уезда было то, что еще треть оброчных крестьян платила очень высокий дореформенный оброк, превышающий 20 руб. с человека. По документам можно судить о хорошем состоянии ряда крестьянских хозяйств. Характерно это для тех оброчных селений, крестьяне которых уходили на заработки в столицу, уездный город Ябург и близлежащую Нарву.

Интересно, что высокие оброки, которые приближались и даже превосходили 20 руб. с души, упоминались и в выкупных документах сильных земледельческих хозяйств, занимавшихся не только выращиванием «серых» хлебов, но также овощей и фруктов.

Реформа привела к существенным изменениям крестьянских платежей. Средний размер душевого оброка у оброчных крестьян сократился весьма заметно — на 36,2% и стал равен 9 руб. 52 коп. Платежи других категорий крестьян оказались после реформы несколько выше, приближаясь к высшему для уезда размеру в 10 руб.

В оброчной деревне на десятину надельной земли приходилось до реформы 2 руб. 06 коп. Этот и без того высокий показатель вырос после реформы на 7,8%. В целом по уезду он стал равен 2 руб. 21 коп. Отметим, что при высшем размере платежей в 10 руб. и высшем размере надела в 4,5 десятины на 1 десятину приходилось 2,22 руб. оброка. Таким образом, процесс группировки наделов и платежей вокруг высшего размера отразился здесь весьма сильно, охватив примерно 80% крестьян.

***

Подводя экономические итоги реализации реформы 1861 г. в ингерманландских уездах, заметим, что при широком распространении внеземледельческих промыслов небольшие наделы местных крестьян не всегда являлись свидетельством их бедности, тогда как малые платежи, в большинстве случаев, свидетельствуют о слабости крестьянских хозяйств. В С.-Петербургской губернии величина оброка оказывается своеобразным индикатором уровня развития. Чем лучше в хозяйственном отношении был развит уезд, чем разнообразнее структура его хозяйства, тем выше средний размер дореформенного оброка.

В этой связи следует отметить, что район «исторической» Ингерманландии в экономическом плане был наиболее сильным в губернии, и размеры дореформенного оброка здесь значительно превосходили аналогичные показатели в отсталых юго-западных периферийных уездах губернии — Гдовском и Лужском¹³.

¹³ Небольшие по губернским меркам платежи наблюдались в некоторых развитых подстоличных зонах, например, в пределах 25-верстной зоны в Петербургском и в Шлиссельбургском уездах. Здесь, однако, это было связано с минимальными наделами крестьян рядом со столицей или даже в ее пределах. В пересчете на 1 десятину удобной земли платежи здесь составляли 3,19 и 4,99 руб. на 1 десятину соответственно (что в несколько раз превышает аналогичный показатель в ряде других уездов).

Механизм наделения крестьян землей и установления новых оброков после реформы, для которого было характерно подтягивание к высшим размерам, привел к тому, что крестьяне в большинстве случаев получали в пользование такие наделы, уплачивая высший размер платежей.

Эти высшие размеры были таковы, что в процессе реализации реформы происходило сокращение размеров наделов и платежей.

Крестьяне Ингерманландии оказались в этом отношении в более благоприятном положении, чем крепостные периферийных уездов, отстававших в силу тех или иных причин в своем экономическом развитии. Заметим, однако, что даже на территории одного уезда бывшие крепостные оказывались после реформы в различном положении. Бремя платежей в наибольшей степени оказалось ослабленным в зажиточных хозяйствах, где эти платежи были велики до реформы, в то время как в бедных оставались преимущественно отрезки надельной земли без существенного сокращения повинностей.

Поскольку в губернии шли параллельно два процесса, один из которых (сокращение наделов) приводил к ослаблению крестьянских хозяйств, а другой (уменьшение платежей) — к снижению налогового пресса, важно сравнить между собой эти изменения. Важнейшим показателем является величина оброка, приходившаяся на десятину удобной земли до и после реформы.

По сути дела, увеличение платежей в расчете на 1 десятину, происходившее за редким исключением в большинстве уездов и отдельных зон, показывает, что в ходе реформы уменьшение размеров крестьянских наделов шло более интенсивно, чем сокращение платежей в расчете на душу м.п. Следовательно, петербургские помещики, потеряв в общей сумме платежей, сумели поднять «поземельную плату» за представляемые крестьянам наделы. Компенсацией после реформы служили для помещиков и отрезанные у крестьян земли, которые в течение пореформенных десятилетий продавались и сдавались в аренду тем же крестьянам.

Конечно, изменениям в ходе реформы подвергались не только размеры наделов и платежей. Трансформировалась и структура угодий. Этот процесс, к сожалению, не удастся проследить для сколь угодно значительного количества имений. Однако и то, что известно из уставных грамот, позволяет сделать выводы о деформации структуры угодий в интересах помещиков. Эта деформация служила для них верным средством получения дополнительных доходов за счет выгодной сдачи земли в аренду, ее продажи по более высоким ценам, а также являлась способом экономического давления на крестьян.

Участки леса и сенокосных угодий, как свидетельствуют документы, весьма часто становились предметом дополнительных соглашений, закреплявших пореформенные отработки в барщинной деревне, и с другой стороны, компенсировали те потери в денежных платежах, которые произошли в ходе реформы, прежде всего, в оброчных помещичьих имениях.

Приложения

Таблица 1

Фабрики и заводы столицы и С.-Петербургской губернии в 1864 г. [8] (суммарные данные по территории Ингерманландии рассчитаны нами. – С. К.)

Города и уезды	Число предприятий, ед.	Число мастеров и рабочих		Стоимость продукции, руб.
		м. п.	ж. п.	
Петербург	368	20 249	3369	50 757 106
Петербургский уезд	80	14 759	1674	18 972 131
Царскосельский уезд	36	2828	167	2 506 551
Ямбургский уезд	18	1197	450	1 755 757
Петергофский уезд	15	399	87	348 130
Шлиссельбургский уезд	15	759	52	313 376
Все ингерманландские уезды (без городов)	164	19 942	2430	23 895 945
Все уезды губернии (без городов)	236	20 526	2436	24 365 890
Всего в губернии с городами	629	91 507	5805	77 269 468

Таблица 2

Численность сельских сословий Санкт-Петербургской губернии на 1862 г. [9] (указано число душ м. п., в скобках число душ ж. п., данные по Ингерманландии рассчитаны нами. — С. К.)

Город, уезд	Категории сельских жителей						Дворяные
	Государственные крестьяне	Колонисты	Удельные крестьяне	Временнообязанные крестьяне			
С.-Петербург	39 582 (17 052)	282 (163)	2941 (1696)	72 351 (29 449)	18 584 (9858)		
Петербургский	9506 (9537)	1028 (1110)	1097 (993)	14 829 (11 995)	807 (696)		
Шлиссельбург	104 (46)	4 (1)	0 (0)	819 (130)	32 (19)		
Шлиссельбургский	2616 (3009)	109 (84)	0 (0)	10 226 (11 076)	0 (0)		
Царское Село	361 (439)	57 (53)	107 (103)	613 (482)	206 (143)		
Царскосельский	3642 (3733)	388 (389)	17 130 (18 120)	8034 (9354)	178 (169)		
Петергоф	156 (58)	56 (51)	23 (5)	493 (200)	44 (26)		
Петергофский	3505 (3726)	469 (465)	4735 (5350)	12 312 (12 967)	306 (313)		
Ямбург	9 (3)	5 (9)	0 (1)	65 (55)	1 (0)		
Ямбургский	2614 (2805)	182 (188)	1563 (1634)	16 599 (17 698)	393 (381)		
Вся «Ингерманландия», уездные города	40 212 (17 598)	404 (277)	3071	74 341 (30 316)	18 867 (10 046)		
Вся «Ингерманландия», уезды	21 883 (22 810)	2176 (2236)	24 525	62 000 (63 090)	1684 (1559)		
Вся «Ингерманландия»	62 095 (40 408)	2580 (2513)	27 596	136 341 (93 406)	20 551 (11 605)		
Во всех городах	42 153 (18 245)	417 (283)	3568 (2155)	77 719 (31 725)	19 032 (10 204)		
Во всех уездах	54 796 (57 713)	2181 (2239)	32 564 (35 067)	132 975 (137 286)	3125 (2698)		
Во всей губернии	96 949 (76 008)	2598 (2522)	36 132 (37 222)	210 694 (169 011)	22 157 (12 902)		

Таблица 3

**Средние размеры крестьянских наделов до и после реформы
в отдельных уездах региона**

№ п/п	Уезды	Средний размер надела, десятин на душу м. п.	
		До реформы	После реформы
1.1	Петербургский уезд с фабричными обществами	3,66	3,01
1.2.1	Петербургский уезд без фабричных обществ (зона ближе 25 верст от столицы)	3,71	2,88
1.2.2	Петербургский уезд без фабричных обществ (зона далее 25 верст от столицы)	5,06	4,01
2.1	Шлиссельбургский уезд в месте с селениями «комендантских крестьян»	7,93	6,14
2.2.1	Шлиссельбургский уезд без селений «комендантских крестьян» (зона ближе 25 верст от столицы)	4,57	3,38
2.2.2	Шлиссельбургский уезд без селений «комендантских крестьян» (зона далее 25 верст от столицы)	5,98	4,87
3	Царскосельский уезд	5,79	3,91
4	Петергофский уезд	5,86	3,79
5	Ямбургский уезд	6,15	4,38

Литература и источники

1. *Кащенко С. Г.* Освобождение крестьян на Северо-Западе России. М.: СПб., 2009. С. 60–70.
2. *Тройницкий А.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861.
3. *Кащенко С. Г.* Реформа 19 февраля 1861 г. на территории «исторической» Ингерманландии. Изменения крестьянских наделов в помещичьей деревне // История России: экономика, политика, человек. СПб., 2011. С. 85–102.
4. ЦГИАСПб. Ф. 190. Оп. 9. Д. 1006.
5. ЦГИА СПб. Ф. 190. Оп. 9. Д. 520.
6. РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 1339.

7. РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 1402.

8. *Дорогин Н. П.* Фабрики и заводы в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии в 1864 году. Вып. 3 / Сост. Н. П. Дорогин. СПб., 1865.

9. *Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1863 год: В 2 ч. Ч. II.* Приложение. Табл. А. СПб., 1863.

Евгений Вадимович Петров, доктор исторических наук,
профессор кафедры источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
pyotroff@gmail.com

Последний исполняющий обязанности генерал-губернатора Великого княжества Финляндского и первый русский лектор Джорджтаунского университета — барон С. А. Корф¹

Русское зарубежье, компатриоты, россика и русистика

Russian abroad, Compatriots, Rossica and Russian studies

В статье анализируются документы, хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах и позволяющие уточнить данные биографии видного деятеля русского зарубежья — барона Сергея Александровича Корфа (1876–1924). Особое внимание уделено академическим материалам, свидетельствующим о преподавательской работе С. А. Корфа в Александровском университете в Гельсингфорсе с 1905 по 1917 г. и в Джорджтаунском и Колумбийском университетах с 1919 по 1924 г.

The documents of domestic and foreign archives referring to the life of baron S. A. Korff (1876–1924) is observed in this article. The most of them is devoted to academic activity of S. A. Korff in Aleksandrovsky University in Helsingfors from 1905 to 1917 and at Georgetown and Columbian Universities from 1919 to 1924.

19 апреля 1924 г. на имя руководства Школы дипломатической службы Джорджтаунского университета поступило письмо от имени «Русской академической группы в Эстонии» за подписью А. Я. фон

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке и за счет средств гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-01-00632 а/Ф (2010-2012 гг.). «Санкт-Петербург-Хельсинки. Проблемы взаимовлияния европейских столиц во второй половине XIX — начале XX в.»).

Поппена со словами соболезнования по случаю ухода из жизни в США одного из видных представителей русского зарубежья, барона Сергея Александровича Корфа (1876–1924). В скупых строчках текста говорилось о безмерной скорби его коллег и соратников. Отдельные слова утешения предназначались в адрес вдовы Корфа Аллеты ван Рейпен. О невозможной утрате и потере близкого человека говорили американские коллеги Сергея Александровича Корфа. *In memoriam* официально значилось: «8 марта 1924 г. сердце С. А. Корфа, не выдержав чрезмерного физического и эмоционального перенапряжения, остановилось». Это случилось, когда С. А. Корф находился на рабочем месте — за кафедрой аудитории Школы дипломатической службы в Вильямстауне. Его друзья вспоминали позже, что он выглядел совершенно здоровым человеком, а в то злополучное утро «были поражены его живостью и общительностью». Ноты глубокой скорби в течение многих месяцев приходили из разных уголков мира — школ и университетов. Коллеги Корфа отмечали, что смерть отобрала блестящего ученого и выдающегося наставника-педагога. На гражданской панихиде в прощальном слове Эдмунд А. Уолш сказал, что своими стараниями Корф зарекомендовал себя как один из лучших специалистов в области истории, дипломатии, а также сравнительного анализа государственного правления и «...своим сверхчеловеческим трудом приобрел высокое звание профессионала в области теории международного права» [Georgetown University Libraries Special Collection (GULSC). Box: 13. Fold: 1042. Korff, Serge A.].

С. А. Корф ушел из жизни на пике академической карьеры. Его творческое наследие как историка-юриста, правоведа и специалиста в области международного права разнопланово и обширно. В правовой науке чаще других цитируется классический труд Корфа «Федерализм», но материалов для составления полной библиографии трудов ученого сегодня более чем достаточно [1–15]. О творческом наследии барона Корфа вспомнили в начале 1990-х гг., когда в повестку дня встали вопросы будущего устройства России. «Одна экзистенция может понять другую только в экстраординарных условиях бытия». Время Корфа — эпоха революционных потрясений, когда вопрос о принципах государственного устройства затрагивали сущностные основы власти. Являясь свидетелем перемен начала XX в., он до последнего оставался безразличным к судьбам России, последовательно отстаивая точку зрения, что вековые конфликты российских народностей могут быть «умиротворены лишь согласно великому началу национального самоопределения, а таковое лучше всего удовлетворяется принципам федерализма» [12].

К обстоятельному изучению биографии Корфа историки возвратились лишь через столетие, переосмысливая общественную мысль русского зарубежья. Нужно отдать должное работе А. В. Павлова, которая вернула из забвения имя Корфа [16]. О том, что внимание к академическому наследию барона С. А. Корфа далеко еще не исчерпано, свидетельствует юбилейная статья К. С. Вельского [17]. Нам представляется важным дополнить сложившуюся историографическую традицию и обратить внимание на малоизученные обстоятельства его «эмигрантского» периода жизни и творчества.

*Барон Сергей Александрович Корф (1876–1924)
Архив Нью-Йоркского университета. Личный фонд сына С. А. Корфа*

Корф разделил сполна судьбу и участь уходящего с исторической арены ордена русской интеллигенции. Волею жизненных обстоятельств он оказался ввергнут в пучину революционных событий начала XX в. С одной стороны, потомок известного рода, выпускник привилегированного императорского Училища правоведения. Европейский образованный молодой человек, прослушавший курсы в Гейдельбергском и Петербургском университетах, Корф успешно выдержал все испытания и поступил на государственную службу в Министерство финансов. С самого начала карьеры Корфу довелось выполнять ответственные поручения, представляя интересы России в Маньчжурии, на мирных Гаагских конференциях, международных заседаниях Красного Креста, организовывать работу русской секции на международной ярмарке в Америке в 1904 г. С другой стороны, все последующие события первой русской революции заставят Корфа покинуть Петербург и перебраться в Гельсингфорс.

Материалы Национального архива Финляндии и Центрального архива Хельсинкского университета свидетельствуют о «непростом»

начале академической карьеры выпускника Петербургского университета. В архиве Хельсинкского университета содержится обширный материал на шведском и русском языках (более 300 листов), характеризующих его педагогическую деятельность. По иронии судьбы здесь, вдали от столицы он создал труды, которые принесут ему признание и известность. Разнообразные данные можно найти в материалах протоколов заседаний консистории университета за 1904–1909 гг. В 1906 г. Корф подписал воззвание «К свободным гражданам свободных стран», которое лишает его доверия властей, а заодно придворного сана. Текст воззвания сводился к следующему: «Освободительная борьба изгоняет из России за границу сотни и тысячи жертв. По своему географическому положению Финляндия назначена быть той страной, куда направляется главный поток принужденной эмиграции. Без всяких средств существования, не зная местных языков, не имея надежды получить работы, изнуренные борцы за свободу переступают финляндскую границу, по эту сторону границы их ожидают страдания, голод весь ужас неизвестности завтрашнего дня. Старания отдельных лиц облегчить участь изгнанников далеко не достаточны. При таковых обстоятельствах мы считаем своим долгом учредить *“Комитет для подачи помощи нуждающимся русским политическим эмигрантам”*. Мы обращаемся ко всем свободным гражданам в свободных странах. Граждане, не откажите помочь борцам свободы!». Работой комитета на правах председателя руководил профессор Гельсингфорсского университета Иосиф Емельянович Мандельштам (1846–1911), организовавший в том же году общество «Молодая Россия и Финляндия». Кроме Корфа в комитет входили многие коллеги Мандельштама по университету, в частности, Андрей Викторович Игельстром (1860–1927), заведующий Русской библиотекой. Секретарём комитета являлся его помощник Владимир Мартынович Смирнов (1876–1952), поддерживающий тесные связи с левым крылом финляндской социал-демократической партии.

В 1907 г. С. А. Корф был выдвинут кандидатом на должность профессора Императорского Александровского университета. По этому поводу статс-секретарь Великого княжества Финляндского А. Ф. Лангоф сделал запрос в Министерство внутренних дел о возможности назначения Корфа на эту должность. Основываясь на агентурных данных, министр внутренних дел П. А. Столыпин счел «назначение барона Корфа профессором Императорского Александровского университета... нежелательным» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 189. Л. 19.). Несмотря на это, канцлер Императорского Александровского университета А. Ф. Лангоф просил высказать свое мнение по этому вопросу финляндского генерал-губернатора. Н. Н. Герард, в свою очередь,

подтвердил, что «барон Сергей Александрович Корф по своим политическим взглядам и убеждениям принадлежит к числу лиц либерального направления, что находится в полном соответствии со строго конституционным и вполне демократическим, политическим и общественным строем этого края, который зиждется на основах, дарованных ему *высочайшею* властью» (УНСА: ФА 82: 7 I, р."J"). В то же время он указал, что воззрения барона Корфа не следует признавать более крайними, нежели убеждения многих профессоров имперских университетов, которые открыто в печати высказывали свои мнения и тем не менее продолжали свою профессорскую деятельность. Относительно участия барона Корфа в «Комитете для подачи помощи нуждающимся русским политическим эмигрантам» финляндский генерал-губернатор сообщил, что С. А. Корф не был инициатором этой деятельности и «...что самый комитет образовался в то время, когда в местном обществе распространился слух, что финляндским властям будет предписано арестовывать и выдавать Имперским властям не только тех лиц, которые совершили определенные преступления в пределах Империи, но и тех, которые подлежали там административной высылке за общее направление их деятельности, признававшееся опасным для общественного порядка и спокойствия». В дальнейшем, после издания циркуляра Сената от 17 ноября 1906 г., в котором был точно определен круг лиц, подлежавших выдаче имперским властям, деятельность комитета постепенно сошла на нет.

В этом плане небезынтересны бумаги Особого отдела департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 189). Особое внимание привлекает дело № 41, ч. 3, характеризующее общественных деятелей, «принадлежавших к освободительному союзу и проходящих по данным штаба 22-го Армейского корпуса, в качестве тех, кто подлежал ликвидации в случае объявления военного положения в Финляндии» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 41. Л. 95). Указанные списки граждан разбиты на три категории по степени общественной опасности. Материалы весьма красноречивы и говорят сами за себя — в них имя барона С. А. Корфа занесено в самую неблагоприятную категорию лиц.

Процедура назначения на должность профессора Императорского Александровского университета предполагала обязательную экзаменацию кандидата на знание финского языка. Данное положение проистекало из царского указа от 10 января 1894 г. об обязательном знании финского языка для преподавателей Императорского Александровского университета. Несмотря на то что барон Корф не обладал установленными познаниями по финскому языку, Консистория Александровского университета «вошла с всеподданнейшим представлением

о разрешении Барону С. А. Корфу в отступлении от правил быть соискателем на должность профессора русского государственного права...». 7/20 февраля 1907 г. последовало высочайшее соизволение «Всеподданнейший доклад по Канцелярскому управлению 1907 года за № 4» (УНСА САД: FA 82: 7 I, р. “К”).

Согласно заключению юридического факультета Александровского университета, «приобретенная» бароном Корфом в Санкт-Петербургском университете степень магистра должна быть приравнена к докторской степени. Учитывая это, консистория университета дополнительно сделала запрос мнения относительно компетентности и научных заслуг С. А. Корфа таких авторитетных специалистов по русскому праву, как В. И. Сергеевич, И. А. Ивановский и В. Н. Латкин. По единогласному мнению вышеназванных профессоров, «талантливость и компетентность Барона Корфа для занятий профессорской должности признана не подлежащей сомнению» [Ibid.].

Но финляндское общество вознесло куратора славянской коллекции книг, барона Корфа не только до звания профессора Александровского университета, Февральская революция поднимет его на вершину местной власти. Корф во Временном правительстве занимал должность помощника, а в роковые октябрьские дни 1917 г. кратковременно исполнял обязанности генерал-губернатора Великого княжества Финляндского (НАФ: F. 121. В. FH9). После прихода большевиков он вынужден был сложить полномочия, о чем свидетельствует документ. «Командиру 42-го Армейского корпуса. Имею честь уведомить Вас, что сего числа я, не признавая для себя, при создавшихся политических условиях, возможным дальнейшее отправление временно лежащих на мне обязанностей финляндского генерал-губернатора, сложил с себя таковые обязанности и передал охрану государственных в пределах Финляндии интересов Командующему флотом Балтийского моря. За финляндского генерал-губернатора его помощник барон Корф». Корфа нельзя назвать политиком по призванию. Он им никогда не был. Да и попросту никогда не стремился, скорее оставаясь таковым по воле жизненных обстоятельств.

Мучительные годы безвременья и гражданской войны подталкивают семью Корфов перебраться на время в Швецию. После бесконечных мытарств и переездов по европейским столицам он с детьми перебрался за океан. В очередной раз Корфу довелось испытать «крутизну лестниц эмигрантского бытия». Благо прошлые знания американской действительности позволили ему обосноваться и успешно выстроить академическую карьеру. Занимая позицию *visiting lecturer*, Корф, используя рекомендации, избирается на профессорские должности

в университетах Джорджтауна и Колумбии, публикуя за пять недолгих лет пребывания в Америке учебные материалы и книги по истории России.

Академическая карьера Корфа в Нью-Йорке началась с преподавания курса лекций по русской истории в открытом в 1919 г. Институте международного образования. Программы института в большей мере были ориентированы на широко распространенные в послевоенное время идеи пацифизма. Его учредителями являлись лауреат Нобелевской премии мира, президент Колумбийского университета Н. М. Батлер, экс-государственный секретарь США Э. Рут и профессор политических наук С. Даган. Миссия учебного заведения нового типа виделась создателям в том, что «прочного мира не возможно достичь без взаимопонимания между народами, и что международные обмены в области образования составляют прочную основу для укрепления такого понимания». В предисловии к учебной программе курса Корф отмечает, что открыл для себя неподдельный интерес американской аудитории к России, ее истории, институтам и ее нынешнему, увы, плачевному состоянию. Вместе с тем, по его мнению, знания прошлого России оставляют желать лучшего, а те доступные источники, которые есть, к сожалению, искажают действительность под давлением политической конъюнктуры и не освещают истинного положения дел. За 1919–1920 гг. С. А. Корф в качестве лектора «посетил более 40 американских университетов и колледжей на востоке, юге и среднем западе США» (GULSC: V.13. F.1042. Baron Serge Alexander Korff (autobiography), April 15, 1921). В дальнейшем деловые связи Корфа с руководством института помогут ему при переходе в Колумбийский университет в 1923 г.

В январе 1921 г. С. А. Корф получил предложение занять место профессора кафедры политических наук в Школе дипломатической службы (School of foreign service) Джорджтаунского университета. Лекционные курсы Корфа по дипломатическому этикету, истории европейской дипломатии и международному праву пользовались неизменным интересом как у студентов, так и коллег. Основатели школы К. Мак-Гвайр и Э. А. Уолш считали, что «через пять, десять лет спрос на людей, которые знают русский язык, будет неизмеримо выше... и те, кто знаком с русской жизнью, с русской литературой и историей — найдут себя наиболее востребованными... Пришло время создать славистическое отделение под эгидой Школы дипломатической службы, целью которой стало бы всестороннее изучение языка, этнографии экономики, социальных условий, истории и международного положения славянских народов». В письме к барону Корфу основатель школы Эдмунд Уолш подчеркнул, что изучение истории России

и ее настоящего представляет огромный интерес для американского общества и государства, и прежде всего с точки зрения сбыта американских товаров (GULSC: B. 13. F. 1042. Edmund A. Walsh's letter to baron S. A. Korff. July 22. 1921).

Помимо работы в Джорджтаунском университете С. А. Корф установил научные связи со многими американскими университетами и международными научными сообществами. Он преподавал историю России в университете Джона Гопкинса (John Hopkins University), а в 1922 г. был избран членом ассоциации Института международного права. Принимал участие в работе многочисленных международных форумов. В конце 1922 г. барон С. А. Корф получил предложение от руководства Фонда международного мира им. Карнеги принять участие в церемонии открытия Академии международного права в Гааге (The Academy of International Law at The Hague) в 1923 г. Международный авторитет С. А. Корфа в этой области был неоспорим, и именно ему выпала честь открыть курс лекций в новом учебном заведении Старого Света. Из Гааги Корф писал декану Т. Хили (Thomas Healy): «Мы наслаждаемся пребыванием здесь и бесконечно рады нашему окружению; очень много интересных людей со всего мира, с которыми мы проводим часы долгих приятных бесед. В академию поступило около 130 студентов, намного больше, чем мы ожидали» (GULSC: B. 13. F. 1042. S. A. Korff's letter to dean of School of Foreign Service Thomas Healy, 1923). Во время этой поездки ученый также посетил Институт международного права в Брюсселе.

Вернувшись в сентябре 1923 г. в США, Корф возобновил работу в Вильямстауне, а в конце года предпочел перейти в Колумбийский университет. Всплеск интереса в Америке к «русской тематике» в начале 1920-х гг. повлек за собой введение в крупнейших университетах страны курсов по русскому языку, русской истории, русской литературе и культуре. Потребность времени диктовала подготовку американских специалистов в области русистики. Катастрофическая нехватка экспертов в русском вопросе заставляла американские университеты вводить новые специальности. Прочные позиции в американской русистике занимала колумбийская школа, где традиционно сильно было влияние эмигрантской мысли. С 1904 г. курс по экономической истории в Колумбийском университете читал профессор Владимир Григорьевич Симхович (1874–1959). Свои экономические изыскания в области общинного землепользования Симхович начинал непосредственно в Берлинском университете. Позднее он интересовался марксизмом и его влиянием на экономическую теорию. В 1909 г. по инициативе И. А. Иоффе впервые начали преподаваться курсы русского языка.

В полном объеме славистическое отделение было открыто в 1915 г. с приходом Д. Д. Принса (John Duneley Prince, 1868–1945). В силу его «вечной занятости» ему ассистировал И. С. Андриевский. Выбор Корфа в пользу “russian studies” Колумбийского университета понятен и обоснован, и он лишь укрепил позиции последней в качестве ведущей школы лингвострановедческих знаний. Среди известных выпускников Департамента славистики можно назвать А. Ц. Ермолинского (1890–1975). В 1921 г. ему была присуждена докторская степень за диссертацию, посвященную истории русской литературы. С 1918 по 1955 г. он возглавлял славянский отдел Нью-йоркской публичной библиотеки. В последствие с Колумбийским университетом сотрудничали многие русские компатриоты: Д. Н. Федотов-Уайт, М. Т. Флорниский, Г. В. Вернадский, С. Г. Пушкарев, Г. В. Флоровский, Н. И. Ульянов и др.

При всей занятости и учебной нагрузке Корф вел плодотворную исследовательскую работу. В 1922 г. он издаёт труд о международной политике России в XIX в., а в 1923 г. выпускает книгу о самодержавии и русской революции. Как ни парадоксально, но жизнь барона Корфа обрывается на пике академической карьеры. Соратники и коллеги Сергея Александровича отмечали, что он ушел из жизни слишком рано. Чарльз Хейзен² на гражданской панихиде в память о Корфе сказал: «В его симпатиях и взглядах он был намного более американцем, чем многие из нас. Об Александре Гамильтоне говорили, что он “боготворил” Европу. Барон Корф не только “боготворил” Америку, он по праву считал себя ученым американо-русского мира». Баронесса Алета Корф (Alletta Korff) в письме к декану Школы дипломатической службы Вильяму Ф. Нотсу (William F. Notz) очень точно передала отношение Сергея Александровича к своим педагогическим обязанностям. Она писала: «Вы знаете, как он любил свою работу и гордился своими “мальчишками”. Он был безмерно счастлив, когда они присылали ему свои труды, и с нескрываемой гордостью рассказывал мне о назначениях на государственную службу, которые они получали. Первые годы, проведенные в Америке, были удручающими и трудными, но в дальнейшем мой муж, начав работать в Школе дипломатической службы, почувствовал, что может принять действительное участие в жизни Америки и в то же время послужить верой и правдой интересам своей страны». «По прошествии

² Чарльз Доунер Хэйзен (Charles Downer Hazen, 1868–1941) — известный американский историк. Автор работ “Contemporaneous American Opinion of the French Revolution” (1897), “Europe Since 1815” (1909), “The French Revolution and Napoleon” (1917), “Alsace-Lorraine Under German Rule”, “The Government of Germany”, “Fifty Years of Europe”, “Modern Europe” и двух томов по Французской революции (1932).

времени, — продолжает баронесса, — он нашел много возможностей для плодотворной работы, которую старался делать, как никто из нас. Он постоянно размышлял, много читал, занимался исследовательской работой, публиковался и преподавал, не останавливаясь ни на минуту, видя в этом смысл жизни. Мы никогда не сможем понять, как он выдерживал подобные нагрузки» (GULSC: B. 13. F.1042. Letter of Baroness A. Korff to Dean of School of Foreign Service William F. Notz, March 22, 1924).

У вдовы на руках остались дети Сергей (1906–1989) и Варвара (1911–2002). Российско-американская семья Корфов оказалась талантливой — сын Сергея Александровича стал известным астрофизиком, а дочка добилась признания как художник. Они достаточно состоявшиеся люди в американском обществе. Историческая Родина вспомнила о судьбе их отца через столетие, памятуя о его преданности и верности гражданскому долгу. Труды Корфа вернулись в отечественную науку, а имя их автора навсегда останется в исторической памяти новой России, убеждая в простой истине: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить»!

Источники

Georgetown University Libraries Special Collection (GULSC). Box: 13. Fold: 1042. Korff, Serge A.: B. 13. F.1042. Baron Serge Alexander Korff (autobiography), April 15, 1921. B. 13. F. 1042. Edmund A. Walsh's letter to baron S. A. Korff. July 22. 1921. B.13. F.1042. S. A. Korff's letter to dean of School of Foreign Service Thomas Healy, 1923. B. 13. F.1042. Letter of Baroness A. Korff to Dean of School of Foreign Service William F. Notz, March 22, 1924.

Helsingin Yliopisto kanslerinvirtson arkisto kirjcasia kirjat konsistori pöytäkirja, 1904–1909 (University of Helsinki, Central Archive (UHCA), Chancellor's Archive Documents, consistory's transactions 1904–1909): FA 82: 7 I, p. "J". CAD: FA 82: 7 I, p. "K".

Konsallisarkisto, KKK (keneraalikuvernoorinkanslia) 121, FH9, Korff (National archives of Finland (NAF), Chancellery of governor-general of Finland, personal folder 121, box FH9, Korff): F. 121. B. FH9.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Особый отдел департамента полиции: Ф. 102. Оп. 237. Д. 189. Л. 19. Ф. 102. Оп. 237. Д. 189. Ф. 102. Оп. 239. Д. 41. Л. 95.

Литература

1. Корф С. А. Железнодорожный смешанный суд в Манчжурии. СПб., 1903.
2. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906.
3. Корф С. А. История русской государственности. Основные черты древнерусского государства. Т. 1. СПб., 1908.
4. Корф С. А. Федерализм. СПб., 1908.
5. Корф С. А. Административная юстиция в России. Кн. 1–3. СПб., 2010.
6. Корф С. А. Государственный строй Канады. М., 1911.
7. Корф С. А. История правительствующего сената за двести лет. Ярославль, 1911.
8. Корф С. А. Государственный строй Австралии. М., 1912.
9. Корф С. А. Автономные колонии Великобритании. СПб., 1914.
10. Корф С. А. Русское государственное право. СПб., 1915.
11. Корф С. А. Понятие суверенитета (к десятилетию манифеста 17 октября). М., 1915.
12. Корф С. А. Федерализм и централизация в современной Америке // Современные записки. 1920. Кн. I. С. 204.
13. Korff S. A. The History of Russia from earliest times. A Preliminary Syllabus. The Institute of International education. N. Y., 1921.
14. Korff S. A. Russia's Foreign relations during the last half century. N. Y., 1922.
15. Korff S. A. Autocracy and Revolution in Russia. N. Y., 1923.
16. Павлов А. В. Научно-педагогическая и политическая деятельность С. А. Корфа (1876–1924 гг.) в России и эмиграции: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
17. Вельский К. С. Профессор С. А. Корф — видный русский государствовед, административист и юрист-международник (К 130-летию со дня рождения) // Государство и право. 2007. № 3. С. 76–82.

Гельсингфорс–Санкт-Петербург

Страницы истории

вторая половина XIX – начало XX века

Сборник статей

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*

Корректоры *Е.С. Васильева, А.М. Никитина*

Оригинал-макет *М.Н. Николаева*

Дизайн обложки *Е.В. Кудина*

Подписано в печать 14.11.2012. Формат 60x84¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 12,25. Заказ № 2932. Тираж 400 экз.

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7. Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru; www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21

Тел. (812)622-01-23